

Посвящается
XXIX Всемирной зимней универсиаде 2019 года

Посвящается 20-летию
литературного клуба Научной библиотеки СФУ
«Высокий берег»

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

20 лет...

Выпуск 7

КРАСНОЯРСК
2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

*Посвящается
XXIX Всемирной зимней универсиаде 2019 года*

*Посвящается
20-летию литературного клуба НБ СФУ «Высокий берег»*

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

20 лет...

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ СТУДЕНТОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И
СОТРУДНИКОВ СФУ
(ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ВЫСОКИЙ БЕРЕГ»)

Выпуск 7

Красноярск
СФУ
2018

ББК 84
Н 12

На высоком берегу. 20 лет...: литературный сборник. – Вып. 7 / сост. Т. И. Блинникова, Л. В. Конева; предисл. В. Н. Конов; отв. за вып. Е. Н. Касянчук. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 345 с.

Редакционная коллегия:

Т. И. Блинникова, главный библиотекарь НБ БИК СФУ
Л. В. Конева, главный библиотекарь НБ БИК СФУ
Л. П. Абрамова, член совета Ассоциации выпускников СФУ
В. Н. Конов, канд. техн. наук, доцент каф. МОНГП ИНиГ СФУ

От составителей

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках очередной, седьмой, выпуск литературного альманаха «На высоком берегу». Он посвящен XXIX Всемирной зимней универсиаде 2019 года и, конечно, более значимой лично для нас дате – 20-летию литературного клуба Научной библиотеки СФУ «Высокий берег». Многие произведения в сборнике посвящены этим событиям.

По давней традиции сборник разбит на несколько разделов.

Первый раздел «Они были первыми. 20 лет спустя» отведен для участников первого состава клуба, людей, заложивших фундамент всей нашей последующей деятельности. В разделе размещены заметки и воспоминания об их жизни на «Высоком берегу», полюбившиеся старые и новые, еще неизвестные, произведения.

«Творческая лаборатория «Высокого берега»» – раздел, в котором размещаются творческие работы участников текущего состава клуба. Нынешние «береговцы» – в основном студенты, преподаватели и сотрудники СФУ. Есть в нем и те, кто давно отучился или поменял место работы, но на заседания «Берега» ходят регулярно, принимая активное участие в жизни клуба. У всех авторов разные направления обучения и деятельности в целом, разные характеры и возраст, разные литературные предпочтения и уровень владения словом. То есть «Лаборатория» – раздел, где мы проводим эксперименты, литературный агрегатор нашего творчества. Здесь, дорогой читатель, ты обязательно найдешь что-то близкое лично тебе.

Раздел «Друзья и гости клуба» отведен для авторов, бывающих у нас в гостях редко или тех, кто не был ни разу, потому что они – представители творческих объединений Красноярска и Красноярского края, с которыми успешно сотрудничает «Высокий берег». Есть в этом разделе и известные красноярские авторы, которые захотели поддержать наш сборник своими произведениями.

А, значит, дорогой читатель, тебе не будет скучно на страницах нашего альманаха.

Добро пожаловать «На высокий берег»!

Высокому берегу – 20 лет!

«Клуб живет трогательной нежностью своих давних авторов и широтой тем все большего количества друзей».

Профессор ПИ СФУ

Валентин Михайлович Журавлев

Авторов первых выпусков сборника «На высоком берегу» формулировала техническая среда. Но уже в первых произведениях авторов сборника присутствует мысль, что новые технологии невозможно развивать без заботы о грядущих поколениях, без сохранения гармонии техники и искусства, интеллекта и культуры, физики и лирики.

20 лет назад в стенах Красноярского Государственного технического университета родился литературный клуб, объединивший творческих людей вуза. Удачное название клубу и сборнику придумала Людмила Петровна Абрамова, много лет возглавлявшая университетскую телестудию «Контур», талантливый и творческий человек. Она – автор прекрасных литературных сборников. Людмила Петровна пишет замечательные искренние стихи и прозу, сочиняет музыку и великолепно поёт. Её фильмы о жизни клуба и библиотеки, меткие критические замечания, требовательное отношение к литературным работам и уважительное отношение к слову очень помогают авторам клуба.

*Людмила Петровна Абрамова
(конкурс Чтецов 2016)*

*Слева направо: Елена Баженова (участница
первого состава клуба), Людмила Павловна
Антолиновская*

Терпеливым и бережным отношением к молодым авторам клуба всегда отличалась Людмила Павловна Антолиновская, тогда редактор газеты «Политехник». Благодаря её мастерству увидели свет 17

выпусков альманаха «На высоком берегу» как приложение к газете, что являлось огромным стимулом для творческих людей вуза. С 2006 года литературные произведения авторов клуба выходят в книжном формате.

Искреннего уважения и признания заслуживают первые кураторы и организаторы клуба «Высокий берег». Это Георгий Георгиевич Васильев, семь лет руководивший клубом. Он много сделал для становления и развития клуба. Благодаря его инициативе клуб «Высокий берег» сформировался как творческое объединение людей.

Это Галина Георгиевна Фадеева, тогда зав. сектором библиотеки КГТУ, жизнелюбивый и светлый человек, живший заботами клуба. Она рано ушла из жизни, но оставила о себе самые теплые воспоминания у первого состава авторов клуба.

Галина Георгиевна Фадеева у выставки
«Творчество наших читателей»

Георгий Георгиевич Васильев
(первый председатель клуба)

Украшают первые выпуски сборников «На высоком берегу» работы Елены Александровны Исайкиной, художника-педагога, ст. преподавателя кафедры компьютерной графики и дизайна КГТУ,

Татьяны Геннадьевны Савельевой, доцента кафедры ЭЭиК КГТУ, Нины Александровны Незговоровой, доцента кафедры ЛПОМД.

В клуб приходили и приходят первокурсники, преподаватели и сотрудники, у которых есть потребность в литературном творчестве. Это Елена Геннадьевна Баженова, ст. преподаватель кафедры экономики и управления КГТУ, автор коротких искромётных рассказов с яркими сюжетами. Это студент факультета информатики и процессов управления Григорий Иванов, который за год написал более 150 рассказов. Один из них, «Письмо к А.С.Пушкину», он прочитал потомкам А.С. Пушкина, гостившим у нас в вузе в день 200-летия со дня его рождения. Это Михаил Дементьев, автор гимна клуба «Высокий берег», Игорь Носков, автор многих хороших стихов, мастерски владеющий гитарой, что очень оживляло атмосферу заседаний клуба. Это Тамара Николаевна Патрушева, профессор, доктор технических наук, автор тёплых и пронзительных строк о любви к России, к её природе. Неоднократно заседания клуба проходили в её лаборатории. Это Евгений Манзанов, выпускник ИКиТ СФУ, блестящий знаток поэзии Н. Гумилева. Всех авторов клуба невозможно перечислить.

Много теплых слов заслуживает Виктор Николаевич Конов, кандидат технических наук, доцент Института нефти и газа СФУ. Он стал координатором совместных проектов клуба «Высокий берег». Его энергия, творческие инициативы, его литературные связи с общественностью южных районов края и п. Курагино, родины Виктора Николаевича, обогащают жизнь клуба.

Признания заслуживает активная творческая инициатива постоянных участников литературных заседаний Владимира Сергеевича Баранова, Ольги Борисовны Нифантьевой, Александра Владимировича Филатова и Лилии Викторовны Федяевой. Эти люди делятся с юными участниками клуба своим жизненным опытом и мудростью.

Клуб жил и живет активной творческой жизнью. Это презентации клуба в Доме журналиста, в Доме ученых, в Культурно-историческом центре, в Гор ДК, в КИЦ «Успенский», в музее В.П. Астафьева. Это выступления авторов клуба в общежитиях университета, в госпитале ВОВ, на площадках других вузов города, на поэтических конкурсах и фестивалях, в «Нашем театре», в ГорДК, на фестивале «Курага» в Курагинском районе Красноярского края. Члены клуба не раз приглашались в авторскую программу краевого радио Л.Н. Базаровой. Устраивались выездные заседания «В гостях у студентов ИКиТ» (доцент Т.М. Лабушева), в Культурно-историческом центре «Успенский», на музейной ночи «Я – машина», в филиале музея В.П. Астафьева в «МІХ-МАХ» и многое другое.

На 33-ей Музейной ночи «Я – машина». 2006 год

На экскурсии в КИЦ Успенский. 2017 год

Ребята из клуба также участвовали и участвуют в различных творческих конкурсах, в том числе в ежегодном конкурсе Красноярской краевой библиотеки «Король поэтов» или в конкурсе чтецов «О любви, о весне...», проводимом Научной библиотекой СФУ.

Конкурс «Король поэтов – 2008.
Игорь Носков,
выпускник КГУ

На конкурсе чтецов «О любви, о весне...»
Жанна Петрушина, ЮИ СФУ (2016 год)

Иван Шульгин, ПИ СФУ. (2017 год)

Ксения Ширяева, ИППС СФУ (2018 год)

В клубе родилась традиция приглашать на заседания известных литераторов. У нас в гостях был наш знаменитый земляк В.П. Астафьев, не единожды побывал на «Высоком берегу» маститый красноярский поэт Николай Ерёмин. Поэт и драматург Виктор Теплицкий – священнослужитель – дважды был гостем «Высокого берега» с презентацией сборников своих стихов. Гостями клуба были Роман Солнцев, Михаил Успенский, Александр Бушков, Олег

Пащенко, Николай Гайдук и другие поэты и писатели. Эти традиции продолжаются и сейчас.

*Николай Ерёмин и Павел Полуян
в гостях у «Высокого берега».
2017 год*

*Николай Гайдук и Нина Незговорова, член
союза художников России Презентация книги
«Избранное». 2016 год.*

Многие авторы клуба уже окончили вуз и появляются в клубе редко, но есть и такие, которые продолжают часто приходить на заседания. Это выпускники ИКиТ СФУ Руслан Головин, Никита Чучков, выпускник ИИФиРЭ Максим Федотов, выпускники ПИ СФУ Дима Ивакин, Иван Шульгин, Дима Коломыцев, выпускница ИМиФИ Таня Щербакова и другие.

Состав клуба постоянно обновляется, приходят новые творчески одаренные люди. Это Кристина Карагулян, студентка ГИ СФУ, Жанна Петрушина, студентка ЮИ СФУ, Мария Козлова, студентка ИКиТ СФУ, Ксения Ширяева, магистрант ИППС СФУ, Нина Регнер, студентка ИФБиБТ СФУ и другие.

С 2010 года одним из кураторов клуба стала Людмила Конева, главный библиотекарь НБ СФУ. Это на её плечи легла работа по компьютерной верстке, дизайну, и это её иллюстрации украшают выпуски сборников. С художественным оформлением зала для заседаний нам помогает Екатерина Федотова, сотрудница читального зала гуманитарных наук НБ СФУ.

С библиотеки все началось, развивалось и продолжается. Молодые литераторы нашли здесь тепло и внимание.

С двадцатилетием, «Высокий берег»! Творческих находок, талантливых авторов и благосклонных читателей!

*Т.И. Блинникова,
куратор клуба «Высокий берег»,
главный библиотекарь НБ СФУ*

ОНИ
БЫЛИ
ПЕРВЫМИ.

20 лет спустя...

Людмила Абрамова

Выпускница механического факультета Красноярского политехнического института. Автор гимна Профессорского собрания Красноярского края, песни-гимна города «Этот город на Афонтовой горе» и названия этого альманаха. Активная участница литературного объединения «Высокий берег» и автор названия клуба. Автор замечательных литературных сборников.

20 лет на высоком берегу

Библиотека – приют души. Вряд ли человек, пришедший в художественную библиотеку, не испытывает священный трепет перед обилием книг, перед собранием интересных историй, имевших место быть и выдуманных, рожденных фантазией автора!? Безумная, испепеляющая сердце любовь, самоотверженность, отвага и готовность к подвигу, изощренное коварство и предательство, захватывающие ум шпионские страсти и строгая документалистика – всё есть в библиотеке! За этим мы туда и ходим. И нас в библиотеке всегда ждут! Едва поступив в Политехнический институт, я «поступила» в библиотеку, приносила на суд сотрудниц стихи и заметки, встречалась с такими же книголюбями. Добрая душа, Галина Георгиевна Фадеева, всегда привечала доморожденных поэтов и писателей, стеснялась критиковать вирши, а если и делала какие-либо замечания, то очень деликатно, дабы случайно не задеть ранимую поэтическую душу!

Конечно, главная мечта пишущего человека – увидеть свое творение напечатанным, и, поскольку за местными творцами издательства не гонялись, творцы сами несли свои произведения в вузовскую газету «Политехник». А в ней в те далекие времена, лет 50 назад, печатались и Виктор Астафьев, и Роман Солнцев и другие известные красноярские поэты и писатели. На страницах газеты находилось место и произведениям наших студентов и сотрудников, объединившихся в клуб с названием «Высокий берег»: и географически, и по целям, точно определяющим содержание. Первый проректор КГТУ Валентин Михайлович Журавлев стал президентом клуба.

Как известно, количество при благоприятных условиях переходит в качество: увидел свет первый Альманах политехнического творчества, потом – второй и пошло-поехало! И доехало до сборника с

оригинальным именем «На высоком берегу». В то время и до сих пор у руля стоит Тамара Ивановна Блинникова. Одному Богу известно, сколько времени и нервов стоит ей редакция сборника: авторы амбициозны и коршунами парят над своими детищами. Иногда, чтобы не брать грех на душу и не предстать раньше времени перед Страшным литературным судом, приходится писать: печатается в авторской редакции. Каждый новый сборник имеет свое лицо, над которым трудится Людмила Васильевна Конева.

И вот настал Юбилей – 20 лет клубу! Первые его участники имеют семьи, приходят на заседания клуба с детьми, ветераны уже обросли внуками, которых тоже привлекают к творчеству. И мы, как и все эти двадцать лет, радуемся встрече, слушаем песни своих собственных бардов, аплодируем свежим и ярким стихам новичков, критикуем, и довольно жестко, «старичков» за небрежное отношение к слову, пьем чай с печеньем и конфетами. И самая лучшая награда – обняться при встрече и услышать: «Мы скучали, здорово, что Вы пришли!». И пусть это продолжается!

У самого Красноярского моря

Очерки политехнической жизни.

Спортивно-оздоровительному лагерю «Политехник» – 45 лет!

Есть в нашей необъятной стране такие места, к которым раз и навсегда прикипаешь душой. Кто хоть однажды здесь побывал, вряд ли забудет эти молочно-туманные рассветы, щедрые на краски закаты, игру волн на склонах Крокодила, этот аромат клубники, это равновесие духа и безмятежность, когда думаешь ни о чем и обо всем сразу, следя за проплывающими облаками.

Место это – на берегу Убейского залива, получившегося от образования Красноярского моря, которое затопило и деревню Медведево, и речку Убей, давшую народное название нашему лагерю наравне (и даже больше) с вполне официальным и правильным названием «Политехник». Самим Богом отмечено оно: в незапамятные времена огромный камень свалился с небес – в плохое место метеорит не упадет! – и дал начало науке метеоритике, конечно, с помощью любознательных поселян и академика Палласа, проезжавшего здесь с экспедицией. И теперь в каждом уважающем себя геологическом музее есть кусочек нашего метеорита. И благородными металлами славятся верховья Убея: золотые рудники имел здесь красноярский помещик Геннадий Васильевич Юдин, успешный золотопромышленник и виноторговец, известный библиофил, чья знаменитая библиотека

украшает Библиотеку Конгресса США. Известный почвовед Арсений Арсеньевич Ярилов, окончивший Тартуский (Юрьевский) университет и ставший доктором философии и сельскохозяйственных наук, прославил своими трудами родные места. Деревню Медведево поглотило море, но ее жители собираются, чтобы вспомнить свою малую Родину.

А нас, «старых убейцев», греют воспоминания о клубничных полянах, теплой воде залива, необыкновенном живительном воздухе, грибных лесах, о песнях у костра, искры которого сливаются с крупными близкими звездами. А еще – нехитрые развлечения: праздник Нептуна, КВН на местные темы, конкурсы красоты среди местных модниц, детские праздники и спортивные состязания ребят. И нехитрые призы в виде пряников из столовского склада или – это уже главный приз – банки сгущенки! Счастливый именинник получал в день рождения букет ромашек, кружку ягоды от девчонок, от егеря – пучок морковки с лагерного огорода, оформленный листьями салата, и персональный танец на вечерней дискотеке. А если награждали поездкой на катере, то зависти провожающих на берегу не было предела! И это было счастье!

Сейчас другие времена, и конкурсы другие, и подарки, и поехать можно куда захочешь, но почему так сладко вздрагивает сердце при слове Убей, при неожиданно мелькнувшем знакомом запахе сырой травы в затененных местах нашей рощи в Студгородке, при встрече со «старым убейцем»? Потому что частица этого самого сердца навсегда осталась там, на ромашковой поляне. На солнечном берегу, где вьется дымок от грибка, и на железной печке в эмалированном чайнике настаивается чай с душицей, и под ласковый шорох волн идет неспешный и негромкий разговор. Ни о чем и обо всем сразу.

Оздоровительный лагерь СФУ в заливе р. Убей. (фото из газеты «Новая университетская жизнь», 2013, №9)

Песня трех поколений

Есть в сибирских краях небольшой островок,
Мы во сне его видим холодной зимой.
И простые стихи всего в несколько строк
Посвящаем тебе, наш Убей дорогой!

Там небо бездонное,
Там звезды влюбленные,
Там море шумит изумрудной волной.
Там люди-отшельники,
Там песни душевные,
Там искры летят от костра в час ночной.

После темных ночей, после жарких костров
Появляется много счастливых детей:
Порождение любви, продолжение отцов,
Продолжение твое, наш любимый Убей!

Здесь сказки волшебные,
Здесь травы целебные,
Здесь ягодный дух над заливом плывет!
Здесь вдоволь купается,
Здесь сил набирается,
Здесь крепнет душой наш убейский народ!

Не изменится этот порядок вещей
Через тысячу лет, через тысячу зим.
В нашем сердце Убей не заменишь ничем,
Мы к нему прикипели всем сердцем своим!

Здесь дали широкие,
Здесь горы высокие,
Здесь леший дудит на хрустальной трубе.
Давно уж мы выросли,
Но где бы мы ни были,
Мы помним тебя, наш любимый Убей!

Единственная жизнь

Жизнь – она всякая разная,
Красивая и безобразная,
Великая, мелкая, средняя –
Первая жизнь и последняя,
Единственная жизнь.

В муках на свет появляемся,
В битвах душой закаляемся,
Рвемся в простор, распластав крыла,
Только чтоб ярче, полней была
Единственная жизнь!

Встречи, разлуки и – заново
Сердце любовью терзаем мы,
Чашу тревог изопьем до дна,
Чтобы счастливой была одна-
Единственная жизнь!

Страстной любви продолжение,
Носим своё отражение,
Чтобы среди миллиардов звезд
Нежный и хрупкий росток пророс –
Единственная жизнь!

Снова по свету мотаемся,
Снова постичь мы пытаемся,
В чем же секрет мироздания,
И для чего же дана она –
Единственная жизнь?

Хакасия

Земля моя, Хакасия!
Просторы неоглядные,
Курганы молчаливые
Их сторожат покой.
Трава лугов атласная
И кручи с водопадами,
И родники шумливые
С целебной водой.

Туман поутру стелется
Над сонною долиною,
По ней река стремительно
Бежит издалека.
Серебряной метелицей
Волнится степь ковыльная,
Как было и как длится всё
Уж многие века!

В степи цветы неброские:
Бессмертники да ирисы,
Да глазки колокольчиков
Синеют кое-где.
Трещат звонкоголосые
Кузнечики на выпасе.
И мне от жажды хочется
Припасть к живой воде.

Ергаков пики острые
Пронзают небо синее,
И шапки белоснежные
Сверкают в серебре.
А над прозрачным озером –
Деревья в белом инее,
И облака неспешные
Скользят по синеве.

Всё есть в тебе, Хакасия:
Озера, реки быстрые
И недра златоносные,
И горы, и леса!
И позабуду разве я
Твое дыханье чистое,
Твои восходы росные
И скифские глаза!

Мой город

Я люблю, когда город под зонтиком весело прыгает,
Как легонько парит утолившая жажду земля,
Как играют дома чистых окон прозрачными бликами
И как пахнут смолой после летней грозы тополя.

В жаркий полдень ишу я прохлады у рощи березовой,
Припадаю к ручью, обжигаясь студеной водой.
Здесь мои сыновья резво бегали ножками босыми,
И сюда приходя, становлюсь я опять молодой.

А под вечер, когда затихает мой город натруженный,
Я подолгу смотрю на Афонтовой стоя горе,
Как бегут поезда сквозь мостов рукотворное кружево
И купаются чайки в закатном речном серебре.

Солнце скрылось, и ночь, опрокинув лукошко со звездами,
Словно желтое яблоко, держит луну на руке,
Чтоб не сбиться с дороги случайному путнику позднему,
Да часовне уверенней плавать по Млечной реке.

Я люблю свежим утром дышать расцветающей яблоней
И сиреневых стрел горьковатый ловить аромат.
Мир и счастье тебе, край сибирский – краса ненаглядная,
И пускай над тобой только вешние грозы гремят!

Проклятие возраста

Уже никогда не увижу я землю из космоса,
Мне тайны свои не откроет морская вода.
Уже никогда не скажу: «Помоги мне, о, Господи,
Ребенка родить!» – я уже не смогу никогда!

Уже никогда не взойти на Монблан мне с командой –
Уже никогда мне рюкзак не оттянет плечо!
И страстных признаний ночных уж давненько не надо мне,
И споров до хрипа, до слёз, и – совсем ни о чем!

Нет смысла жалеть, что уже никогда не исполнится,
Ведь сердце стучит в мою грудь, и оно горячо!
И мается ум в час тревожной полночной бессонницы:

А всё потому, что есть в мире загадка: «Ещё...».

Ещё много раз осень небо всё радугой вымоет,
И скроет зима обнаженных лесов уют.
Ещё кто-нибудь, пусть шутя, слово нежное вымолвит,
И тут же в душе, пусть шутя, канарейки споют!

Ещё впереди много жизни, стихов, книг нечитанных,
Ещё где-то спят незнакомые мне города.
Ещё столько тайн и чудес неоткрытых мне,
Но ... сколько всего под печатью «Уже никогда!».

Горький сок осени

Осенний лес объят туманом,
Лишь гроздь спелые калин
Горят и манят соком пьяным,
Но этот сок ты пьешь один.

Мне – не хмелеть в лесу осеннем
И головы не потерять!
И сердца пылкое смятение
Уж не смогу я испытать!

Ах, осень, осень... Я в обиде
На нежность позднюю твою:
Как поздно он меня увидел,
Как поздно понял, что люблю!

Зима засыплет белым снегом
Всё, что мне радовало глаз,
Что так цвело под ясным небом,
Но не соединило нас.

Туман волною наплывает,
Костров угасших горек дым.
Неслышно листья облетают,
Как души с дерева судьбы.

Елена Баженова

Преподаватель СФУ.

«Работаю, как всякий человек, который хочет оставаться человеком в любых обстоятельствах. Времени для творчества не очень много, но это – моя отдушина. Люблю театр. А еще люблю заглядывать в тихие старые дворики Красноярска. И не только Красноярска, но и любого города, где удастся побывать. Стараюсь не пропускать выставки. Моя мечта: спрятаться в музее где-нибудь за портьеру и потом пробродить по залам всю ночь...».

Моль

Всем шубам на свете посвящается

Я в очередной раз за ночь попыталась уснуть и в очередной раз не смогла: мешали комары. Они злобно гудели в темноте и жаждали крови. От шлепков комары ловко уворачивались и уносились в ночь.

Наставив себе синяков и никого не убив, я включила свет – комары затаились на потолке. На белую поверхность легли ломано-черные тени с такими длинными и тонкими ногами, что их обладателей можно было выпускать на подиум, не взирая на избыток конечностей.

Но комары неподвижно висели под потолком: их не манила мировая слава, они хотели есть. Время от времени наиболее храбрые слетали вниз в надежде подзакусить, но я была начеку и отмахивалась от нахалов газетой.

Наконец стало светать, и комары утихомирились, а я сладко зевнула и спустила с кровати ноги, собираясь встать, как вдруг буквально мимо моего носа пронеслось нечто и скрылось в ванной. Оно пронеслось очень быстро, но я мигом усекла размеры грозящей опасности: мимо меня проскочила Моль! Не иначе, как она уже позавтракала моей шубой!

Я подпрыгнула, оглянулась по сторонам, нашла газету, которой отбивалась от комаров и на цыпочках стала красться в ванную. Но не успела я сделать и двух шагов, как дверь в санузел распахнулась, и Моль сама появилась на пороге, стряхивая с золотисто-серых крылышек капельки воды.

Увидев меня с газетой в руках, она прислонилась к косяку, сложила на груди лапки и раздраженно процедила: «Ничего себе – с добрым утром!». Я выронила газету. Моль, одобрительно промолвив:

«Так-то лучше», – взлетела, покружилась по комнате, затем опустилась на спинку кресла и уселась, развязно закинув ножку на ножку.

От подобной наглости я потеряла дар речи и опять схватилась за газету. Моль подскочила, выставила вперед крошечные лапки и грозно сказала: «Но-но! Ты не очень-то! А то зимой голяком по морозу пойдешь!»

– А ты разве ее еще не съела? – подразумевая шубу, искренне удивилась я.

– Нет, – Моль зевнула.

– Почему? – я опять страшно удивилась.

Моль объяснила, что моя синяя вязаная юбка ей понравилась больше. Ее, видите ли, всегда привлекали вещи цвета «электрик». Эстетка!

– Но если ты будешь махать газетой, – сухо добавила Моль, – шубой я тоже не побрезгую.

Естественно, газету я тут же запихала в мусорное ведро.

– Ну, – Моль опять недовольно посмотрела в мою сторону, – в этом доме мне когда-нибудь дадут кофе?

Я вихрем понеслась на кухню.

Кофе Моли не понравился. Она сказала, что предпочитает натуральный, а не эту растворимую бурду.

– Завтра чтобы был настоящий, – приказала она и скрылась в шкафу, даже не сказав спасибо.

Я постояла, подумала, затем подошла к шкафу и робко спросила: «А что на обед приготовить?» Моль помолчала, а потом объяснила из глубины гардероба, что готовить обед не нужно, так как она приглашена в гости к подруге на варенку из голубого мохера. «А ужинать?» – не отставала я. «Милочка, – процедила Моль, – после гостей я не ужинаю, и вам не советую. Кстати, в следующий раз потрудитесь стучаться, прежде чем врываться ко мне», – добавила она. И дверца перед моим носом захлопнулась.

На работу я шла совершенно подавленная. Солнечный денек абсолютно не радовал. Прохожие подставляли лица золотистым лучам, льющим с небосвода, а мне мерещилась золотистая бабочка, жадно пожирающая голубое небесное полотно.

Жизнь стала невыносимой. Моль полностью меня контролировала и издевалась, как хотела: то она пила кофе, то вдруг переходила на чай; то заставляла открывать форточки, то закрывать их; то требовала, чтобы я сидела вечерами дома и читала ей Пришвина, то выгоняла под дождь, объясняя, что к ней придут гости, и я буду мешать. Последнее заявление вывело меня из равновесия, и я попыталась взбунтоваться, но Моль так недвусмысленно посмотрела в

сторону моей шубы, что я немедленно схватила зонтик и пулей вылетела в черный мокрый вечер.

Но в целом Моля вела себя прилично, отъедаясь на моей синей юбке, и не трогая шубу. Единственное, чего я не досчиталась после ухода очередных гостей – это белого шарфика. Но Моля безапелляционным тоном заявила, что не могла же она подать гостям на стол только одно блюдо. А белое и синее гармонируют очень хорошо. Возразить было нечего.

Но юбку Моля уже доедала и, похоже, на очереди стоял жакет, а к нему – для гостей и гармонии – белые пуховые рукавички.

Вот так весело я проводила время, разрываясь между работой и зловредным насекомым.

Но однажды утром я обнаружила Моля в прихожей. Внутри у меня все так и подскочило: неужто она собралась восвояси?! Однако Моля тут же остудила мой пыл:

– Я с тобой на работу, – тоном, не терпящим возражения, заявила она.

– Может, не надо? – попыталась воспротивиться я.

Моля задумчиво постучала передней лапкой по телефонному столику и со словами: «И не хочется, а придется...» – направилась к шкафу. Я заорала и распахнула сумку. Моля радостно впорхнула внутрь и уютно устроилась на носовом платке.

Я уныло плелась по улице, как вдруг отчетливо поняла, как смогу избавиться от назойливой гостьи. На радостях я так замахала сумкой, что у сидящей в ней Моли случился приступ морской болезни.

Как только я устроилась на рабочем месте, Моля выбралась из сумки, плюхнулась на игрушечного кота, в качестве сувенира стоявшего у компьютера, и с интересом начала изучать обстановку.

Она заставила меня рассказать обо всех, кто появлялся в поле ее зрения.

Начальник, два программиста и секретарша ей не понравились: все они курили, а от табака, по словам Моли, у нее начиналась жуткая мигрень.

Не произвела на нее впечатление и бухгалтерша, т.к. носила она только синтетику: юбки, кофточки, шарфики – все у нее было связано из акриловых ниток или сшито из тканей дикого розового цвета, который Моля не выносила. Кстати, шубка у бухгалтерши тоже была синтетическая и тоже розовая. Когда я выдала всю эту информацию, Моля слабо застонала, замахала лапками и умирающим голосом попросила меня немедленно замолчать.

Тут-то я и приступила к осуществлению своего плана: заботливо подоткнула пушистый кошачий хвост вокруг маленькой агрессорши, притащила ей чашку наилучшего кофе и, пихнув в бок, сказала:

– Видишь, там, в углу, баба сидит?

– Ну, вижу, – Моль нехотя оторвалась от кофе.

В углу сидела Валерка – мой враг номер один. Мы все время не можем с ней что-нибудь поделить: остатки сахара в перерыве, премию в конце года, мужика на гулянке... Но Моли это знать не обязательно.

– Вижу, – повторила Моль, – дальше что?

А то, – ухмыльнулась я. – Она блондинка, ей необычайно идет синий цвет, и она терпеть не может синтетики.

Моль насторожилась, а я продолжала невинным голосом:

– Недавно она приходила в таком синем жилетике – закачаешься. Говорит, сама вязала.

Моль отставила кофе в сторону.

– А еще, – продолжала щебетать я, – у нее есть костюмчик цвета утренней волны.

Моль слезла с кота и задумчиво прошлась по краешку стола. Но я не унималась и голосом змея-искусителя выдала под занавес:

– И знаешь, она хвасталась, что буквально на днях купила шубку. А шубка знаешь из чего? – Из норки! А знаешь, какого цвета норка? – Голубого!

Больше я этой Моли никогда в своей жизни не видела. Валерку в норке тоже.

Лягушка-несмеяна

История эта началась давным-давно, когда маленький мальчик Ванечка впервые поехал с родителями летом на дачу...

Нет, еще раньше. Когда Ванечка только-только родился...

Нет, еще раньше. Точно! – в тот год, когда Ванечкин папа юный Иван Царевский положил на обе лопатки хулигана из соседнего двора Костика Бессмертного и стал единолично ухаживать за первой районной красавицей Василисой Премудревич.

Иван и Василиса ходили гулять, ели мороженое, целовались в темных кинотеатрах, а потом поженились, и у них родился сын, названный в честь отца Ванечкой. Иван и Василиса очень любили Ванечку: они читали ему сказки, кормили малиновым вареньем, дарили красивые игрушки, а летом возили на дачу.

На даче Ванечке очень нравилось: там он ел творог, купался в речке, играл с друзьями и собирал цветы и еловые шишки.

Как-то под вечер Ванечка тихонько улизнул от мамы, набрал полный карман этих самых шишек и направился к болотцу, что находилось недалеко от их участка. В болотце водилась тьма лягушек, и Ванечка решил потренироваться на них в меткости. Но лягушки были

до ужаса ловкие: они уворачивались от Ванечкиных шишек и с громким кваканьем ныряли в болотную тину. Скоро Ванечке надоело вести бесцельный огонь, да и мама давно уже звала пить чай с медом. Поэтому он побросал, как попало, оставшиеся шишки и собрался бежать домой, как вдруг увидел перед собой на дорожке большую лягушку зеленовато-бурого цвета. Она сидела неподвижно и, как показалось Ванечке, хмуро на него смотрела. Ванечка сначала удивился, но потом решил, что трофей сам идет к нему в руки, и ловко накрыл лягушку панамкой.

Правда, позже оказалось, что мама никак не соглашается оставить лягушку у себя да еще брать в город. Но Ванечка слезами и клятвами, что, во-первых, будет ухаживать за лягушкой сам, а, во-вторых, что никогда больше не попросит завести ни одно домашнее животное, вымолил позволение оставить земноводное. Мама даже купила для нее аквариум. И хоть не была в восторге от подобной затеи, но успокаивала себя тем, что никто не вечен, а уж лягушки тем более. Но лягушка все жила и жила, хотя по подсчетам родителей должна была уже давным-давно издохнуть.

Так и шло время. Вот Ванечке уже и двадцать лет исполнилось. Был он красивый, сильный, умный, но, как бы это помягче выразиться, немножечко балбес. Родители его, конечно, в институт пристроили, но учиться он не хотел, в армию идти не желал, работать не стремился, даже жениться его как-то не тянуло.

И вот однажды (а надо вам сказать, что вся наша жизнь из этих «однажды» состоит), так вот, однажды осенним дождливым утром слонялся Ванечка по квартире, не зная, чем бы это себя занять: родители на работу ушли, в институт он по причине плохой погоды решил не ходить, а ни телевизор, ни компьютер включить нельзя было – свет в районе погас, авария какая-то на подстанции приключилась. Так вот, шатался Ванечка, шатался и вдруг вспомнил, что сегодня лягушку еще не кормил. Подошел он к аквариуму и видит, что сидит его лягушка на камешке и хмуро на него смотрит, совсем как тогда, на даче. И что тут Ванечке в голову втемяшилось – Бог его знает – только вынул он лягушку из аквариума и поцеловал. И тут треснуло что-то, во всех комнатах сразу свет вспыхнул, и видит Ванечка – нет уж у него в руках лягушки, а стоит перед ним красна девица. Ничего себе девица: фигура справная, глаза синие, а взгляд – хмурый-хмурый. Постояла, посмотрела на Ванечку да и говорит:

– Ну что, в загс когда пойдем?

– А ты кто? – спрашивает Ванечка подозрительно.

– Я, – поясняет девица, – твоя невеста – Маша Несмеянова. Так когда в загс?

– Ага, щас – разбежалась! – отвечает Ванечка мрачно. – Сначала тебя в загс своди, потом – пропиши, потом ты разводиться побежишь, потом квартиру делить начнешь... Обойдешься! Хочешь – так жить будем; а не хочешь – вот Бог, а вот порог.

Дёвица подумала-подумала и решила с богом и порогом повременить.

Вскоре родители пришли и тоже дёвице не очень обрадовались. Но решили подождать: авось, как-нибудь само рассосется, не вечна же дёвица. Хотя на этот счет был уж у них печальный опыт с лягушкой.

Так и стали жить Ванечка и Маша. Вроде бы и ничего жили, только Маша все недовольная ходила. Ничто ее не радовало, никому она не улыбалась: и денег-то ей мало дают, и украшений дорогих не дарят, и развлечений никаких нет... Словом, все плохо. И решила она пойти работать. А так как никаких учебных заведений она не заканчивала, и стажа работы у нее не было, если не считать болота и аквариума, то взяли ее только санитаркой в поликлинику. Дали ведро, швабру, халат цвета зеленовато-бурого и зарплату такую, что только в аквариуме и можно прожить.

И кто знает, сколько бы это еще длилось, если б однажды (опять – однажды!) не пошла вся семейка в гости. Вышли они из подъезда и видят, что подкатывает к соседнему крыльцу огромная красивая машина, а выходит из нее Костик Бессмертнов весь в золотых цепях и телохранителях. Он, оказывается, бизнесом занялся, хорошо преуспел и теперь в их доме квартиру прикупить собрался, то ли пятую, то ли шестую по счету.

Стали тут все обниматься-целоваться, юность вспоминать и в гости звать друг друга.

И зачастил с тех пор Костик к Царевским в гости. Совсем своим стал. Василисе конфеты носит, Ивану – коньяк, Ванечке – обещание на работу устроить (пусть только доучится). А Маше цветы дарит и пристально так на нее смотрит. Так пристально, что она даже хмуриться прекращает, на целых три минуты. В общем, всех не забывает; прямо – друг сердечный, таракан запечный. И все бы хорошо было, но тут очередное однажды приключилось.

Пришел как-то Ванечка вечером домой и видит, что родители очень уж странные сидят: не то плакать собираются, не то – смеяться. Оказалось, Маша к Костику сбежала в его то ли пятую, то ли шестую квартиру. Ванечка новость выслушал, в затылке почесал и пошел ужинать (не оставаться же голодным, в самом деле, из-за всяких там Маш).

Так и стали жить: Ванечка – с мамой-папой, а Маша – с Костиком. Аквариум Василиса в кладовку спрятала. В поликлинике халат и швабру другой дёвице отдали. А Маша щеголяла теперь в

дорогих нарядах и украшениях, но все равно ходила хмурой и недовольной. Так все и шло до поры до времени.

А когда пора и время наступили, стали дворовые бабульки замечать, что Маша ходит надутая еще больше, Костик во дворе почти не появляется, а Ванечка возле соседнего подъезда днюет и ночует.

И вот (как всегда – однажды) пронесся по двору слух, что расстались Маша и Костик. Он, будто бы, седьмую квартиру прикупил и девицу уж другую туда привел. А известно о той девице только одно: фамилия – Шемаханская, и больше ничего. Маша же опять пошла в поликлинику работать, а где живет – неизвестно.

Когда эти слухи дошли до Ванечки, он заболел. Да так, что пришлось врача вызывать. Врач пришел: сам седенький, борода клинышком, глаза умные, улыбка добрая. Пришел, послушал, пощупал, постучал, велел два дня лежать, а на третий к нему на прием пораньше приходить.

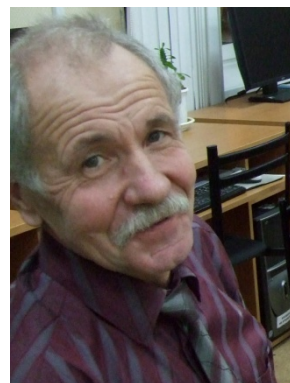
Ванечка на третий день вскочил ни свет ни заря и в поликлинику самый первый примчался. Только вошел он в вестибюль, видит – Маша идет в халатике, с ведром, а вода в ведре, как в болоте – черная да вязкая. Увидела она Ванечку и заплакала. А Ванечка к ней подошел, халатик цвета лягушачьего снял да на пол и бросил. Потом обнял Машу и поцеловал: тут она заулыбалась, слезы вытерла и тоже Ванечку поцеловала. Взялись они за руки и пошли из поликлиники жить долго и счастливо и умереть в один день.

А халат так и остался на полу лежать, потому что это ведь – сказка, а сказка, как и быль, всегда имеет только хороший конец.

Георгий Васильев

Стоял у истоков создания литературного клуба «Высокий берег» и руководил им 7 лет. Очень тактичный, доброжелательный человек: для каждого у него находится нужное слово, слово поддержки и понимания.

Да, вдохновение придумали поэты!
Не потому ли, что всегда
Есть у мгновений Вечности игра:
Что можно сейчас – завтра – никогда!
Стихи с небес – «невымучены» строки.
В своем рождении таинства полны –
Сегодня это я, а завтра стал бы ты,
Мой нерожденный брат... Открытья и стихи,
И музыки чарующие звуки
Излечивают нас от мук известной скуки.
Кто вызвал вас? Планеты, небеса...?
А может, просто женская рука
Нам дарит вдохновения минуты?

Какая сила направляет
В дороге каждого из нас?
Какая сила вдохновляет?
Какая не дает упасть?
Какою мерою измерить
Величье духа у того,
Кто хочет мир заставить верить
В предназначение свое?
Как в ослепительном сиянье
Узреть простые зеркала? –
Что лишь крадут свет лучезарный,
Лишая страсти и тепла.
Их свет – свет приторных улыбок,
В нем штамп ласкающих нас слов,
В нем отражение всех ошибок
Средь тьмы дорог, во мгле веков.

Мгновенья-картины в единую нить
Расправит в нас время прошедшую прить.
Восходы, закаты, любви колея –
В любой галерее шедевр бытия.
В их лучших фрагментах мы ищем всегда
Родник вдохновенья грядущего дня.
Когда ж не окончен желанный портрет,
К нему возвращаемся мы много лет.
Улыбкой Мадонны, загадкой маня,
Во мне ты. Рисует мысль только тебя.
Увы, варианты – пустая мазня,
Когда рядом нет, моя прелесть, тебя.

Эвенкийский мотив

А вокруг ни дорог, ни полей,
Ни заводов, ни шахт, ни церквей.
Только речки, речушки, ручьи
Вьют свои лабиринты. Среди
Обнаженных девичьих холмов,
Взгляд озер, что в болотах промок.
Эту раннюю юность земли
Жаркой страстью побед не сгуби,
Ты, кто выбрал ее для себя,
В ней признай: мать, жену и дитя.

Отчего твои глаза, как магнит, влекут меня?
Эти искры голубые жаром сердце опалили –
Ты желанней всех сейчас. Да, мечтой любви свободной
Тесен мир земной, греховный. В мыслях, поисках, делах
Знаем точно, не на небе – рай нас ждет в земных садах.
Но зачем, как сон привольный, как костер, твой взор погас?
Вечных чувств полна природа, но не вечны чувства в нас.

Михаил Дементьев

Сочиняет стихи и прекрасно исполняет их, аккомпанируя на гитаре. Автор гимна литературного клуба «Высокий берег».

Гимн «Высокого берега»

Жизнь рекой, милый друг,
Пред тобою течет.
Как известно, она глубока,
Как известно, на ней
Есть крутой поворот,
Но не виден он издалека,
Как известно, порогов не перечесть
И пройти их так трудно порой.
Выбираясь на берег,
Из кожи не лезь,
Постарайся остаться собой.

Припев:

Пусть «Высокий берег» музы
Нас избавит от обузы,
Снимет с плеч пускай немножко
Груз погони за судьбой.
И когда над нашей прозой
Зарыдают вдруг мимозы,
Пусть «Высокий берег» просто
Обогреет нас с тобой.

Жизнь, что небо, мой друг,
Знай лишь – двигай вперед.
Горизонт аж за тысячи верст,
Но промедлил лишь раз –
И твой прерван полет –
Вновь лететь до вчерашних высот.
И ударившись лбом
Об извечный гранит,
Станешь тихо искать свой покой.

Не ищи виноватых,
Пусть Бог их хранит,
Постарайся остаться собой.

Припев:

Время птицею вдаль
За собою зовет.
Не спеши, друг, – за ним не успеть.
Если песню твою тихо сердце поет,
Почему бы ее не запеть?
Если рядом друзья,
Значит, жил ты не зря.
Остальное – лишь призрак мечты.
Пусть неспешной рекою
Течет жизнь твоя,
Очищая глубины души.

Припев.

Стенка

Милый мой Друг!

Не правда ли, как часто окружающий тебя Мир поражает своей противоречивостью? Порою ты пытаешься осознать лишь малый кусочек бытия, но натыкаешься на безумное количество попутных вопросиков, недомолвок и каверзных тупичков. Окончательно путаешься и подчас к концу пути движешься совершенно в другом направлении или же, поверь мне, что случается гораздо чаще, стоишь, уткнувшись в собственно тобою же выращенную стенку неприятия, нежелания понять окружающее.

Жила была стенка.

Отроду ей было совсем немного. Да и кирпичиков, поддерживающих её тонкий стан, только-только хватало, чтобы не упасть. Часто прогибаясь под ветром перемен, она дивилась тому, насколько прочно складывают её нежные людские души.

Стенка обожала мир окружающий за его неповторимое великолепие. Каждое утро её навещало доброе солнышко, согревая своими тёплыми прикосновениями. Вокруг цвели сады и нежными голосками пели птички. Каждый день она с наслаждением впитывала в себя ароматы настоящей жизни. Ей казалось, что весь мир создан

вокруг неё, что она – Стенка – лучшее и красивейшее изобретение людское. «Я - ваше детище! Любуйтесь же своим шедевром!».

Но, повзрослев и окрепнув, Стенка вдруг поняла, что люди совсем ею не восхищаются, а просто не замечают очевидного. Чистосердечно радуясь каждому привнесённому в неё кирпичику, она ужасалась, с каким постоянством эти странные существа бьются головами, стараясь сдвинуть с места каменный монолит.

«Странные эти люди, - мысли навязчивым роем кружились, не давая ей покоя. – Неужели они не видят, что, стоя по разные стороны меня, они лишь противоборствуют друг другу? Странные они – эти люди...».

Всё более не понимая людей, Стенка с каждым днём становилась мрачнее и мрачнее.

- Эй, Люди, я же Ваше создание! Почему Вы меня не замечаете?

И вдруг однажды вечером, отдыхая от дневной жары, Стенка ощутила на себе прикосновение чьих-то рук. Да, да, это были именно руки - не хвосты, не лапы, не перья, а тёплые, нежные человеческие руки. Они скребли по холодному камню, стремясь отыскать выход.

- Кто ты? – Стенка замерла в надежде, что её услышат.

- Я?.. Поэт! – Руки прекратили свою работу.

- Зачем тебе это? – Стенка взглянула в печальное лицо прекрасного юноши.

- По ту сторону тебя затерялась Звезда моего сердца. Нежный мой цветочек. Моя прекрасная любовь. Я пытался подарить ей весь мой мир, сочиняя песни и стихи. Я пытался понять её настолько, насколько возможно мужчине понять женщину, но ты, Стенка, слишком высока.

От этого странного человека исходило что-то особенное. В нём чувствовалось и неистовство жаркого пламени, и холодная сырость плачущего дождя. Тепло и радость, касаясь кирпичиков, метр за метром согревали Мир общения.

- Чем помочь тебе, Поэт? – Стенка сама удивилась словам, вырвавшимся, казалось из самой души.

- Чем ты можешь помочь? В Любви помощников не ищут... - Парень печально опустил руки свои на выступающие уголки кирпичиков. – Спасибо тебе!

Из его ладоней полилось лучистое пламя, стремясь обогреть кого-то, находящегося, быть может, близко, а может за многие-многие пространства, но пламя не сжигающее, как пожар (пожаров Стенка панически боялась), а согревающее, ласкающее светом, зажигающее Жизнью.

- А она...

- Кто – она? – паренёк встрепенулся.

- Звезда... м-м... твоего сердца... Она любит тебя?

- О, ты не знаешь, какая она! Она – мой бог, моё вдохновение... Она – роза, украсившая сад Души моей! Она... она не может не любить!

Что такое роза, Стенка знала не понаслышке.

«Это прекрасно, это прекрасно... - думала Стенка, по кирпичику выбрасывая из себя родные камешки. – Если это – любовь, то она прекрасна!».

Через несколько мгновений маленькая калитка была готова, но Поэт, казалось, не замечал её, погруженный в свои мечты.

- Розы.... Здесь должны расти розы... – бормотала Стенка, концентрируя тепло влюблённой Души на маленькой задачке.

- Розы... Любовь – это прекрасно...

Когда паренёк очнулся, всё было готово. Ветерок, взъерошив кучерявый чуб юноши, слегка погладил каменные бока. Быстро оглядев содеянную работу, он рванул в поднебесье разгонять застоявшиеся тучки. Вынырнув в открывшееся межтучье, красавица луна ярко осветила маленькую аллею роз, уходящую куда-то сквозь Стенку на ту сторону. Светлячки миллионами звёздочек вспыхнули, возвещая миру о свершившемся чуде.

Всё вокруг цвело и благоухало.

- Розы?.. Калитка!.. Спасибо... ты... ты... ты сама не знаешь, какая ты!...

Паренёк влетел в аллею. Слезинка, скатившись по камешкам, упала в тёплую землю. Сейчас он был похож на танцующего под облаками голубя.

- Это она, слышишь, это – Она...

Юноша взорвался тысячей маленьких искорок. Каждая бусинка света казалась маленькой звёздочкой, напевающей странные песни. Песни любви и счастья.

Два любящих сердца наконец-то соединились и, растав друг в друге, взлетели на недостижимые высоты блаженства. Они были вместе. Они понимали друг друга с полуслова. Они слились в единое целое, явив миру чудо гармонии. И выстроенная кем-то Стенка не имела для них теперь никакого значения, для них, имеющих собственную аллею любви.

Очень скоро выглянувшее солнышко возвестило о том, что жизнь продолжается. Тёплыми ладошками разогнав прохладу ночного волшебного сна, оно разлило по листикам норму утренней росы и размеренно поплыло навстречу звёздам.

Заворожено любуясь влюблёнными, Стенка чему-то внутренне радовалась.

«Эти цветы.... Эта аллея...».

Ей казалось, что наделай она тысячи, миллионы таких аллеек, и мир преобразится к лучшему, засверкает несчетным количеством зажжённых факелов любви. И люди наконец-то перестанут больно колотиться своими головами в её уставшие бока.

Влюблённые нехотя встрепенулись. Посмотрев на часы, они нежно друг друга обняли, пытаясь ещё хоть на миг удержать прекрасное мгновение. Секунды неумолимо уносились в прошлое. Наконец, разжав руки, они устремились каждый в свою сторону, унося с собою жажду будущей встречи.

Стенка в мечтах и волнении провела весь этот день, с нетерпением ожидая их возвращения.

«Ну почему же эти милые существа не остались в моей аллейке?.. – непрестанно думала она, нежась в тёплых лучиках солнышка. – Ведь им же было так хорошо...».

Первым на крыльях любви прилетел парнишка.

- Эй, Поэт, здравствуй! Ты чем это так озабочен?

Вопрос повис в воздухе. Казалось, парень не замечал её и совершенно перестал слышать.

Чуть погодя пришла его спутница. Они нежно обнялись, распространяя вокруг тепло своих сердец. Им сейчас казалось, что весь мир вокруг перестал существовать. Только Он и Она. И бесконечный танец любви – прекрасный, лёгкий и спокойный.

Но ни Он, ни Она не заметили того, что увидела вдруг Стенка: влюблённые принесли в свою цветущую аллейку по маленькому кирпичику и, бережно уложив их на старые места, вновь отправились каждый по своим делам.

- Люди, очнитесь... – только и успела воскликнуть Стенка им вослед.

«Нет! Этого не может быть....Ведь они же любят друг друга....А, значит, пройдёт день-два и, поняв свою оплошность, они придут и уберут эти маленькие кирпичики. Да, да, так и будет!...».

Но день за днём, по инерции приходя в свою аллейку, эти странные существа старательно залечивали рану в Стенке, незаметно для себя выкладывая из мелких камней преткновения целую баррикаду, пока вновь не оказались по разные стороны оной.

Боль едкой горечью разлилась по всей натруженной спине Стенки. Ветерок, печально прошелестев листиками, затих. Солнышко, присев на корточки, спряталось за горизонт. Всё вокруг замерло. Стенка тихо заплакала.

Она плакала совсем не оттого, что Поэт стал, как и все, с разбегу биться головой о собственную баррикаду, отдавая дань суетности нашей жизни. И не оттого, что услаждавшие её взор розы погибли, став никому не нужными. Она плакала по потерянной мечте в лучшее

будущее. Она плакала о тех людях, этих странных, непонятных существах, которые не смогли оценить её подарок, не смогли сберечь это прекрасное чувство – любовь.

Мой милый друг, не бейся головой о неразрешимость задачи. Отойди немного назад. Взгляни на построенную тобой Стенку. Может, ты найдёшь в ней свою калитку, усыпанную кустами роз. Поверь – она ждёт тебя. Только не исколи души своей, пытаясь понять окружающих.

Пойми сначала самого себя, а, поняв, сбереги это в сердце своём.

Будь самым собой.

С праздником!

Милый мой Друг!

Оглянись вокруг. Сегодня вновь надуманный праздник.

С утра весёлая кутерьма заставляет дышать в предвкушении. Кухня шкварчит всякими вкусностями, мерно побулькивая и позвякивая. Полы надраены, костюм выглажен в стрелочку, да и ты весь – полная боеготовность. И серые тучки вокруг не такие уж серые. И работа вроде не в тягость (скорей бы... скорее...). И вновь Душа твоя стремится самовыразиться, раскрыться лепесточками столегкокрылого бутона. Ты летишь, несёшься навстречу празднику, спешишь заглянуть внутрь самого себя и, отбросив условности, обмакиваешь внутренности свои в привычное сорокаградусное буйство.

Глоток, другой, третий... и жилы, натянутые в струночку, запели скрипкой на все лады, издавая нотки той, спрятанной в глубоких катакомбах жизненных напессовок личины, которую никому и ни при каких обстоятельствах...

Глоток, другой, третий... и по венам полилась горячим потоком музыка. Музыка сказочно прекрасна. Она чарует, затягивая в странный мир, где ты всё можешь, где тебе всё по плечу. Но хоть на миг прислушайся... – то ж плач Души твоей по уходящему прочь от тебя...

Глоток, другой... и буйное воображение дорисовывает штришки, «недостающие» в картине окружающего тебя мироздания...

Глоток... и праздник закончился.... Закончился беспамятно, неказисто и совершенно как-то по-людски, незаметно перевалив через кошмар бодуна в суетность покорения будней.

Неужели в этом твой праздник?

Береги себя, мой Друг!

Будь самым собой.

Григорий Иванов

Выпускник факультета информатики и процессов управления КГТУ. Проза Григория Иванова удивляет, восхищает, оставляет в недоумении. Именно с его необычных рассказов началась история создания литературного клуба. Он был первым, кто пришел со своими рассказами к Галине Георгиевне Фадеевой, основательнице клуба

«Высокий берег». Это он занял первое место в конкурсе, объявленном газетой «Вечерний Красноярск», в связи с юбилеем В.П. Астафьева. Публикация Г.Иванова в «Политехнике», посвященная 200-летию А.С.Пушкина, была перепечатана многими красноярскими газетами.

Письмо к А. С. Пушкину

Здравствуйте, уважаемый Александр Сергеевич! Обращается к вам один из ваших многочисленных почитателей, но говорить я буду от лица всех своих современников, ибо не нашлось никого другого, кто сделал бы это за меня...

Беспокою я вас лишь по одной простой причине: хочется пролить немного света на наше незавидное положение и разъяснить сложившуюся ситуацию, дабы вы не верили молве и бытующим в обществе мнениям.

А дело в следующем.

Многие считают, что мы – совершенно бездарные и никчёмные создания, полагают, что чувства и душа существуют не для нас, думают, что мы погрязли в бескультурье и медленно разлагаемся в собственных бесовских идеях. Но это не так! Посмотрите на то, что происходит вокруг, охватите своим могучим взором мир, поймите весь ужас, в котором приходится жить нам – вашим наследникам, и осознайте наше тяжёлое положение.

Где смысл жизни? – как обычно, задаёт извечный вопрос время. Однако нам совсем не до этого, не до размышлений, философствования и поисков истины. Печально, но по большей части приходится довольствоваться лишь жалким поиском пищи. Тут-то и слышится со всех сторон: «Как низко!», «Позор!». Но сами подумайте, что нам остаётся, ведь кушать всё-таки хочется...

И, как ни странно, несмотря ни на что, это ничуть не мешает нам быть полностью верными вашему делу. Пожалуй, даже вы сами не зависели так от силы творчества. Мы страдаем лишь от одной мысли, боимся, что на белый лист сорвётся что-нибудь лишнее. Не осуждайте,

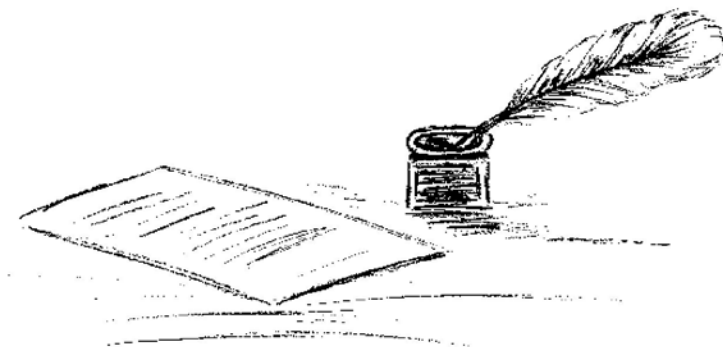
это не скупость, мы просто не можем позволить себе чрезмерной расточительности...

А чувства? Ну, разве мы холодны? Нет! Любим ли мы? Несомненно! Но некоторые думают, что наше поколение не знает любви. Напрасно, уж поверьте, мы отдали бы жизнь, и притом не раз, для доказательства верности своей единственной и неповторимой. Да, да! Именно той самой, что терзает сердце и заставляет его кровоточить стихами. Считаете, что они изменились? Прелестницы, эти красавицы, почитательницы души и разума? Ничуть! Они такие же, как и в ваше время, как если бы не было написано всех тех посланий и восхвалений. Жестокие и совершенные красавицы мучают наши сердца, и тут мы с вами, уважаемый Александр Сергеевич, абсолютно солидарны. Они наше проклятье, наше благословенье – кара на светлые наши головы. О чём мы думаем, видя завораживающую улыбку – лёгкую усмешку превосходства? А можно ли в этот момент о чём-либо думать?! Мы знаем лишь одно: вернувшись домой, будем вспоминать эти глаза, эти губы, размышлять о несбыточности, лелеять запавший в душу образ и мечтать, что однажды божественное создание снизойдёт до нескольких холодных фраз...

Вот видите, любимый наш Александр Сергеевич, получается, что мы с вами почти родственные души. Нет, это не пустое самовосхваление, ведь мы на вас действительно очень и очень похожи. Исключением является лишь маленькая деталь: вы свободны, а мы ещё здесь, мучаемся и несём тяжёлый свой крест. А поверьте, как хочется порой бросить его и пойти прочь, забывшись, отрешившись от всего, от глупостей и условностей....

Жизнь мучительна, но мы не сдаёмся. Воевать приходится на два фронта: со всем миром и, что куда сложнее, с собой – со своими приземленными потребностями. Что делать – времена сейчас другие...

Наверняка, вы мечтали о поколении, которое будет само выбирать свой путь. Увы... Опять мы ждём, когда нам откроют дверь. Ведите же нас вперёд!

Вера Казанцева

*Гл. библиотекарь, канд. филос. наук, доцент,
Почетный работник высшего профессионально
образования РФ.*

*Интересы: путешествия, информационная
культура, будущее библиотек.*

Рождение семьи

Детям Ане и Сереже посвящается

Как-то встретил он девочку
В тонкой узенькой юбчонке.
Ветер локоном резвился —
И Сережа наш влюбился!

Да и трудно не влюбиться
И в улыбке раствориться,
В это милое создание,
Что зовут, конечно, Аней!
Аня — тонкая березка,
Сергей, как стройный тополек!

Вам идти по жизни вместе,
И кто бы что вам не предрек,
Создавайте свое счастье
И любите навсегда.
Не расплещется пусть чаша,
Будет полной на года!

Путешествий вам чудесных
И маршрутов интересных,
Увлекательной работы,
Замечательных друзей,
Чтобы вместе дружно встретить
Золотой ваш юбилей!

Вам, библиотекари!

Еще цари и фараоны
Считали делом чести
Купить папирус для страны
И думали о мести,

Когда прекрасный фолиант
Не попадал из дальних стран.
Судили строго виноватых
И не жалели камней и злата

Для выкупа желанных книг,
Но помещали их в тайник ...
Сегодня судит нас читатель.
Он не имеет много злата

И часто очень сожалеет,
Что библиотека не имеет
Газету, книгу, иль журнал,
А то и для души роман.

Это так важно,
Что есть острова,
Где сохраняют
Богатства века.

Где, несмотря
На любые ненастья,
Любят людей
И желают им счастья!
Милые, скромные и обаятельные.
Часто усталые,
Но все же внимательные.
У вас отдыхает душой человек,
Милые труженицы библиотек!

Мира вам, солнца,
Добра и тепла.
И чтобы в жизни
Лишь радость была!

Евгения Мальцева

Участница литературного клуба «Высокий берег» со дня его основания.

С 13 лет пишет стихи и прозу, в детстве очень любила сказки. Окончила художественную школу имени Сурикова.

«Высокий берег». Начало

Благодарность всем, кто хранил твой очаг раньше, и тем, кто до сих пор продолжает поддерживать твоё тепло.

В 1998 году, после возвращения из реанимации с того света (мне было тогда около 35 лет) в моём сознании началось интенсивное переосмысление своей уникальной роли в этой жизни, той Божественной задачи, которую душа моя пришла свершить в этом мире. Во все времена с самого детства я размышляла об этом, но после возвращения ОТТУДА поняла, что время неумолимо летит, и жизнь может в любой момент внезапно оборваться, а значит – нужно поторопиться внести свой вклад в очищение и улучшение жизни на Земле. С чего начать это очищение и улучшение? Только с самого себя. И я начала. Это было удивительное время чудесных свершений, когда все творческие мечты и задумки воплощались в жизнь неожиданным образом.

Так в один из предновогодних морозных вечеров я вспомнила, как когда-то давно, когда я была ещё совсем юной и работала в Академгородке, с друзьями-физиками мы мечтали о каком-то необыкновенном дружеском сборнике типа творческого альманаха. И я подумала вдруг: «Сколько же моих стихов и прозы томятся, сокрытые на полках в темноте стола... А входит ли всё это стихотворчество в задачу моей души? И надо ли думать об издании этих стихов? Куда с ними идти? И нужны ли они кому?» Я задала свои вопросы Небесам и поехала в Студгородок за своим четырёхлетним сыном, он был у бабушки. Мороз... Полная остановка народу... Запрыгнули в первый попавшийся автобус, и буквально нос к носу – встреча с Георгием Васильевым, физиком, с которым мы не виделись больше десяти лет. И первая его фраза была: «О! Слушай, что у тебя со стихами – пишешь?!» Я была поражена. А Жора, видя моё изумление, продолжил утешительно: «Ой, извини, я тебе сейчас всё объясню». Я засмеялась и ответила: «Я тебе тоже сейчас всё расскажу». Ведь я понимала, что

встреча эта – явный ответ на мои вопросы. И мы доехали до моей остановки, пришли ко мне домой и целый вечер беседовали и вдохновенно читали друг другу стихи. Жора рассказал мне потрясающую историю возникновения литературного клуба при библиотеке Политехнического института, как родился талантливый писатель из одного несчастного влюблённого студента, и этот случай подвиг преподавателей и библиотекарей организовать в ВУЗе литературный клуб. Георгий стал председателем этого клуба. В момент нашей встречи новорожденному клубу был всего месяц, и членов насчитывалось всего несколько человек. И, конечно, Жора был несказанно рад, встретив меня и послушав мои стихи. Рассказала и я ему свою историю о размышлениях по поводу миссии души и о своём обращении к Небесам, и о том, как пришёл незамедлительный ответ – эта встреча с ним в автобусе.

На тот момент существовал только «Диалог», литературный клуб при ГорДК под руководством Аиды Фёдоровой.

После новогодних праздников закипела работа нашего литературного клуба. Не было у него тогда названия, но популярность клуба постепенно набирала свои обороты и численность его членов и гостей начала расти. Я наконец-то достала из стола свои утрабованные литературные залежи – стихи и прозу. Оказалось, что тетради мои с дневниковыми записями и размышлениями наполнены множеством интересных рассказов и философских зарисовок, практически готовых для чтения и издания. И я стала приносить их на заседания литературного клуба, читая их за круглым столом в уютном уголке библиотеки. Камерная обстановка этих заседаний всегда сопровождалась чаепитием и бардовскими песнями под гитару. Помню, как мой сын любил ходить со мной на эти литературные вечера. А однажды я привела сюда своего школьного друга, одноклассника, Игоря Носкова, поэта и барда, и творчество Игоря раскрылось, как цветок, песни его зазвучали на наших встречах. Так у нас стало два барда: Миша Дементьев и Игорь Носков. Так литературный клуб Политехнического объединил наше литературное, поэтическое родство и повёл нас дальше – к другим собратьям по перу, на сцены и в залы городских библиотек, ВУЗов и школ – к слушателям, а также через публикации и издания – к читателям.

Галина Георгиевна, первая хранительница очага нашего клуба, умело создавала тёплую домашнюю обстановку за чаем, что стало в последствии неизменной традицией. Все, кто приходил сюда, будь то активные участники или же просто слушатели, раскрывались, обнажая самые прекрасные стороны души, вдохновляя друг друга. Когда чьё-то произведение затрагивало до глубины души или возникал интерес к какой-то прозвучавшей теме, то к следующему заседанию у каждого

рождалось новое произведение, переключаясь с другими авторами. Это был удивительный и радостный процесс – мы все стали как одно целое, стали созвучны друг другу. У бардов рождались песни на стихи поэтов-друзей. Мы ходили друг к другу в гости, устраивая домашние концерты и погружаясь в интереснейшие беседы. Мы устраивали выездные заседания на природе или в городе на набережной Енисея. Проводили театрализованные концерты, встречи со студентами в общежитиях и выступления в школах. В институтской газете «Политехник» стали регулярно выходить странички нашего творчества, а затем и целые альманахи. Авторы начали издавать свои сборники. Родилось и чудесное название у клуба – «Высокий берег». И эмблема – пегас на высоком берегу. А ещё интересно то, что пошла цепная реакция по всему городу – начали рождаться литературные клубы и в других ВУЗах. Появилось городское литературное общество «Русло» под руководством Александра Семёновича Бердникова, известного диктора радио, очень яркого, талантливого человека, неподражаемого артиста и ценителя настоящего искусства. Родилась «Аллея» в Технологическом. И все эти клубы подружились между собой. Подружились мы и с «Диалогом». Все мы навещали друг друга, выступали все вместе и очень любили друг друга. Эта бесценная дружба и любовь сохранились и поныне. В тот бурный период вышла в свет и моя книга «Страна Любви». Она родилась буквально из жизни нашего «Высокого берега». В неё вошли те произведения, которые я озвучивала на заседаниях клуба или на наших концертах и выступлениях в других клубах. А ещё вошли в эту крылатую книгу мои новые стихи и рассказы, рождённые прямо в гуще событий моей новой литературной жизни, прямо в горниле, где душа очищалась, перерождалась и раскрывалась в славе Божьей. Почему я назвала свою книгу крылатой? Потому что её сотворение – это был буквально полёт души. Никогда не забуду, как на презентацию пришло такое количество гостей, что все мы еле поместились за большим столом в библиотеке. Среди представителей других клубов был и Александр Семёнович.

Передо мной газеты «Политехник» с нашими литературными страничками и альманахи «Высокого берега», видеозаписи наших литературных вечеров, большинство которых ещё предстоит оцифровать. Дивный мир нашего творчества!

А вот и самая знаменитая фотография той поры – с моими глазами и белыми астрами, которая в будущем стала обложкой моей книги, и она же открывала первый номер публикаций авторов «Высокого берега» в газете «Политехник». Георгий тогда ехал с новеньким выпуском газеты в автобусе и читал её, а люди вокруг спрашивали: «А это что за газета? Где её можно купить?» Да, газеты с нашими стихами и рассказами разлетались тогда молниеносно, пользовались большим

спросом. И даже разлетелись однажды по всему миру с прямыми потомками Пушкина, собравшимися у нас в Красноярске. Встреча с ними в Политехническом увенчалась тогда вручением каждому из них пушкинского номера со стихами и рассказами авторов «Высокого берега».

Не забыть и новогодний вечер ещё при Галине Георгиевне, как мы играли сказку.

Галина Георгиевна была в те годы хранительницей очага литературного клуба, организовывала и проводила наши встречи, искала пишущих людей и чудом своего чутья находила! Она просто видела, узнавала пишущих среди других людей, подходила к ним, спрашивала, приглашала, они удивлялись, приходили на наши встречи и светились счастьем обретения своей «литературной семьи».

Галина Георгиевна была удивительной придумщицей. И к 2000-ому Новому году придумала сказку, роли которой раздала нам заранее по телефону, чтобы мы символически могли обыграть костюмы, но самого сюжета мы не знали и должны были играть экспромтом. Это было очень весело! В библиотечном зале было много приглашённых на праздник людей. Мы выходили по ходу чтения сказки и должны были на ходу сориентироваться, как сыграть свою роль.

Не забыть и праздничный вечер 35-летия газеты «Политехник», где Людмила Павловна пела романсы. И выезд на природу. И берёзовый сок – вместо чая. И выступление «Высокого берега» в Доме журналиста в гостях у «Русла».

И, вспоминая сейчас, спустя 20 лет, все многочисленные встречи, на которых я побывала, с интересом и радостью отмечаю, что каждая встреча была абсолютно уникальной, неповторимой. Присутствовало ли 10, 20 или больше человек, или 3-4 человека, каждый раз происходило что-то удивительное и вдохновляющее. А сколько искренней радости я переживала, слушая стихи, прозу и песни друзей-поэтов и гостей нашего клуба! Насколько они талантливы! Вот только начини читать какой-нибудь рассказ Лены Баженовой или стихи Татьяны Ким, сразу забудешь про любую хандру. Вот настоящее лекарство!

Живёт всегда в моём сердце радость этих переживаний.

Так всё начиналось...

А сегодня в нашем городе и крае такое большое количество литературных и других творческих клубов и связанных с ними мероприятий, что я даже затрудняюсь сосчитать их.

Но «Высокий берег» для меня по-особому дорог. С 20-летием, дорогой друг!!!

На высоком берегу

Если станет вдруг
тебе плохо, друг –
приходи на наш огонёк!
Ты найдёшь среди нас
и друзей, и подруг.
Пей целебный берёзовый сок!

На ВЫСОКОМ БЕРЕГУ
всегда лучше, чем внизу!
Небо – глянь! – рукою подать!
Вместе петь веселей.
Мы сильнее и смелей
от стремленья друг друга понять.

Льётся дивный Свет
в чашу наших лет... –
пусть забудутся горечь и боль!
Здесь мечтать и летать,
и высоко звучать
ты душе своей детской позволь.

Как сверкает река!
Пусть она глубока
и опасностей много таит...
Мы их не знаем пока,
но друга рука
всегда утешит и защитит.

Не уйти от потерь,
но ты в сказку поверь,
побеждать силы зла научись!
В сердце – мир и уют,
струны Духа поют...
И Огонь наш взлетает ввысь!

Ах, как бы хотелось снова тебя повидать

*Памяти первой хранительницы очага
литературного клуба «Высокий Берег»
Галины Георгиевны Фадеевой*

Ах, как бы хотелось снова тебя повидать,
вместе чаю попить и песни попеть, и помолчать...

Ах, как бы хотелось услышать твой голос родной,
но где ж теперь ты, за какою далёкой звездой?

Я хочу тебе крикнуть, как сильно тебя я люблю,
но обещаю: не стану роптать и слезы не пролью...

Ведь космической меркой нам жизнь отмеряет судьба –
вот сначала дала – полюби! – а потом забрала.

Но, ох, как бы хотелось услышать чудесный твой смех
и как лучшую выбрать даже из лучших всех,

и смеяться вместе с тобой горю наперекор,
накинув на плечи платка твоего тепло...

Но я горько вздыхаю: что ж ты наделал, февраль?
И долго с мольбою смотрю в небесную даль...

Так пусть же свершает труд свой великий душа.
Но, ох, как бы хотелось, чтоб ты на часочек пришла.

Пусть песня твоя
стрелою летит,
пусть в пространстве
звенит и светит.
И, преграды встречая,
пусть не грустит,
а с радостью бурной
их встретит.

И Огнём полыхнёт,

и ветром хлестнёт,
зажигая солнце
рассвета.
Пусть любовью цветёт,
Пусть любовь воспоёт,
И с улыбкой воскликнет:
«ПОБЕДА!».

Душа, как пушистый подснежник,
расцвела среди льдов...
Велики красота и нежность,
хоть сей климат суров.

По ночам завывает метель,
но уж птицы летят,
возвращая стылой земле
весенний наряд.

Нам дано это диво-стремление –
воскресать, расцветать...
И желать обновленья,
и чудес ожидать.

Пусть же юный подснежник
улыбнётся весне...
Так великая нежность
дарит жизнь красоте.

Пока я ещё здесь

Слушай мой смех,
когда он пронзает покой.
Он так похож
на фонтан огня золотой!
Слушай мой смех –
он ведь такой живой!
Да и ты сбрось оковы
и смейся вместе со мной!

Да не жалей,
что маски притворства горят,
и оковы души
в огне, как поленья, трещат.
Ты не жалей
потерять этот лживый наряд,
чтоб явить мне своей
лучистой звезды бриллиант.

Слушай стихи
и речи мои часы напролёт.
Их стремительно-бурный узри
иль парящий полёт.
Смотри – всё Небо открыто
тебе, друг, моё!
Так подхвати ж разговор
и открой мне своё!

Слушай, как я молчу,
когда нет уж слов –
то в постели в болезни,
то просто в объятиях снов,
или в делах,
что синтез являют основ –
всех даров и умений сплетенье,
всех звёзд и миров.

Напряги же внимание,
вглядись в узор моих дней –
горьких, радостных, трудных –
простых и жемчужных гор и морей.
Посмотри ж, посмотри –
вот родник! Ты испей, ты испей
этот дивный бальзам,
пока я ещё здесь, на Земле.

Обретёшь, к чему стремишься,
хоть не знаешь день и час,
даже если невозможным
это кажется сейчас,

даже если это повод
посмеяться над тобой
для друзей и для знакомых.
Не расстраивайся – пой!

Даже если сам ты скажешь:
«Слишком сказочна мечта...».
Верь и жди! Сойдёт однажды
сказка со своих Небес сюда!

Улыбайся и знай –
сердце всё сохранит –
и дрожанье ресниц,
и сияние глаз.

Улыбайся и знай –
сердце – добрый магнит –
соберёт, сохранит
самый лучший запас.

Любовью вечной горит –
оттого и болит,
но как точно ведёт
к назначению нас!

Вот Волшебный Цветок! –
от невежд он сокрыт.
Но чтоб счастье было потом,
улыбайся сейчас!

Игорь Носков

Игорь родился в 1963 году в г. Игарка. Школу окончил в г. Красноярске в 1980 году. В школьные годы писал фантастические романы, которыми зачитывались одноклассники. Так изливалась его любовь к романам Стругацких.

Выпускник физического факультета КГУ. Работал геофизиком в системе обогащения руд полезных

ископаемых.

Творческий путь начал в 1992 году. Писал по большей части песни, которые исполнял под гитару. Участвовал в бардовских фестивалях г. Красноярск. Был активным членом литературного клуба политехнического института «Высокий берег» и литературного общества «Русло». Публиковался в альманахах «На высоком берегу», «Русло» и в двух коллективных сборниках. Был участником межрегионального поэтического состязания «Король поэтов» в 2004 и 2006 годах и финалистом «Короля поэтов» 2008 года.

Авторские песни

Началось

Отлеталось, отбежалось, отошлось,
Отбесилось, отлюбилось – улеглось.
Чёрной завистью вонзилась в горло кость,
Белой костью отразилась в сердце злость.

Отдымил, отгорело, отожглось,
Отходил, отбежалось – и ушло.
Где же, где же ты, высокая любовь?
Нарождаясь, превратилась в рану, в кровь...

Отпорожилось на нервах, оттеклось,
Отругалось, отбранилось – унеслось.
Все по жизни превращают песню в вой,
Вся (по смерти) жизнь уходит в мир иной.

Отвеснилась и отлетилась душа,
А потом, примерив осень не спеша,
Всё смотрела, как подруги поутру
Примеряли свои платья на ветру...

Отписалось, отпечаталось – и вот
Всё, что прямо быть должно – то вкривь идёт.
Отболелось, отстрадалось, отнеслось,
Лишь под рёбрами осталась злая злость.

А вообще-то, сердце было не таким.
Мнилось злым – а оказалось вдруг другим.
Всё изгнало – и тоску, и боль, и злость...
Завертелось, закружилось. Началось.

Плачу я – слезами,
А смеюсь – тобой.
Грусть перед глазами
Вырастает в боль.

Ухожу от света,
Прихожу во тьму
К звёздам и планетам –
Слушать тишину.

По своим орбитам
Всё вокруг бежит.
На цепи событий
Тень веков дрожит.

Я вступаю в этот
Стройный хоровод
И к своей планете
Мчусь и мчусь вперёд.

Где моя планета?
Где моя земля? –
Там, где ты. И с нами
Добрые друзья.

Напою слезами
Синь планеты той...
Плачу я – стихами,
А смеюсь – тобой...

Весенний вальс

На закате зимней вьюги,
Пробудившись ото сна
И ручьями всё запрудив,
Вдруг расплакалась весна.
То ль от счастья, то ль от горя,
Не жалея иль любя –
Никому не надо боли
В этом мире для себя.

И, сорвавшись камнем с неба
После зимней маеты,
Осторожно из-под снега
Извлекла свои цветы.
И венок из них, что дорог
Ей сильнее себя самой,
Принесла с ручьями в город,
Замороженный зимой.

В подворотне расплескала
Звон капли и, кружась,
Музыкантам заказала
Молодой звенящий вальс.
И, заглядывая в окна
Без стыда, – какой уж стыд?! –
Обожгла водою стёкла
И бросала малахит.

Малахит травы весенней
Распустился на крыльце –
Бесшабашный, звонкий, трельный
Отразился на лице.
И играл цветами красок
В небе только для тебя –
Сбросил мир седую рясу,
Саван сбросила земля.

А потом на перекрёстке
Прошлогодных листьев миф
Вверх взметнула, словно россыпь
Драгоценностей живых.
И они, как будто сами,

Оторвавшись от земли,
Зашумели над лесами
И ручьями потекли.

И под этою капелью,
Над собою веселясь,
Танцевала свой весенний
Бесшабашный, звонкий вальс.
Говорила всё, что будет
В этом мире для него...
Только спрашивали люди,
Пробудившись: «Отчего

Всё вокруг переменялось?
Что с землёю ледяной?
Что стряслось и что случилось
И с тобою, и со мной?».
Невдомёк им было, что ли,
Что, очнувшись ото сна,
Без обиды и без боли
Вдруг расплакалась весна.

Пропасьть

Если дождь, если небо в свинце –
Значит, осень здесь.
Значит, листья, конечно,
Уносятся плавно вдаль.
Словно камни с обрыва,
Они из ветвей в пропасть бросились,
Унося с собой лето,
Оставив тоску и печаль.

Через пропасть свалившейся с неба
Бушующей осени
Вся Россия идёт –
А глаза – будто Тьмою завязаны.
Влево шаг, вправо шаг –
Это лишние локоны с проседью...
А, да что говорить –
Всё уже давным-давно сказано.

Места нету на краешке
Буйного века облезлого.
Только то, что осталось –
Зовём меж собою Россиею.
Она ходит по краю –
А край, как гремучее лезвие,
А над нею – пьянящий дурман
Неба синего-синего...

По-над пропастью дни
Оголтело-дурные всё вертятся,
Обдавая нас гарью и кровью,
Тоской и презрением.
И от этого в Бога и в Душу
Нам стало вдруг вериться...
Но, похоже, что, в общем-то, мы
Опоздали с прозрением.

Если всё ж, несмотря
На свинец и на травы поникшие,
Кто-то встретит рассвет
После ночи дождя и рук связанных –
Значит, всё же мы здесь,
Пусть не лучшие, но и не лишние,
Значит, это уже для кого-то
Судьбою доказано.

Молитва

Память...
На колени встану,
Лбом упрусь.
Падать,
В общем, не пристало –
Поднимусь.

Меркнет
Где-то в небе синем
Та звезда.
Церковь –
Это вся Россия
Навсегда.

Может
Быть, ещё не поздно
Подойти?
Гложет
Высь. Но как же звёздам
Вниз уйти?

Как же быть
И как же не быть
Никогда?
Будет выть
Слепая небыль
Иногда.

Гамлет
Сильно пахнет Русью –
Не из книг.
Сам ли
Гонишь это чувство
Вскачь и в крик?

В храме,
В этом пыльном храме
Все кресты –
С нами,
Будут только с нами,
Как мосты

В осень,
В битую калитку,
В дребедень,
В россыпь
Городов и в нитку
Деревень.

Год,
А, может быть, минута,
Может, час.
Вот
Всё то, что есть кому-то
Не для нас.

Что ж,
Не в первый раз, однако,
Озорство.
Ложь
И кровь. И пьяной драки
Ремесло.

Всё же –
Небо есть, земля,
Что ещё?
Боже!
Как же в небылице
Горячо!

Память,
Это – наша память,
А не дым.
В яму
Нам дано всё падать –
Не другим.

Вылезть
Из неё, конечно,
Тоже нам.
Выхлест,
Жуткий, бессердечный –
Пополам.

И пойти
По всем дорогам
И весям.
И пройти
Совсем немного –
Тут и там...

В церкви
На колени встану.
В эту Русь
Верить,
В общем-то, пристало –
Помолюсь.

Тамара Патрушева

*Доктор технических наук, профессор
Политехнического института СФУ.*

*Неоднократно заседания литературного клуба
проходили в лаборатории Тамары Николаевны.*

Родина и Заграница

Уронили березоньки косы в цветы,
Тишиною объаты луга,
Белой скатертью стелет ромашковый дым,
Прикасаясь вдали к облакам.

А над речкой высоко вознесся кипрей
Цвета неба в предутренний час,
И пьянят, и манят ароматы полей,
Гроздья ягод даруя для нас.

Я Россию свою еще больше люблю,
Побывав за пределом ее,
И сибирский мороз в белой шубе из звезд,
И июльские косы берез.

Я была наяву в Сингапурском раю
В орхидейно-банановом Сити
И забыла на время я землю свою,
Зачарована сказками нитей.

Да, прекрасны тропических красок цветы,
Утопает в них город и остров,
Почему же не благоухают они?
В этом гордом раю все не просто.

Я Россию свою никогда не сменю
На комфорт и уют зарубежный:
Пусть Сибирь не блесит, но в России горит
Свет духовный от искорки Божьей.

Ребенок – это душа, данная на сохранение

Стало солнце ярче, небо шире,
Стала жизнь богаче и дороже,
Когда появился в этом мире
Человечек, на меня похожий.

Сколько положительных эмоций
И тревог, обид и огорчений
Мне несло небесное явление,
Данное судьбой на сохраненье.

Ни психолог, ни учитель в школе
Не подскажет, как сберечь нам душу,
Потому что в Божий храм мы ходим,
Чтобы мир духовный не разрушить.

Индия

Предновогодней эйфории карусель
Кружит и мчит минут последних сани,
А я хочу остаться в декабре
И жить в раю своих воспоминаний.

Вдыхать и пить мистический туман
Роскошной Индии, где Боги обитают,
Где землю обнимают небеса
Или земля на небе пребывает.

Где красок и контрастов хоровод
Затягивает душу и пленяет,
И сонмы райских птиц густой платана свод
Многоголосьем милым оживляют.

Я на закате солнца опускала
Цветочный бот в святой источник рек,
И сердцем, и душою ощущала:
Для совершенства создан человек!

Маргарита Радкевич

Поэт, одна из победителей поэтического конкурса «Король поэтов-2004», автор проекта компакт-диска «100 женских творчески лиц Красноярского края», композитор-песенник, участник проекта «Песни на берегах Енисея». Публиковалась в краевых, региональных и всероссийских изданиях.

Есть даты

*Фронтовикам,
погибшим во время ВОВ (1941-1945) посвящается*

Нам календарь о многом говорит.
Есть даты, что не могут быть забыты.
Вновь май... А сердце памятью болит
О тех, кто спит под тяжестью гранита.

Свою с войною юность разделив,
По всей России-Матушке сражались.
У каждого был свой родной мотив,
В сердцах людских они навек остались.

Уже не внуки, правнуки все мы,
Стоим в долгу у памяти своей.
Встречаем мирный май и смотрим сны
В один из самых главных календарных дней.

С уходом зимы чернеют сугробы,
И спят ещё реки под тонкими льдами.
Земля затаилась, сокрыта снегами,
А мы одиноки, а главное – оба.

Ненужностью быта дома городские,
Деревья считают за окнами время.
Весенние оттиски – нежности семя,
И чувства рождённые вновь не чужие.

Память

Вот так рывком без выбора – вперёд!
Июнь пылает заревом кровавым.
А за тобой – Россия: весь народ!
А для кого-то ты – один...
И самый-самый...

Ты – есть, потом укажут – был...
Год сорок первый, только лишь начало.
Всё будет позже,
А сейчас – хватило б сил.
Из прошлого – покорный взгляд
Тот у причала.

А это значит – надо выжить нам!
Пусть не заметит смерть,
Проскочит мимо...
И вера даст надежду
детским снам,
В канун войны рождённым
и... любимым.

Верхушки деревьев,
Бегущие крыши.
Уходят мгновенья,
Всё в прошлое. Слышишь?
Снега потемнели
В Сибирском апреле.
А всё-таки жаль,
Что тогда не посмели...
И капли-дождейки
Садятся на стёкла.
Мы – две половинки
На оттиске блёклом.

Денис Савенков

*Выпускник
факультета КГТУ.
Лауреат премии Владимира Потанина.*

Полет

Что ж, пора, милый друг, улетаем,
Расправляем два белых крыла.
Мы с тобой так прекрасно мечтали!
Нас земля удержать не смогла.
Через миг полетят по лазури
Два прекрасных, два белых крыла.
Улетаем, мой друг, улетаем!
Нас земля удержать не смогла.

Прилетим мы на берег, где чайки
С резким криком над бездной кружат.
Зори здесь так тихи и печальны,
И закаты лазурью дрожат,
Но давно уж летят над лазурью
Два прекрасных, два белых крыла.
Пролетаем, мой друг, пролетаем!
Нас вода удержать не смогла.

Впереди смерчем облако кружит –
То житейские бури сильны.
Здесь обиды осколки летают,
Лести, лжи, грязных слухов полны.
Но опасный поток серой хмури
Смело режут два белых крыла.
Пролетаем, житейская буря
Нас с тобой удержать не смогла.

Мы почти долетели до света,
Что в ночи всем влюбленным горит,
Там не будет ни злобы, ни страха,
Там не будет невзгод и обид.
И все ближе к огню подлетали

Два прекрасных, два белых крыла,
Но не видели мы, где засада –
То разлука нам сети сплела.

Мы с тобой ничего не хотели,
Кроме света, покоя, любви.
Мы с тобою почти долетели,
Мы с тобой почти к счастью пришли.
Но жестокой и верной рукою
Сеть заброшена из-за угла.
Нас с тобою она разделила –
В ней забились два белых крыла.

И с тех пор я уже не летаю,
Но с тоскою на небо смотрю.
На земле я живу и страдаю,
Сеть разлуки я жгу и пилю.
Жду, когда полетят над лазурью
Два прекрасных, два белых крыла.
Пролетайте теперь, небо чисто –
Сеть разлуки сгорела дотла.

Глина

Под теплою ласкою рук
Из глины выходит кувшин,
Вот новый на круге кусок –
Что из него сделать? Решим?
Вот этот, к примеру, пойдет
Для вазы простой, но прекрасной.
А этот попроще, и вот
Пошел для бутылки щекастой.
А если не вышел кувшин –
То в грязь! Чтоб топтали ногами!
По глине вперед мы спешим
И месим ее сапогами.

Разграбили наш класс
Железною клюкой,
Разграбили наш класс
Безжалостной рукой.
А все учителям

Оценочки в журнале,
А нам моря тоски
И океан печали,
И горя острова,
И колкостей лавины,
Вулканы сумасбродств
И равнодушья глины.
Из этого и слит
Наш мир неинтересный.
В агонии хрипит
Растоптанная песня.

Розы и суровая жизнь

Это лето никак не хотело начинаться. До апреля не отпускали двадцатиградусные морозы. Двухметровые сугробы растаяли только к середине мая, но опять сплошным ковром выпадал снег. Розовый куст все-таки выкинул молодые зеленые листочки – он старался изо всех своих небольших сил. Тепло пришло, хоть поздно, но пришло. Хозяева его заботливо поливали, рядом распускались ноготки, настурция и другие цветочки попроще... клумба становилась все красивее и красивее, вот уже лето склонилось на вторую половину. Некоторые цветы уже отцвели, но уже подняли свои тяжелые звезды белоснежные лилии... уже многие растения дали плоды, вот уже жимолость и смородина показали свое изобилие. Уже клубника отполыхала алым пожаром ягод и принялась копить запасы на следующий год. Август, как вечер, клонился к закату. Розовый куст торопился, но никак не успевал. И вот, наконец, в начале сентября, бутоны раскрылись... королевские, темно-красные... крупные. Клумба наконец-то обрела завершенность. Тихо покачивались прекрасные творения над землей, живые, неотделенные от породившего их куста. На следующую ночь ударили серьезные заморозки, убившие самые лучшие цветы на клумбе. Потом была оттепель, и тепло стояло до ноября, но те розы погибли уже безвозвратно.

Так и в жизни у нас то, что является красотой, погибает быстрее и вернее всего, не потому, что жизнь как-то особенно жестока с ними, а из-за того, что все силы отдает самосовершенствованию, а не приспособлению.

Все лето куст, не жалея себя, творил эту красоту, так мало простоявшую и так безвозвратно погибшую. А куст остался, на следующий год он снова упорно будет творить такую хрупкую, недолговечную, непрактичную, но так необходимую нам красоту.

Анна Скокнина

Выпускница факультета информатики и процессов управления КГТУ.

Участница литературного клуба «Высокий берег» с первых дней его создания.

Вы! Судеб судьи роковые,
Несущие полнейший вздор,
Хвалитесь всем, что вы святые,
Не вняв укора полный взор.

О, да! Все судьбы вам подвластны,
Все мысли, чувства. Всех страстей
События давно уж ясны!
О, да! Ведь вы богов мудрее!

Вы – «боги»! На небе светила,
Но жжет глаза ваш лживый свет.
Душа однажды уступила,
Приняв обманный ваш обет.

Мы, словно пленники пустыни,
В огромном море пустоты
Блуждали вновь с тех пор поныне
В надежде призрачной мечты.

Да! Судьбы были вам подвластны,
Но кончился ваш тайный бал –
Притворства трюки стали ясны,
И луч спасенья заблистал.

Увы, я не нужна тебе, мой друг.
Судьба моя с листом осенним схожа,
Шумела летом и весной среди подруг,
А участь осени – печальный взгляд прохожих.

Надежды летние сменились красотой
Осенней, ветреной и никому не нужной,
А шумный ветер манит за собой,
И спящий лист опять мечтой разбужен,

Но все пройдет, осенние мечты
Заменит белая страничка снега,
Любовь уснет частичкой пустоты
И будет робко ждать прихода лета.

Я шагну на небо легко.
И вперед – сквозь тернии к звездам.
Шаг, другой – и уже далеко
Все земное: и смех, и слезы.

Мир покоя и пустоты
Распахнет мне свои объятия.
Я одна. Но со мною ты.
Не смогла я найти заклатья,

Чтоб забыть цвет любимых глаз,
Шепот губ в полумраке ночи,
Как промолвил ты в первый раз:
«Жду, люблю и скучаю очень».

Пусть вослед кричит весь свет:
«Ты не верь – за изменой слезы!».
Лишь в ответ я им крикну: «Нет!».
И шагну на колючие звезды.

Светлана Царинных

Сибирячка. В настоящее время живет в городе Анапа. Печаталась во многих газетах, журналах, коллективных поэтических сборниках. Автор книг стихов и прозы «Свети, Солнышко!» и «Стихи и загадки для детей». Участница проекта компакт-диска «100 женских творческих лиц Красноярского края». Номинант Международного конкурса

«Филантроп».

«С 1999 года я была участницей литературного клуба «Высокий берег» при Красноярском Техническом университете. Наши творческие встречи проходили в художественном отделе библиотеки, которым заведовала Тамара Ивановна Блиникова. Впечатления о том времени незабываемые.

Хочу поздравить литературный клуб «Высокий берег» с 20-летием! Дорогие друзья! Я желаю всем вам доброты, великодушия, милосердия! Любите друг друга!»

В зимнем саду

Какой чудесный снегопад!
Снежиночки летят, летят.
Они кругом, со всех сторон,
Покрылась вся земля снежком.

В твоей руке – моя рука,
И мы взволнованы слегка.
Идём, куда глаза глядят
Через прекрасный зимний сад.

Порхают белые цветы
Волшебной, дивной красоты.
Ты говоришь мне о любви,
А я смотрю в глаза твои.

Зимой любовь ко мне пришла,
Ты тот, кого всю жизнь ждала.
Какое счастье, что мы здесь,
Что ты, мой друг, на свете есть!

Я – белая птица

Я – белая птица, свободная птица,
Над серой землёю кружусь и кружусь.
Людей вижу души, в них злоба таится...
Устала летать, а спуститься боюсь.

Мне некуда деться, мне негде укрыться,
Кругом поджидают опасность и смерть.
Я – сильная птица, я – гордая птица,
И сколько смогу, столько буду лететь.

Романтический вечер

Романтический вечер
И морские пейзажи
Я запомню надолго.
Разве можно забыть?
И на память о встрече –
Фотографии наши
Будут нежно, безмолвно
О любви говорить.
Миг наступит счастливый –
Мы окажемся вместе.
Не расстанемся более
Никогда-никогда.
Этот вечер красивый –
Как весенняя песня.
Голос моря спокойный...
Мы вернёмся сюда!
Золотистые чайки,
Золотистое море,
Золотистый песочек,
Лунный свет золотой.
Рыб весёлые стайки
Этой поздней порою
Наше счастье пророчат
Своей дивной игрой.

Метелица

На берёзках серебряный иней,
А на мне – белоснежная шаль.
Я иду по дороженьке зимней
В ослепительно светлую даль.

Я иду, а метелица вьётся,
Осыпая хрустальной крупой,
То тихонечко рядом взметнётся,
То закружит, играя со мной.

Солнца лучики, словно цветочки,
Среди белых блестящих берёз.
Я смеюсь и румяные щёчки
Нежно щиплет хитрющий мороз.

Загадки вселенной

Летают НЛО повсеместно
Уж много веков, много лет.
С планеты какой, неизвестно,
На Землю пришёл человек.
Вселенная наша – компьютер
Неведомых в жизни миров
И всех человеческих судеб,
И мыслей компьютер, и слов.
Вселенная – это загадка,
Познать никому не дано.
И вряд ли найдется разгадка,
Задумано так всё давно.
Учёные люди гадают,
Гипотезы строят – ан, нет...
Никто никогда не узнает
Загадки Вселенной ответ.
С природой не надо тягаться,
Законов вносить ей своих.
Нельзя никому углубляться
В мир таинств, в живую живых.

Звёзды

Звёзды, светите и не светите,
Непонятна мне ваша жизнь.
Ничего вы мне не ответите,
Только смотрите сверху вниз.

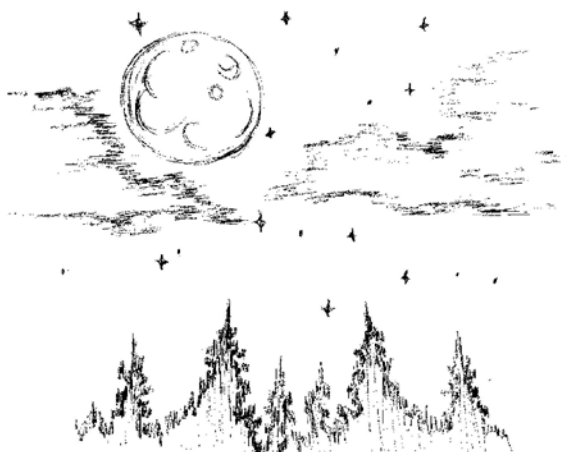
Ясноокая, лучезарная,
Светит в небе синем Луна.
И таинственная, и странная,
И загадочная она.

Ночкой звёздною, ночью лунною
Я всегда смотрю в небеса
И о вас всегда, Звёзды, думаю,
И от счастья плачут глаза.

Вы мои по жизни спасители,
Причисляю к вам и Луну.
Тайны светлые сохраните вы,
Не расскажете никому.

Светом сердце мне согреваете,
На душе покой, благодать.
Вы одни меня понимаете,
Вам дано без слов понимать.

Вы одни мои небо – зрители,
Восхищаюсь вами, Луной.
Только смотрите и молчите вы,
Разделяя радость со мной.

ТВОРЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРИЯ

“ВЫСОКОГО
БЕРЕГА”

Владимир Баранов

Выпускник Красноярского политехнического института.

Стихи Владимир Сергеевич стал писать относительно поздно. Он всегда интересовался политикой, социальными проблемами, поэтому в его творчестве преобладают философская и любовная лирика, раздумья о бренности бытия.

Стихи – суть состояния души,
В них не могу я ни слухавить, ни прибавить,
И лишь тогда они чисты и хороши,
Когда не лгут и не тревожат ложью память.

К столетию Революции

Как хорошо мы «плохо жили»!
Благословенны времена,
Когда мы все в Союзе были,
Была великая страна.

Когда учились все бесплатно,
Лечились тоже, между прочим,
Ах, как же хочется обратно
В застой, что нынче все порочат.

Там колбаса была из мяса,
Там был божественный коньяк,
КВВК он назывался.
Увы, источник тот иссяк.

Всё стало хуже и сложнее,
А раньше перспективы были...
И вспоминаю в юбилей я,
Как хорошо мы «плохо жили»!

Фигерас

Я сам себе свои стихи читаю
И сам себя совсем не узнаю,
Как будто бы над бездною летаю,
Как будто бы над пропастью стою.

Бездонный мир, бездонное пространство
И беспощадность времени со мной,
Как на полотнах вычурных испанцев,
Я – в центре мира – крохотный такой.

Всё чаще пьем за тех, кого уже нет с нами,
И вспоминаем прежние года.
И ностальгия гложет временами
По юности, ушедшей навсегда.

Нами жизнь наигралась вполне,
Нас крутиться, как белку, заставила.
И невольно усвоились все
Непростые житейские правила.

Жизнь – борьба, и законы её
Против нас почему-то направлены.
А мы гнём потихоньку своё,
Презирая законы и правила.

И в борьбе закаляемся мы,
Укрепляем и тело, и душу,
Только вот от тюрьмы и сумы
Не спасают ни море, ни суша.

И с годами грубеет душа,
Покрывается тело рубцами.
Только жизнь всё равно хороша,
Хоть и пакостит нам временами.

Всё у них, почти как в сказке Пушкина,
Есть старик, есть рыбка золотая.
Лишь одно отличие допущено –
Старче все желанья выполняет.

Всякое случается на свете,
Но такого не бывало сроду –
Сам рыбак попался рыбке в сети
И готов за ней в огонь и в воду.

Рад исполнить он её желания
И не три, а сколько ей захочется.
И стоит у моря в ожидании,
Слишком он устал от одиночества.

Он зовёт, он кличет свою рыбку,
Но она скрывается в пучине.
Не поймёт он, в чём его ошибка,
И немилость по какой причине.

Но упорен старче в своём зове,
Верит он, что рыбка отзовётся,
Ласковым и тихим станет море,
Сердце снова трепетно забьётся.

Озабоченная юность, озадаченная зрелость...
Как-то всё перемогнулось
И куда-то мигом делось.
Всё для блага государства –
Шли вперёд, как всем казалось,
А в награду нам досталась одураченная старость.
Пойду я по миру с рукой протянутой,
Быть может, кто-нибудь поможет мне,
А нервы тонкие струной натянуты,
А сердце бедное, как в западне.
Пути-дороженьки в места заветные
Меня, как в юности, не приведут.
Былые радости – теперь запретные,

Не вернуть уже мне тех минут.
А жизнь бродячая всё продолжается,
Мир не сужается до пятака.
И память ясная, и не в чем каяться,
Лишь тихо мается судьбы рука.

Памяти М.В.Т.

Уходят в прошлое друзья
Туда, откуда нет возврата.
И заглушить ничем нельзя
Боль преждевременной утраты.

Они уходят навсегда...
В неотвратимости и роке,
Сгорает в небе их звезда,
И гаснет небо на Востоке.

От получки до получки
Делим деньги мы на кучки.
Кучка – чтоб долги отдать,
Кучка – дырки залатать,
За квартиру заплатить,
На остатки – месяц жить.
Но, как свечка, тают кучки.
Где б занять нам до получки?

В далёком княжестве Монако
Не жизнь, а просто благодать.
В далёком княжестве Монако
Мне посчастливилось бывать.
Скала над морем возвышается,
Стоит, как царственный венец.
Скала «Монако» называется,
А на скале стоит дворец.
Гримальди, царственный потомок,

Райниер третий там живёт.
Страной он правит без постромок,
Он уважает свой народ.
Там монегасцы с монегасками
Весьма зажиточно живут.
И нас, с проблемами и встрясками,
Они, конечно, не поймут.
Я восхищался там дендрарием:
Какие там цветы цветут!
А местный их океанариум!
Мурены, скаты там и тут.
Как зачарованный, я следовал,
Глядел на них через стекло.
Богатством этим всем заведовал
Океанограф Жак Кусто.
Японский дворик тоже радовал,
Ласкал мой взор прудами, горками.
Я там желания загадывал,
Японцы там ходили толпами.
Туристы рвутся в Монте-Карло
И в театр оперный при нём,
А мы всю жизнь, как Папа Карло,
На дядю пашем и куём.
В том театре Дягилев Серёга
Балет российский представлял,
Нижинский, наш танцор от Бога,
Там фуэте на бис давал.
В Монако чудные закаты,
А небо – дивный палантин.
Там бесконечные регаты
И гонки формулы один.
Увидел много я, однако
Настало время уезжать.
Прощай же, княжество Монако,
Я буду часто вспоминать
И монегасцев с монегасками,
Их жизнь без стрессов и без бурь,
И солнце, что светило ласково,
И моря ясную лазурь.

Перрон качнулся и поплыл куда-то прочь,
Стал удаляться потихоньку от меня,
И поезд тронулся в заснеженную ночь,
В который раз я уезжаю от себя...

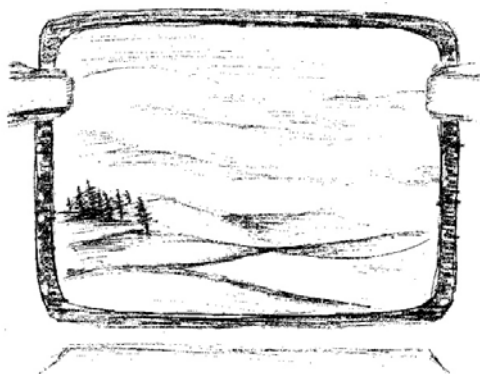
Помчался поезд вдаль, в неведомую даль,
За перегонем пролетает перегон.
Под стук колёс меня баюкает печаль,
И всё прошедшее мне видится, как сон.

А за окном метёт метель, бушует ночь
И звёзды кутаются зябко в облака.
Боль расставания так трудно превозмочь...
И почему-то до сих пор дрожит рука...

Я не жалею ни о чём, пройдёт печаль,
А расстояние и время нас рассудят.
Несётся поезд вдаль, в неведомую даль,
А мы с тобой посмотрим, что же дальше будет.

Со стороны гораздо легче наблюдать,
Со стороны всё видится иначе.
Я, может быть, вернусь назад опять,
Решив свои нелёгкие задачи.

Когда-нибудь в обратный рейс, в обратный путь
Меня такой же поезд позовёт –
И ожидание наполнит мою грудь,
Перрон знакомый мне навстречу поплывёт.

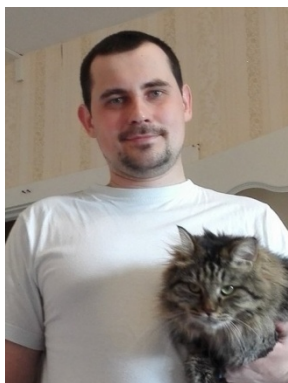
Вечно жить всё равно не получится.
И не стоит терзаться и мучиться,
Ограничивать хлеб и питьё,
На диету садиться и каяться,
Жить в надежде, что нам засчитается
Непорочное наше житьё.
Срок придёт и настанет наш час.
Очень мало зависит от нас,
Но не стоит грустить и печалиться –
Всё давно решено.
Наша жизнь – как кино,
Наша жизнь всё равно продолжается.

Меня к прошлому ты не ревнуй,
Ведь, что было, того не вернуть,
Не сорвать с чужих губ поцелуй
И тебя нелегко обмануть.

Не ревнуй к вольной жизни меня –
Связан я по рукам и ногам.
Не зажечь мне былого огня,
Я себя никому не отдам.

Больше нет романтических встреч...
Всё в далёком уже далеке...
Ну, о чём ты ведёшь свою речь?
Я по жизни иду налегке.

Но сквозь годы я всё ж сохраню
Свою душу, а ты не горюй.
Я люблю эту жизнь, я люблю,
Ну, а ты, если хочешь, ревнуй!

Андрей Беккер

*Выпускник Института инженерной физики и
радиоэлектроники СФУ.
Инженер УР и БЖД СФУ.*

Капли солнца нанизаны на звёзды —
Я беру и собираю их руками.
Умирать за любовь уже поздно...
Я никогда не буду вместе с вами.
В этот тихий апрельский вечер
Еду я с неразбуженным сердцем
И считаю, что я беспечен,
И, пускай миг любви быстротечен, —
Это самое лучшее, что случается с нами...

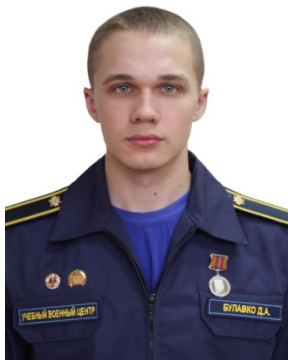
Я жду от жизни перемен,
Конечно же, в лучшую сторону.
Попал я к предрассудкам в плен —
Они дурачат мне голову.
Но верю я, что всё пройдёт,
Наступит миг прозренья,
И будет в жизни всё не так,
Отступит мгла сомненья...
Возможно, это будет скоро,
А может — и не очень.
Добьешься в жизни лишь того,
Чего ты сам захочешь!

Скульптор

В отточенности стуков скрывается душа.
Как капли дерзких звуков,
Летит так не спеша.
Летит она сквозь время,
Взрывая пласт из снов.
Кто не страшится бремени –
За ней «лететь» готов.
Таков и мой знакомый,
Который чист душою,
Пушай он непутёвый,
Но искренен с собою,
Он скульптор чувств безбрежных,
Скрывающихся в снах,
Творец образов нежных,
Парящий в небесах.

Опять задумана скульптура,
И вихрь фантазии умчал
Его воздушную натуру –
Таких я в жизни не встречал.
Лишь об одном и может думать:
«Как мне из глины изваять
Ту материальную структуру,
Что люди будут узнавать?
Как мне добиться уваженья
В кругах маститых мастеров:
За их немое восхищение
И день, и ночь работать я готов».

Такие думы очень часто
В умах творцов всё возникают,
И возникают не напрасно:
Они трудиться дальше заставляют
И развиваться в плане совершенства
Своих всех творческих работ.
Не испытать творцу блаженства,
Коль не оценит их народ.

Дмитрий Булавко

*Курсант Военно-инженерного института СФУ.
«Мои увлечения довольно обширны: от написания
прозы и поэзии до компьютерной графики и
анимации, от занятий спортом до компьютерных
игр. Первое свое удачное произведение получилось
написать в 8 лет, а всерьез взялся за творчество в
12 лет».*

Письмо

Пишу письмо своей любимой.
Я, забывая о войне,
О той вражде неудержимой,
Все вспоминаю о тебе:
«Привет, родная, ты не бойся –
Пока не мертв, еще живой.
Ты за меня не беспокойся:
Со мною Бог и ангел мой».

Но дописать письмо не дали
Мне оглушительные звуки.
Свернул бумагу... и настали
Для роты тягостные муки.
Стрельба и взрывы – все в траншеи.
Схватив винтовку, прыгнул в ров...
И залпы нашей батареи
Держали натиски врагов.
Окоп – по швам, летят гранаты
Над телом вздрогнувшим моим...
Вокруг лишь взрывы, крики, маты...
Я был уверен: победим!

Но враг все шел, а наши силы
Были почти равны нулю...
Уж все бойцы легли в могилы,
Один я выжил и молю:
«Господь, хочу вернуться к дочке,
Хочу увидеть я жену».
Достав и сжав письмо в листочке,
Стал видеть жизнь свою в плену...

Но взор назад – глазам не верю:
Ряды солдат и красный флаг!
Спасенье! Братцы, выбьем зверя,
Пушай повержен будет враг!

Но тут рывок и выстрел в спину...
И не видать теперь любви.
Упал на дно окопа, в глину,
С письмом в руке,
С письмом в крови...

Сколько же жизней солдаты отдали
При схватке с врагами без чести?
Ведь большинство из них в сумраке пали,
Встав на защиту, сражаясь вместе.

И все те убийцы, все жадные страны,
Воюя, не знали ни мира, ни чести.
Они нанести большие нам раны,
Но сбежать не смогли от яростной мести.

И чахли враги под нашей Державой,
И гибли они под нашей Москвой.
Наша страна увенчана славой,
Славой Героев, победной войной!

И пусть враг лишь встанет у наших владений!
Его наши встретят теперь уж штыками.
Спасибо вам, люди, за годы сражений,
В которых Победа одержана вами!

Молились о Вас по ночам у иконы,
Чтоб выжили в битвах, вернулись домой.
В бою вы все слышали крики и стоны,
Но не бежали назад, а шли в бой!

Вы видели трупы, горящие танки,
Сражались у наших бескрайних границ,
Родных и друзей хоронили останки

С мужскою слезою у влажных ресниц.

Проходят парады, всем Вам посвященные,
Всем тем, кто остался без жизни лежать,
Всем Вам, любимые люди крещенные.
Вы бились за нас, будем Вас защищать!

Память

Пока я жив, живет в Державе
Вся память тех погибших лиц,
Кто отдал жизнь за честь и славу,
Кто не сдавал своих границ,
Кто в Бресте сдерживал атаки,
Кто под Смоленском погибал,
Кто бился насмерть в любой драке,
Кто был убит – не отступал,
Кто защищал город Одессу,
Детей и жен, живущих в нем,
Кто не прогнулся под тем прессом,
Кого жгли нелюди живьем,
Кто крошки собирал в блокаде,
Кто не терял надежд дожить,
Кто пал на землю в Ленинграде,
Нормально не успев пожить,
Кто защищал нашу столицу,
Кто глаз ночами не смыкал,
Кто не переставал молиться,
Кто, потеряв родных, рыдал,
Кто в Севастополе у моря
Лил кровь за наши рубежи,
Кому досталась эта доля:
И плен, и смерть, и грабежи;
Кто спал едва по часу в сутки,
Кто фронт кормил и одевал.
Не было времени на шутки.
Все лишь для тех, кто воевал.

Этот народ – теперь лишь память.
Для нас этот народ умолк.
Но мы хранить навечно будем
В наших сердцах Бессмертный Полк!

Роман Гернего

Выпускник ФИВТ ВТ-274.

*Участник ЛИТО «Высокий берег» 2000-2008 гг.
Печатался в газете «Политехник», альманахах «На
высоком берегу» и «Сибирский литератор». В 2008
г. выпустил авторский сборник «Мы дети дел
своих».*

*Интересы: философия, история, литература, ИТ,
проектирование новых процессов, развитие региональной экономики,
межкультурный обмен.*

О, скромный мир,
настроенный на счастье,
живет и помнит те года,
когда добытый корень
Решал: жить будешь ты
сегодня иль умрешь...

Нескромный мир,
построенный в тепле,
живет, не думая о том,
что счастье, извлеченное из недр,
назад не восстановится.
А то тепло и тот прогресс,
Который есть, нам удержать
удастся вряд ли.

Прогресс свернется до регресса,
и расползется темнота,
когда контакт с соседом
замкнется на отражении себя.

О том ли думала природа,
когда растила нас
в тени своих садов?

Давайте, люди, улыбаться!
Давайте в мире сад садить!
Ведь в новый мир гармонии и счастья

нам нужно со своим входить.

Мы можем многое – я знаю!
И верю в то, что новый свет
познает правила баланса!

Мир, где враждебных тварей просто нет,
там, где есть тьма – пусть будет свет!
Там, где свет губителен, да будет тень!
В тени и у воды нет смысла драться,
На свет иной её не унесешь...

Когда есть песни о любви...

Когда есть песни о любви,
И о мечте стихи слагают,
То эту музу называют
Лишь состоянием души.

Когда ступая, словно ветер,
Касаясь полами воды,
Я забываюсь на мгновение
И отрываюсь от Земли...

Когда в угаре пряной ночи
Я слышу шепоты любви,
И, обнимая прелесть мира,
Я вновь спасаюсь от тоски...

Когда рассвет, развеяв дымку ночи,
Разделит и меня с тобой,
Я поднимаю к небу руки
И становлюсь самим собой.

Когда есть песни о любви,
И вот еще одну слагают,
То эту музу называют
Лишь состоянием души...

Руслан Головин

*Выпускник Института космических и
информационных технологий СФУ.*

Кровавый Лог

Даник проснулся и развёл в стороны затёкшие конечности, сладостно потягиваясь. Чёрные головёшки в не успевшем остыть костре ещё излучали тепло, и мужчина не упустил случая впитать его в себя. Утрецо выдалось зябким, несмотря на то, что лето было в самом разгаре.

Кое-как подрвав веки, Даник огляделся. В метре от костра, сидя на земле и прислонившись спиной к дереву, спал юноша. Струйка слюны текла по запрокинутой голове и капала за шиворот кожаной с металлическими вставками куртки.

Даник испытал мощный прилив ярости, который, как профессионал, позволял себе нечасто. Поднявшись на ноги, мужчина шагнул к спящему и, достав из подсумка верёвку, набросил её на мокрую от слюны шею. Борьба продолжалась несколько секунд, прежде чем Даник ослабил захват, позволяя парню вырваться.

- Кха-кха-кхак это понимать? – кашляя, вопрошал парень.

- Скажи спасибо, что это был я, а не разбойник, – хмуро бросил Даник, убирая верёвку. – В следующий раз, если заснёшь на посту, я привяжу тебя к дереву да так и оставлю.

Путники стали сворачивать лагерь и ликвидировать следы своего пребывания. Не то чтобы их кто-то преследовал, просто будет лучше, если никто не узнает, что они были здесь. Так спокойнее.

- И всё же, – заговорил парень спустя час ходьбы через лес: на дорогу они предпочитали не выходить. – Против кого нас наняли?

Все вопросы с работодателем – каким-то провинциальным магом-феодалом – утрясал именно Даник, который редко что-то рассказывал своему протеже, а тот нечасто что-то спрашивал.

- У тебя воздух в груди лишний? – буркнул мужчина, возносясь на вершину небольшого холмика.

Парню подобное восхождение далось куда труднее: ему пришлось несколько мгновений стоять, уперевшись руками в колени, и тяжело дышать.

- Да нет, – отдуваясь, сказал он. – Просто зная, с кем надо биться, лучше можно подготовиться.

Даник бросил на спутника тяжёлый многозначительный взгляд, но сказал лишь следующее:

- Биться ни с кем не надо, – мужчина двинулся дальше. – Легендарные сражения оставь для героев легенд. Наше дело: выследить, выманить, подкрасться и убить. Об этом не напишут легенд.

- Ну, когда дело выгорит, я лично прослежу, чтобы написали парочку.

Дальше шли молча. Наконец лес неожиданно кончился, а дорога, вдоль которой следовали напарники, вышла прямо к небольшой деревушке, расположенной в живописном уголке природы.

«Эх, городской!», – с грустной улыбкой подумал Даник, глядя, как парень с удовольствием созерцает пейзажи сельской пасторали. – «Не знаешь ты, что такое жизнь в деревне».

Самому же Данику вид деревни принёс далеко не приятные воспоминания.

Местные, заведя приближение гостей, прекращали всякую деятельность и устремляли свои взоры к гостям. Столь пристальное внимание несколько нервировало паренька, в отличие от его старшего и более опытного спутника. Тот с чугунным выражением лица направлялся к дому сельского старосты столь уверенно, будто не раз бывал в этой безымянной деревушке.

Завидев чужаков, староста, полноватый, но высокий и крепкий старик лет сорока – сразу поднял вилы в боевое положение, намереваясь обороняться. Даник поднял вверх широко раскрытую ладонь, как бы говоря, что пришёл с миром.

- Кто вы? – недоверчиво спросил староста.

- Мы охотники, – представился Даник, – пришли разобраться с вашей проблемой.

- Мы вас не нанимали, – сообщил старик с ещё большим недоверием.

- Нас нанял ваш господарь, Каркрауд.

- Этот ...? – деревенский староста ёмко охарактеризовал чародея как недалёкого и прижимистого представителя волшебной братии в частности и человеческого рода в целом, причём сделал он это всего лишь одним ёмким словом, на что у лучших столичных философов и ораторов ушли бы многовёрстные трактаты. – Да как же он вспомнил про нас, жалких? Да как же он так раскошелился?

- Не имею ни малейшего понятия, – Даник горизонтально рубанул воздух ребром ладони. – Да и разбираться в ваших отношениях с хозяином я не намерен. Меня прислали решить вопрос с терроризирующими вас тварями, и я намерен получить от вас

исчерпывающие сведения, – немного помедлив, мужчина добавил. – Тем более, ёмко выражаться вы умеете.

Староста воткнул вилы в стог сена, которому щекотал бока до того, как пришли охотники, и почесал подбородок.

- Ишь как ветвисто выражаешься, – протянул он, глядя на гостей искоса и исподлобья. – Грамоте, небось, обучался? А, неважно...

Старик с ловкостью юнца перемахнул через каменную изгородь и оказался с охотниками по одну сторону забора.

- Пойдёмте, – он сделал гостям знак следовать за ним. – Не мастер я рассказывать сказки. Но я покажу вам того, кто всё изложит по мельчайшим кусочкам...

Этим былинным рассказчиком оказался местный пастух. При виде этого жалкого паренька с пустым взором и нервными движениями и у Даника, и у его молодого спутника возникли сомнения в ораторских способностях оного.

- Хорошик, – ласково попросил староста, – Расскажи про то, что случилось с тобой на праздник Купалы.

Растрёпанный паренёк вздрогнул, но под тяжёлым взглядом старосты, который весьма странно сочетался с добродушной улыбкой, всё же заговорил.

- Страшные глаза... – выдал он. – Я видел страшные глаза.

Даник развёл руками.

- И-и-и?

- Страшные глаза!

- У этой твари было хоть что-то, кроме страшных глаз?

- Оно было чёрным! – добавил пастух Хорошик с таким заговорческим видом, будто сообщал охотникам страшную тайну.

- Надеюсь, – хмыкнул молодой охотник, – что он не пытался прочитать тебе балладу или угнать коня.

Даник сунул ученику под нос огромный кулак, после чего вновь повернулся к пастуху и кивнул, мол, продолжай.

- Зубищи – во! Когтищи – во! – продолжал рассказывать пастух, показывая размеры достоинств чудища буквально на пальцах. – Шерсть – грязная, чёрная. И глаза! Красные, страшные глаза!

- Ясно, – кивнул Даник, хотя его молодому напарнику мало что было ясно. – Покажи, где это произошло.

Мужчина протянул пастуху ладонь, чтобы буквально за руку отвести Хорошика к месту нападения, но тот пришёл в неожиданное оживление, забившись в дальний угол своей хибарки.

- Боится он, – пояснил староста. – До мокрых штанов боится. Если бы не Микула, охотник наш, который на ту пору с охоты возвращался да увидел, как чудище Хорошика нашего в лес тащит, сожрали бы его! Ей Богу, сожрали!

Даник вздохнул. Поняв, что с пастушонка спрос невелик, он ухватился за другую нить:

- Как насчёт охотника вашего? Пусть он и покажет.

Микула, низенький коренастый мужик, отвёл охотников за чудищами к месту едва не состоявшейся трагедии. Это был покрытый зелёной травкой луг на границе хвойного и лиственного лесов, аккуратно зажатый деревьями с двух сторон. С третьей его поджимал крутой обрыв.

- Все старые пастбища коровы да-а-авно выели, – сообщил Микула, по-хозяйски засовывая большие пальцы за широкий охотничий ремень. – Вот Хорошик сюда стадо и гнал. Раньше в этой чаще только древорубы пропадали.

- А сам-то ты их видел? – поинтересовался Даник.

- Да не! – махнул рукой рыжий Микула. – Они же видят, что я справа налево могу по три пуда перекидывать, вот и не желают связываться. Это Хорошика чихом напополам переломить можно, вот на него и напали. Зверь никогда не прыгает на того, от кого по соплям получить может. Я охотник, я знаю.

- Давно это было?

Охотник почесал рыжий затылок.

- Да седмицы три тому назад, – протянул он, – может, больше.

- Ясно, – удручённо выдохнул Даник, упирая руки в пояс. – О следах можно забыть. Остаётся только одно, – и его ученик, и Микула, затаив дыхание, ловили каждое его слово, – ловля на живца!

План Даника был прост, как палка: сам он ходит по злополучному лугу меж пригнанных из деревни коров, а Микула с Ваасом сидят в засаде в кустах. Охотник за чудищами даже спрятал свой двуручник, понадеявшись на скромный кинжал, спрятанный под перчатку да на пастуший кнут.

Луна давно уже катилась по небосклону, недовольные ночным выпасом коровы то и дело норовили завалиться спать и спали бы, если бы их всё время не подстёгивал Даник.

Уж как мужчина не старался сделать из себя жертву: и спиной к лесу поворачивался, и ложился вроде как спать возле костра, однако за всю ночь на него никто не позарился, кроме комаров да слепней.

«Ладно, – подумал мужчина, – буду пробовать ещё следующей ночью».

Поднеся пальцы ко рту, Даник засвистел, давая знак своим напарникам покинуть укрытие, и стал ждать. Прошла минута, две, однако из леса никто так и не появился. В утробе бывшего охотника зашевелилось дурное предчувствие.

Вытащив из-под камней свой двуручник, мужчина побежал к укрытию.

Его худшие опасения подтвердились. Кусты, в которых прятались Ваас и Микула, были разворочены в короткой, но яростной борьбе – некоторые были даже вырваны с корнем, это, наверное, кто-то из парней хватался за всё, что под руку попало, когда их тащили в лес.

Украдкой оглядываясь по сторонам, Даник присел над камнем, который покрывала красная липкая субстанция. Обмакнув в неё палец, мужчина растёр жидкость между подушечками большого и указательного пальцев.

«Своя или чужая?»

Единственное, что было хорошего в сложившемся положении, так это то, что, напав на засаду, чудовища сильно наследили. Благодаря этому Даник быстро взял след.

Дорожка из оставленных то тут, то там знаков привела его к большому оврагу, усыпанному большими камнями, почти ущелью. Укрывшись за камнями, Даник видел, как к краю обрыва подходят трое существ: одно налегке, два других тащили людей. Даже с большого расстояния Даник узнал в них Вааса и Микулу. Стараясь, чтобы его не заметили, охотник стал подбираться ближе.

Существо, не обременённое ношей, ловко хватаясь за камни, стало спускаться вниз, на дно ущелья. Его сородич, тащивший короткое тело с рыжей макушкой, подойдя к краю, небрежно сбросил его вниз. Даже если Микула к тому времени был жив, то падение окончательно его убило.

С Ваасом обращались осторожнее. Его спускали по склону вдвоём, удерживая одной рукой и цепляясь за камни оставшимися тремя конечностями. Спустившись до самого низа, чудовища скрылись в пещере вместе с добычей.

Даник покинул укрытие, когда понял, что горизонт чист. Он был не так хорош в скалолазании, как те, на кого он собирался охотиться, поэтому спуск занял у него куда больше времени, полного страха сорваться и упасть.

Оказавшись внизу, мужчина вошёл в пещеру не сразу. Сначала он долго сидел в засаде у входа, приучая глаза к темноте и надеясь, что кто-то из чудовищ покинет убежище, и тогда его можно будет потихому прирезать, сократив тем самым количество противников.

Однако за час сидения никто из чудовищ так и не высунул носу наружу. За это время глаза Даника стали видеть в темноте почти так же хорошо, как и на свету, поэтому он, покинув укрытие, стал красться внутрь.

Услышав в подземельях глухой крик, он стал двигаться в ту сторону. Мужчина понимал, что в подземельях звук может перевернуться не единожды, однако то был последний шанс выручить ученика.

Вскоре Даник попал в длинную узкую пещеру, больше напоминавшую скотобойню. Под потолком висели разделанные и подвешенные за ноги тела пропавших грибников, охотников и странствующих торговцев.

Спутники Даника нашлись в дальнем углу. Микула висел вниз головой, голый. Монстры превратили его живот в сплошную рваную рану, из которой ручьями стекала кровь и капала в подставленную под тело миску.

Ваас ещё был жив. Лохматый человек ковырял его плоть длинными, словно у зверя, когтями и жадно лакал выступающую из ранок кровь. Парень дико кричал и извивался, но путы были слишком крепки.

Учителя он, к счастью, не видел – Даника закрывала собой туша волосатого кровососа. Заметь молодой наставника, непременно бы выдал его местоположение.

Подкравшись сзади, Даник взмахнул двуручником и одним ударом срубил чудищу косматую башку. Вторым ударом мужчина перерубил удерживающую пленника под потолком верёвку.

Парень упал на холодный камень. Он плакал и стонал от боли, в то же время ему было стыдно находиться в таком жалком положении перед более опытным товарищем. Ваас поднял мокрые от слёз глаза на Даника.

К мужчине подкрадывался монстр.

Ваас хотел что-то крикнуть, предупредить учителя, но не успел. Даник в развороте сделал широкий рубящий выпад, рассёкший плоть кровососа и поваливший его на пол. Пользуясь тактическим успехом, мужчина придавил его грудь сапогом и взмахом отсёк голову.

- Й... й... я дрался, честно! – воскликнул парнишка, когда Даник навёл на него суровый взгляд. – Их было четверо! Они Микулу сразу же головой об камень приложили! А я даже меч схватить не успел! Что я мог голыми руками, если у них силища?..

- Тише будь, – суровый взгляд охотника заставил мальчика замолкнуть. Запустив руку под широкий раструб перчатки, Даник извлёк оттуда кинжал и протянул Ваасу. – Кровососы сюда нагрянут как пить дать, а так хоть от тебя какой-то прок будет.

И верно, у входа в пещеру Даник заметил мелькнувшую тень. Похоже, что третий упырь, увидев двух обезглавленных сородичей, решил не лезть на рожон в одиночку и побежал за подкреплением.

Даника такой расклад несколько не волновал. Вместо этого он запустил руку в рану на шее поверженного противника и стал мазать раненого ученика его кровью.

- Ты истекаешь кровью, – приговаривал Даник. – Это для того, чтобы сбить запах.

Охотники бросились к выходу из пещеры. Для босого Вааса бежать по каменному полу, то и дело наступая на мелкие острые камешки, было очень тяжело, но парень бежал, стиснув зубы, чтобы не выдать себя и наставника вскриком.

Их окружили у самого входа. Трое кровососов встали у выхода, тогда как ещё пятеро шли за людьми по пятам. Даник не стал тормозить и переходить в оборону, что было смерти подобно. Вместо это он, не снижая скорости, насадил вставшего у него на пути кровососа на меч и, используя двурчунник, как рычаг, поставил чудовище на пути его же сородичей. Возникли толкотня и давка, давшие молодому охотнику время, ойкая от боли, проскакать по камням и запрыгнуть на склон.

Даник остался один против восьмерых кровососов, и хотя один из них был серьёзно ранен, он всё ещё оставался в строю. Упыри шли на охотника, выстроившись полукругом, причём самые крайние особи всё дальше отходили от общей формации, намереваясь зайти охотнику со спины. Даник всякий раз взмахивал мечом, и кровососы в испуге возвращались в строй.

Держа врагов на максимально возможном расстоянии, Даник потихоньку отступал. Конечно, путей для отступления у него не было: он находился в каменном мешке, и единственный выход — это карабкаться по отвесным стенам. А в скалолазании кровососы превосходили его наголову.

Краем глаза Даник взглянул на своего молодого помощника. Тот был уже на самом верху, и теперь всеми силами наваливался на примостившийся у края камень. Если такой упадёт...

Даник бросился в безрассудную атаку, надеясь отогнать или заманить кровососов под будущий обвал. Беда была в том, что он не мог знать, когда он случится, да и хватит ли у помощника сил, чтобы столкнуть камень. Тем не менее, у мужчины был только один путь — драться. Попадать живым в лапы кровососов он не был намерен.

Первый же взмах двуручника укоротил чудище на руку. Взыв и прижав обрубок к груди, упырь отскочил назад, давая сородичам дорогу. Вместе они оттеснили человека к стене.

Даник собрал силы для последнего рывка. Схватив ближайшего кровососа за патлатую гриву, он притянул его к себе и поставил на колени пинком под коленный сгиб, после чего перекувыркнулся через чудовище с ловкостью балаганного акробата. Теперь возле стены оказались кровососы.

Сверху всё затрещало-закряхтело. Огромный валун перевернулся на другой бок и рухнул вниз по склону, увлекая за собой камни поменьше. Начался обвал.

Кровососы было в панике бросились прочь, но Даник, махая двуручником, срубал головы то одному, то другому, кого не успело придавить.

Последнее чудище обезглавленным рухнуло наземь. Следом за ним упал и Даник. Мужчина тяжело дышал, пот градом катился по покрасневшему лицу. Волосы слиплись. Устало подняв руку над головой, Даник показал ученику поднятый вверх большой палец.

Прошло несколько дней с той бойни в каменном мешке. Даник с помощью уговоров и прямых угроз заставил местных жителей запрудить пробегавшую мимо реку и затопить зловещую каменоломню. Если какой-то кровосос и сумел пережить бойню, то он уже либо утонул, либо давным-давно сбежал.

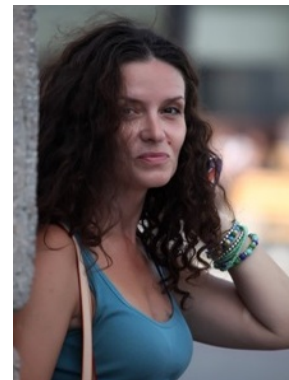
С молодым помощником Даника всё оказалось сложнее. Короткий плен возымел для него неожиданно тяжёлые последствия. На второй день его охватил жар, и парень слёг в постель. Даник оставил его на попечение хозяина постоянного двора, а сам отправился в город за лекарем.

Когда он вернулся, постоянный двор опустел. Здание выглядело заброшенным, а в пустынных комнатах обнаружился изорванный труп хозяина. Молодого охотника нигде не было...

Елена Данилова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры Медико-биологических основ физической культуры и оздоровительных технологий ИФКСиТ СФУ. Преподает ряд предметов, связанных со здоровым образом жизни и оздоровительными тренировками. В числе любимых занятий – взять рюкзак, купить билет и поехать туда, где никто не ждет. Погулять по новым местам, посмотреть в новое небо, окунуться в новую реку, море или океан.

Путевые заметки

Берег турецкий. Знакомство

Для многих наших соотечественников Турция давно стала еще одной республикой СНГ, куда запросто летают на выходные или праздники. Я же открыла ее для себя совсем недавно – неожиданно и внепланово. Собиралась поначалу в другую страну и наметила вполне конкретное направление для летнего отдыха. Но случились длинные майские праздники, и о том, чтобы провести их в холодном сером городе, даже думать было жутко. Работа с большим количеством людей, пусть очень молодых и интересных, имеет свойство утомлять. И, прислушавшись к своему состоянию, я поняла, чего хочу: лежать под солнышком, время от времени есть, спать, окунаться в теплую водичку и ни о чем не думать. В общем, почувствовать себя овощем.

Нашла в предложениях популярного туроператора отель, о котором очень тепло отзывался мой коллега, и решила: начало этого мая я проведу на берегу Средиземного моря.

Первое впечатление

Первое удивление – процедура паспортного контроля в аэропорту. Дама пограничница заглянула в мой паспорт, поставила туда круглую печать – и все. Иди на все четыре стороны! Дополнили состояние нереальности повсеместные надписи на русском языке и реклама «Сбербанка» возле сектора выдачи багажа.

Первое впечатление – наш Кавказ, только очень ухоженный!

Первая радость – с балкона видно море. Просто улица кончается и начинается сияющая голубизна. Или это уже там небо?

Первая экзотика – жилой дом напротив, с кафе и магазинчиками на первом этаже. На балконах по вечерам местные жители собираются

для семейных чаепитий, а на крыше – солнечные батареи и бочки для нагрева воды (они у всех здешних домов на крышах установлены). Бензин тут вдвое дороже, чем у нас, потому как он наш и есть – привозной из России. Зато в регионе около 300 солнечных дней, в начале мая средняя температура днем около +30, и грех не использовать дармовую энергию. На углу улицы – мечеть, с минарета которой пять раз в сутки очень приятно и мелодично приглашают к молитве. Из-за заборов плывет аромат жасмина, особенно сильный в сумерки. Характерная черта городского пейзажа – вокруг большинства фонарных столбов и пальм высажены плющи, бугенвиллии и другие вьющиеся растения. Стоит такая мохнатая облиственная колонна, вся в цвету, а на верхушке – пучок перистых листьев или лампочка.

Первый день

Время отличается от нашего на пять часов, поэтому проснулась очень рано. Устроилась на балконе наблюдать, как просыпается квартал. На тротуарах еще лежит тень. Море вдали перламутрово светится. Бочки на крышах встречают солнышко. Маленькие грузовички развозят хлеб по отелям, магазинам и кафе. Тарахтят мотоциклы и скутеры, доставляя хозяев на работу.

Дальше был хамам. Тепло, мыльно, масляно, мягко и приятно. С розовой водой и гранатовым чаем.

После – пляж. Оливкового масла, которым в изобилии умастили кожу в хамаме, для безопасного загара оказалось явно недостаточно.

Вечерний квартал. Обошла его вокруг, заглянула в сувенирные лавки. Удивилась, как торговцы безошибочно определяют русскую. Позднее поняла, как: кроме русских из интуристов тут сейчас одни немцы, а на немку я совсем не похожа. За углом чуть дальше мечети нашла магазинчик, где все цены в лирах, и удивилась – литр сока и «полторашка» воды обошлись мне примерно в 45 рублей в пересчете по теперешнему курсу.

Первая экскурсия

Гид: «Привет. Меня зовут Тургай. К концу дня я буду и Туркай, и «Эй, как там тебя зовут...».

Одна из главных достопримечательностей Аланьи – пещера Дамла-Таш рядом с пляжем Клеопатры. Осязаемо густой воздух, наполненный целебными солевыми испарениями. Пребывание в атмосфере этой пещеры особенно полезно для больных астмой и бронхитом. Сталактиты и сталагмиты всех цветов кирпича. Для удобного осмотра всех уровней пещеры проложены лестницы с перилами и устроена очень хорошая подсветка (фотокамера вполне

справляется без вспышки). На дне пещеры – скамейки. Под ногами – каменная крошка, напоминающая по цвету и размеру чечевицу.

На гору, окруженную крепостной стеной, которую построили еще византийцы, автобус довез нас только до середины. Дальше транспорту дороги нет, поскольку шум мешает местным жителям. Весь склон застроен домами в традиционном стиле. Тут сносить имеющиеся здания и строить новые запрещено. Если хочешь поселиться в историческом районе, то реставрируй старинный дом и живи. Архитектура напоминает распространенную на Кавказе – каменный низ дома, деревянный верх, плоская крыша. Усадьбы утопают в зелени и цветах: инжир и тутовник, эвкалипты и жасмин. Особенно великолепны средиземноморские сосны с иглами, тонкими и мягкими, как у наших кедров, но вдвое длиннее, и с шишками, по форме не отличающимися от сибирских, но по размеру превосходящими их также вдвое.

Из-за жары на самый верх горы не пошли, ограничились осмотром средней части крепости и знаменитой Красной Башни. О памятниках этих написано достаточно много. Хочется сказать только, что саму крепостную стену, виды с нее и из бойниц башни можно рассматривать часами.

Дороги

Сказать, что они очень хороши, значит не сказать ничего. Асфальт гладкий, как шелк. Наверное, поэтому здешние дороги так любимы велосипедистами разных стран. «Лежачие полицейские» довольно часты. Тоннели освещены и снабжены множеством указателей. Вдоль дорог повсеместно – цветущие клумбы, олеандры, финиковые пальмы. Финики поспеют к осени, а с олеандрами связана забавная традиция, о которой рассказал аланийский гид. Растение это, красивое и пышно цветущее, весьма ядовито. И если у какой-то

местной дамы возникает подозрение, что супруг завел себе подружку, то, подавая ему чай, она положит на поднос рядом с чашкой цветущую веточку олеандра. Муж намек поймет и, если есть в чем каяться, примет к сведению.

Куда бы вы ни ехали по Анталье, с одной стороны от дороги всегда будете видеть горы. В несколько рядов, до самого горизонта, высокие и низкие, зеленые и покрытые снегом, главные здесь – они. Горами занята большая часть территории Турции. Тем больше уважения вызывает труд людей, превративших узкую часть каменистой земли между горами и морем в вечноцветущий сад. По обеим сторонам дорог тянутся банановые плантации и виноградники, апельсиновые и гранатовые сады, украшенные в это время года ярчайшими цветами и плодами, дальше в горы – оливковые рощи.

Отдельно хочется сказать о здешних автобусах. Несбыточная мечта для нас. Они идеальны – белоснежные, ухоженные изнутри и снаружи, гладкие и блестящие. В междугородных обязательны кондиционер и мини-бар. Водители всегда в безупречно-белых рубашках, при галстуках, похожи на пилотов авиалайнеров. Принимают оплату (билеты здесь не заведены) и выдают сдачу, как в местной валюте, так и в долларах, и в евро. Остановки объявляются автоматически, а весь путь автобуса показывается на мониторе в салоне, так что проехать свою остановку практически невозможно, даже если не понимаешь по-турецки. И цена в две лиры (напомню, бензин тут привозной, российский) за проезд по городу кажется вполне приемлемой при таком комфорте.

Первая встреча с «руссо туристо»... облик, блин, морали!

Очень скоро поняла тех, кто мечтает о турецких курортах без россиян. На первой же экскурсии в автобус загрузились несколько... экземпляров, которые, икая, уселись сзади и, обдавая соседей густым перегаром, всю дорогу комментировали рассказ гида. В выражениях, естественно, особо не стеснялись. И успевали, знакомясь с местностью, одновременно и затариваться «пивасом», и его же употреблять по ходу следования.

Особенно стыдно за соотечественниц. За тех, которые, когда им подают в ресторане бокал пива (включено ведь!), требуют принести пол-литровую кружку: «Вы тут менталитета нашего не знаете и пить не умеете!». За тех, которые идут с пляжа до отеля целый квартал полуголые, едва заткнув полупрозрачные парео за мокрые купальники, возмущаясь при этом: «Совсем обнаглели турки, к приличным женщинам пристают». За тех, которые, увидев, как в магазине местных мужчин по традиции попускают к кассе без очереди, начинают, не

стесняясь это обсуждать, несмотря на то, что многие здешние турки понимают по-русски: «А мы о своих мужиков ноги вытираем».

Солнце

Подготовилась основательно: средство для загара с хорошим солнцезащитным эффектом, молочко после загара. И не зря, поскольку солнце тут мощное, выходить на улицу, не защитив кожу, опасно. Имела неосторожность прогуляться по улице, не намазавшись кремом, совсем недолго, между 16 и 17 часами – обожгла руки и плечи. Вот как шла навстречу солнышку по бульвару вдоль моря, так все, что к этому солнышку было обращено, стало клубнично-розового цвета. Спасалась средством после загара (кстати, оказалось очень эффективным, могу порекомендовать). Становится понятным, что стиль местных дам – полностью закрытое одеждой тело, покрытая платком голова – не только дань традициям, но и необходимая мера безопасности.

Песок по ожогоопасности не уступает солнышку. Босиком сделать по пляжу больше 2-3 шагов – все равно, что по раскаленной сковородке. Теперь знаю, что волдыри бывают и на ступнях...

Город

Символ, знак, бренд Аланьи – это, конечно, византийская крепость и знаменитая Красная Башня, охранявшая во времена Восточной Римской империи вход в гавань. Но, как говорят местные знатоки истории, взята была крепость подошедшими турками под начальством Алааддина Кейкубата без единого выстрела с помощью военной хитрости. Сам полководец дал свое имя городу. Современное Аланья – искаженное Алайе, то есть «место Алааддина». Историческое имя города и сейчас можно встретить в названиях прогулочных яхт, отелей и магазинов.

Яхты тут – отдельная тема, которую нельзя пропустить, рассказывая о городе. Поскольку порт долгое время был настоящим пиратским гнездом, тема аланийских пиратов популярна и активно эксплуатируется. У причала вы увидите множество разнокалиберных яхт, стилизованных под старинные пиратские корабли. Тут и «Веселый Роджер», и «Викинг», и «Пираты Аланьи». Старое дерево, цепи, канаты, паруса... И все это на дизельном ходу: зарифленные паруса – не более, чем декорация для привлечения туристов. Привлечения весьма успешного, редко кто минует соблазна морской прогулки. Постоянно кто-то из «пиратов» отчаливает или входит в порт. А ночью стоящие у причала корабли освещаются разноцветными огнями, как правило, красно-сине-зеленой гаммы, особенно зловеще-привлекательными на фоне черных парусов со скрещенными костями.

Турция – едем дальше

Шопинг – без него никак

Ну и без «честного отъема денег» у туристов – тоже. В крупных сувенирных магазинах цены завышены многократно. Пример: в туристическом торговом центре пачка турецкого кофе стоит 10 \$, в местном магазинчике, расположенном в жилом квартале, такая же – 4,5 TL, т.е. ≈ 3 \$. Вы бы где купили?

Верный признак адекватных цен – скопление в магазине местных жителей. Если не хотите переплачивать, то покупайте там же, где это делают аборигены. И обязательно торговаться на рынке! Рассматривайте приглянувшийся товар, спрашивайте, сколько за него хотят, и смело называйте цену раза в 2-3 ниже. Продавец в ответ предложит свою, уже меньше первоначальной. Примерно посередине между этими двумя величинами и будет оптимальная цена, к которой нужно стремиться. Но если продавец согласился с вашей ценой, то надо покупать обязательно, иначе обидите. Раз-другой поторгуетесь и начнете получать удовольствие, как от результата, так и от процесса, на пару с продавцом. При этом вас угостят чаем или кофе, вежливо поинтересуются, откуда вы прибыли и надолго ли, а на прощание скажут, как приятно было с вами общаться. Владелец одной из многочисленных лавок сувениров, показывая мне товар, сказал: «Ты на цены не смотри, они – для тех, кто торговаться стесняется. Выбирай, что хочешь, а о скидке договоримся. Тебе понравится».

Что отсюда везут?

Конечно, турецкий кофе (он тут очень мелкого помола, можно в чашке заваривать), а также фруктовый чай, и к ним – традиционные сладости. А если уж приобрели чай, то к нему желательно обзавестись и традиционными стаканами для турецкого чаепития, в которых, благодаря их форме, сверху чай остывает быстро, а внизу дольше

сохраняет высокую температуру. Еще вкусны местные оливки, имеющие чуть более острый вкус, чем привычные нам испанские. Вполне приемлемые цены в магазинах на одежду и домашний текстиль. На базаре – дешевле. За мужские шорты в модную крупную клетку просят 5 €. Также неплохой выбор мехов, кожи, ювелирных изделий. Всего не перечислишь, и это при том, что Аланья не входит в число основных шопинговых центров Турции.

Местное население

Отношение к россиянам очень доброжелательное. А сибиряки тут в некотором роде экзотика. В регионе, где зимой самые сильные «морозы» достигают аж ноля градусов, люди, полжизни проживающие при минусовых температурах, вызывают искренний интерес.

Слухи о курортных приставалах, не дающих прохода «приличным девушкам», объясняются просто. Вызвано такое поведение местных мужчин тем фактом, что они очень четко знают, что такое женщина и для чего она нужна. Первым делом турок постарается определить национальность и социальный статус иностранки, привлечшей его внимание, понять, одна ли она здесь, замужем ли, есть ли дети. Не поймет с первого взгляда – спросит (в курортной зоне по-русски говорит каждый второй-третий). И дальше будет действовать по обстоятельствам. К искательнице приключений отношение одно, к матери семейства, вывезшей детишек на теплое море, пока муж работает, обеспечивая семью, – совсем другое. Правда, если замужняя туристка отправилась на прогулку, заголив все мыслимые части тела, откровенных приглашений ей не избежать. Горячие южные мужчины ведь все правильно понимают...

Молодежь очень контактна. Не найти себе в городе компанию для посещения ночной дискотеки – ну о-о-очень постараться надо.

Неработающие замужние дамы одеты, как правило, традиционно – длинное платье или закрытая кофточка и шаровары, плюс обязательный платок. Кстати, при здешнем палящем солнце это оптимальный стиль. Молоденькие девушки, посещающие развлекательные заведения по вечерам, выглядят вполне по-европейски: мини-юбки, каблуки, яркий макияж.

Интересно, откуда берутся разговоры о том, что привлекательных женщин в Турции гораздо меньше, чем интересных мужчин? Однажды рядом на пляже две такие красавицы плескались, болтая по-турецки и друг друга фотографируя в прибое. Просто кинозвезды, в купальниках, более открытых, чем мой.

Забавный факт: в последние дни своего пребывания в Аланье обнаружила, что местные все чаще обращаются ко мне на турецком языке.

Джума-базар

Случайно свернула за угол одного из популярных магазинов в центре Аланьи и мгновенно попала в детство, на родной Кавказ. Базар! Не скучный серый рынок, а настоящий южный базар! Лоснящиеся фиолетовые бока баклажанов, помидоры всех цветов и размеров, целые снопы всевозможной зелени, части которой даже названия не знаю, горки морковного цвета мушмулы – ей сейчас самый сезон, сиропно пахнущая клубника. В соседнем ряду серьезные деды помидорной рассадой торгуют (для полного сходства с нашими горцами не хватает только кепок-аэродромов). И над всем этим плывет дух вареной кукурузы из больших алюминиевых кастрюль.

На следующий день захотела повторить путешествие в детство, свернула за тот же угол – нет базара. Вернее, кофейни, лавки с сувенирами и сладостями никуда не делись, а фрукты-овощи-кукуруза исчезли вместе с той чудной атмосферой. Узнала позже, что в разные дни недели этот базар в разных частях города собирается. Тут – по пятницам.

Впечатления

Конечно, водопад на реке Куршунлу!

Вроде обычная небольшая речка с зеленой водой, каких множество течет к морю в этой части Турции. Ноходишь в ворота национального парка, проходишь пару сотен метров вниз по вымощенной досками дорожке... И начинается сказка – река убыстряет свое течение, первый уступ, второй, а дальше – целый каскад водопадов с бирюзовыми запрудами, с висящей в воздухе тончайшей водяной пылью, с жемчужными брызгами и радугой, играющей между ними. Проходишь дальше вдоль изгиба течения и оказываешься внутри скалы, под водопадом. Так удивительно не просто слышать шум воды и ощущать на лице ее дыхание, но и чувствовать сам пульс скалы, несущей весь этот поток. Именно здесь загадывают желания и просят о счастье. Гроты внутри водопада, ближе к течению, поросли мхом и папоротниками, а глубже, под скалой, хранят рельефные узоры, оставленные водой на стенах и дне пещеры.

Стоит добавить, что все это великолепие заботливо благоустроено, везде установлены скамейки и ограждения, вывешены таблички, предупреждающие об опасности, так как камни здесь очень скользкие. Выше водопада разбит сад для отдыхающих, работают кафе и магазины сувениров. Местные жители любят приходить сюда с семьями. Одно из тех мест в восточной части Турции, которые обязательно нужно посетить.

Елена Епишина

Выпускница Кемеровского музыкального училища по классу фортепиано.

Елена Евгеньевна не пала духом, когда её атаковала приведшая к ограниченности в передвижении и инвалидности жестокая болезнь. Будучи личностью с ярко выраженным творческим началом, Елена начала писать замечательные стихи, которые подкупают своей пронзительностью, искренностью, они гармоничны, душевны и светлы.

За тучу спряталась луна,
А от кого – не знаю,
Я сижу совсем одна
И слезы горькие глотаю.

Вдруг навалилася тоска, сидит,
Вцепилась прямо в душу.
И так противно всё нудит
И что-то шепчет в уши.

Я даже слушать не желаю,
О чем она там говорит.
Я о себе сама всё знаю,
И сердце без неё болит.

Болит о том, что не успела
Иль не смогла, не захотела.
Могла другую жизнь прожить.
Да что теперь уж ворошить!

Что сделано, уж не исправишь,
Что прожито, уж не вернёшь.
Вся жизнь из черно-белых клавиш,
Тональность только не поймёшь.

Детское

Я сегодня не играю, за природой наблюдаю,
Я на лавочке сижу и вокруг себя гляжу.
Пробивается трава (её не было вчера),
На деревьях пухнут почки, видны клейкие листочки.
Прилетели воробьи и купаются в пыли.
Это нам, что пыль – то грязь, ну, а птичкам в самый раз!

Толстый голубь прилетел, тяжело на землю сел,
Что-то вяло поклевал, ну, и дальше пошагал.
Строго глазом поморгал, воробьев всех распугал.

Эти серые создания в кустах устроили собрание,
И громко спорили о том, кто быстрее построит дом.
Торчит солома из щелей, и это дом для их детей?!

Ну, вот и солнышко пригрело. Сидеть так долго надоело.
Пойду-ка я к себе домой играть с братишкой и сестрой.

Ожидание весны

Распахните-ка окна пошире,
Запустите скорее весну!
Освежите свой воздух в квартире,
Что всю зиму клонил вас ко сну.

Станет легче теперь просыпаться
И с улыбкой вставать по утрам.
Будем лета теперь дожидаться,
А за окнами – птичий шум-гам.

Снегири ещё скачут по веткам,
Свиристели всё также свистят.
Только с клёнов, срываясь от ветра,
Парашютики дружно летят.

Опустившись на слой ноздреватого снега,
Терпеливо дождутся поры,
Когда землю накроет весенняя нега,
Из зелёных ростков нам подарят ковры.

Весна

Весна приходит так внезапно,
Хотя её всю зиму ждёшь.
Стал воздух пряным, ароматным,
И ты его, как воду, пьёшь.

Понять это совсем нетрудно,
Откуда терпкость появилась.
Так это просто нынче утром
Черёмуха вдруг распустилась.

За ней и яблони зарделись
Румянцем, словно от стыда.
Ах, эта скромность, эта прелесть,
Что восхищает нас всегда!

Гимн весне

О, Господи! Тебя благодарю
За то, что наслаждаюсь звонкой тишиною,
Которую безумно я люблю.
Такая тишина бывает лишь весною.

Прозрачен воздух, ясны дали,
И легкой кажется дорога.
И мысли о плохом совсем отпали,
И сердце замирает от восторга.

Безбрежна неба синева,
Песнь жаворонка слух ласкает.
Ах, как кружится голова,
И сердце сладко поднывает.

Дыши смелей, встречай рассветы
И не стесняйся наготы,
Ведь просто жарким, знойным летом
Не будет этой чистоты!

Владимир Зайцев

Выпускник Красноярского техникума социальных технологий. Постоянный участник заседаний «Высокого берега».

Как познать самого себя?
Как сдружиться с собственным «я»?

Как на «тот самый» путь прийти?
Как потом с него не сойти?

Где упереться, а где отступить?
Где запомнить, а где забыть?

Как понять, что нам нужно сейчас?
Как понять, кто же важен для нас?

Как понять, где есть правда, а где есть ложь?
Не на каждый вопрос ответ ты найдешь.

Слушай сердце свое: лишь оно даст ответ.
Ну, а жизнь даст понять: право сердце иль нет.

Дмитрий Ивакин

Выпускник Политехнического института СФУ

Надо мной лишь небо.
Подо мной лишь бездна.
Я иду по миру,
Рассуждаю трезво.

Я иду по стали,
Расправляя крылья.
Душу потерял я,
Сердце позабыл я.

Надо мной лишь тучи,
Подо мной лишь пропасть.
Я иду по углям,
Облаченный в гордость.

Я иду по крови,
Возвращая память.
Я ищу ответы,
Разжигая пламя!

Дыхание весны я чувствую всем телом.
Дыхание весны – дожди, ручьи, цветы.
Дыхание весны, как ветерок несмелый.
Дыхание весны – слышны в нем я и ты.

Дыхание весны – так дышит мир прекрасный.
Дыхание весны, как музыка богов.
Дыхание весны – мечты, былины, сказки.
Дыхание весны и аромат цветов...

Притчи

Три вопроса

Отец повёл сына на проповедь в церковь. На выходе сын спросил у отца:

- Папа, как мы попали в рабство?

Промолчал отец, помрачнел. Тогда сын задал второй вопрос:

- Папа, кого ты больше любишь – меня или бога?

Опять промолчал отец. Нахмурился. Тогда сын задал третий вопрос:

- Папа, если бог прикажет тебе убить меня, ты это сделаешь?

Вновь промолчал отец. Схватил сына за руку и домой повёл. А ночью церковь сгорела. Утром сын подошёл к отцу и сказал:

- Папа, бог приказал мне сжечь церковь, и я выполнил его приказ.

Закричал отец, ногами затопал:

- Врешь ты все, не мог тебе бог такое приказать!

- Почему? Удивился сын. Он же всемогущий! Почему ты веришь тому, что дядька в церкви говорил, а мне не веришь?

- Он говорил то, что в священной книге написано!

Закричал отец. Сын убежал в свою комнату и вернулся с томом библии.

- Смотри, папа, вот тут написано.

И увидел отец надпись шариковой ручкой на первой странице поверх текста: «Господь приказал Вове сжечь церковь и послушался Вова Господа».

Устроился мужик на работу. Бригадиром на завод. С директором поговорил, с бригадой познакомился и все вроде хорошо. Но через месяц оказалось, что зама по тех части он слушать отказывается и всю бригаду подговорил, чтоб на зама плевали. Говорит, мол, я лучше знаю что и как! Зам пошёл к директору, мол, так и так, новый бригадир отказывается инструкции и приказы мои выполнять.

Пригласил директор бригадира, чтоб разобраться, а тот и заявляет: «Зачем вам этот зам нужен вообще? Без него разберёмся!».

Директор на него посмотрел и говорит: «Мы и без тебя разберёмся». И уволил его вместе со всей бригадой.

А мораль простая – не плюй вверх, чтобы оплеванным не оказаться.

Кристина Карагулян

Студентка 3 курса исторического факультета ГИ СФУ.

«Я считаю, что поэзия придает романтику обыденным вещам, подчеркивает мораль жизненных ситуаций. Она учит тонко чувствовать и видеть то, что недоступно обычному взору».

К морю

*Печаль намного больше моря,
Но лишь оно сумеет ее успокоить.*

*Мне помнится алый закат,
Волны, что близко так норовят
Коснуться души, смыть тоску и тревоги.
Отчего же теперь мы, стихия, далеки?*

*Батумский брег, ты мне милее вся и всех!
Тот вечер в памяти моей останется навек.
Мне бы вновь тебя увидеть, посмотреть бы на закат,
И тогда, быть может, кончится мой ад!*

*Море, знаю, ты меня излечишь,
Затянешь раны в узелки,
Но от тебя я так далече
Вновь уеду, уж прости.*

*Навсегда прикована к Родине чужой,
Так пусть моя родная Родина будет мне душой.*

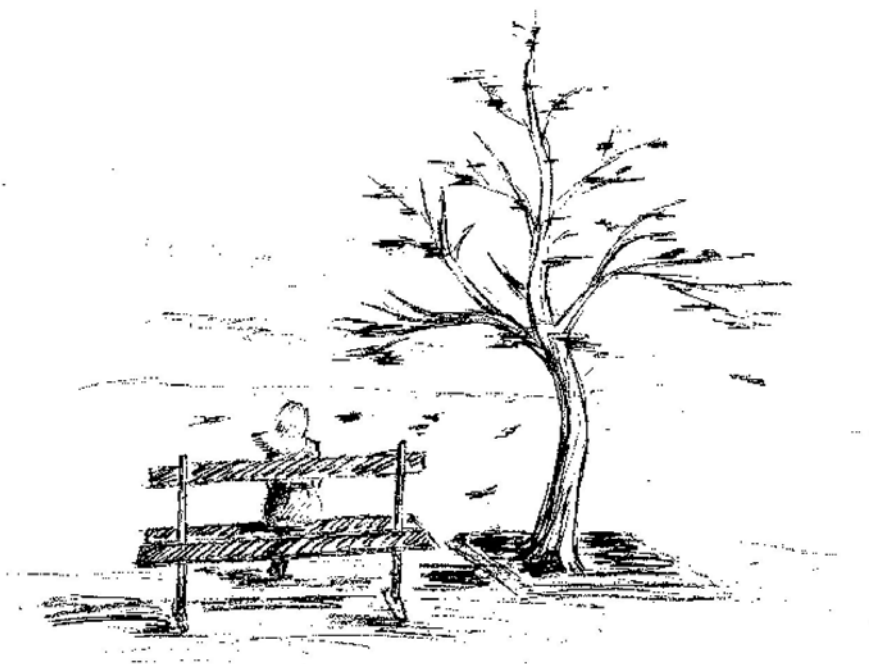
К осени

Ну, здравствуй, моя золотая!
Я ждала тебя целый год.
Ты бываешь короткая, злая,
Но с тобой мое сердце живет.

На деревьях листья, играя,
Мне грустную песню поют,
Я сижу на скамейке, гадая,
Где же искать мне приют?

Вечерами, бывает, страдая,
Брожу в отраженьях окон,
О чем-то подолгу мечтая,
Желая найти свой Тулон.

Подолгу гадая под небом
Я вижу, что будет рассвет
И, чувствуя холод и негу,
Я жду свой счастливый билет...

Полина Качалина

Выпускница Института экономики, управления и природопользования СФУ. Вдохновляется путешествиями, новыми местами и новыми знакомствами.

«Сейчас пробую себя в работе по специальности, занимаюсь танцами, по-прежнему люблю творчество во всех его проявлениях. Чем старше становишься – тем сложнее найти в жизни место для спокойного вдохновения и написания стихов. Но я стараюсь :)»

В Полине проснулось ночное вдохновение,
Достаточно редкий гость в последний год,
Я бы даже сказала – чудное явление...
Не ожидала, что оно вообще снова придёт.

Снова мысли сплетаются кружевом ровным,
Будто бусины, я собираю на нить.
За окном первый дождь барабанит по стёклам.
Город спит. А моё вдохновение не спит.

Мои мысли куда-то опять улетают
Сквозь пространство и время, сквозь жизни и смерть.
Я не логик – мечтатель. Глаза закрываю
И картинки смотрю: было, будет и есть.

И вы знаете, этот момент, он – прекрасен.
Строчки выются в моей полусонной душе...
На соседней подушке сопит моё счастье...
Обниму-ка его – спать пора бы уже.

Я ровно через реку от тебя,
Через небесно-синюю границу.
Ах, если б только я была не я!
Была бы белокрылой, лёгкой птицей...
Я прямо через реку – до тебя.

Я ровно через небо от мечты.
Я здесь, в земле. Она – за облаками.
Ах, если б только был бы ты не ты,
И мы решать судьбу могли бы сами...
Я сразу через небо до мечты.

Я ровно через море от огня.
Моя душа горит за этим морем,
Но ты лишь ты, а я всего лишь я,
И мы над бездной хрупкий мостик строим...
До самого горячего огня.

Мне снился сон – неясный, чёрно-белый.
В нём, стопку лет легко перешагнув,
Я прихожу в далёкий сорок первый,
Ещё не знавший взрывов или пуль.

Кружусь в задорном, резвом школьном вальсе –
Цветочных юбок яркий ураган!
Но сжалось сердце – что же будет дальше?!
Застлал глаза предчувствия туман.

Вдруг! Словно бомба разорвалась рядом!
Поникли платья, смолк счастливый смех,
И мы стоим – как деревца под градом,
И бьётся сердце, общее на всех.

Четыре долгих и тяжёлых года!
Четыре года крови, слёз войны.
Не все друзья вернутся из походов!
Не доживут до будущей весны.

Я, как щенок, заглядывала в лица,
Сквозь семь десятков между нами лет...
И в каждом взгляде видела я птицу,
В отчаяньи летящую на свет.

Четыре долгих и тяжёлых года!
Один сгорел – не смог покинуть танк,
Другой погиб, сражаясь на болотах,
А третий был застрелен – словно враг.

А этот худенький, растрепанный мальчишка,
Вперёд рванул, держа снаряд взрывной,
А девочка – взгляд робкий, словно мышка, –
Она под пытками не дрогнула душой.

И я стою – стою среди героев!
И льются слёзы, где-то в горле – пульс,
И слышу я: «Не бойся, мы прикроем!».
И вся страна, как эхом: «Не боюсь!».

Проснулась резко. Мокрая подушка.
В ушах, как вата, ночи тишина.
Не слышны свист снарядов, залпы пушек...
Я вспоминаю – кончилась война!

Я подхожу к окна открытой раме,
Там город мирно и спокойно спит...
Войны герои! Каждый благодарен
За то, что вы смогли нас защитить!

За то, что родились, за то, что живы,
За то, что танцевали мирный вальс,
За то, что лишь во сне мы слышим взрывы,
За жизни, что вы отдали за нас!

Каждый мой январь характерен
Одним и тем же —
Я сижу в своих четырёх стенах,
А все мысли мои...
О Сене? О Темзе?
Нет, они о Неве.
О лужах в моих ногах.

О свинцово-тяжёлом,
Но чистом небе.
О гранитном стане моей души.
Не суди меня, коли ты там не был,
Не суди мои сны
И мои мечты.

Не суди меня за холодных сфинксов,
И за шёпот в холод горячих губ.
Я хочу отдаваться
Прспектам,
Крышам.
Не суди меня, коли ты не слышал
Его сердца протяжно-зовущий гул.

Я сама не дала себе шанс влюбиться
В этот город вживую
И каждый день
Я могла уйти —
Не могла остаться,
Но придёт и моё время возвращаться
В этих парков
Солёно-холодную тень.

Темные силуэты разлапистых сосен
Утонули в тумане молочном и плотном,
Что спускается с сопок,
Затянутых мглою...
А вдали, ярко-красным пронзительным светом
Всем, кто в небе, мерцает сигнальный фонарь.

Если тебе опостылела
Череда одноликих будней,
Если вдруг в твоих жилах
Кровь не течёт – кипит! –

Значит, готов, дружище,
В путь ты пуститься трудный,
Значит, готов учиться
Не выживать, а жить.

Горы, и только горы –
Вот твой учитель лучший.
Знаешь, легко в ученье,
Но тяжело в бою.

Здесь не пройдёт такого,
Шаг не сбавляй, и слушай
Песни, что на вершинах
Ветры тебе поют.

Вновь в радиальный выйдем,
И перевал вновь ляжет.
Ноги сведет усталость,
Сердца ускорен стук.

Горы и только горы
Мир наш тебе покажут,
Будь же готов увидеть
Весь его, милый друг!

Небо спит

Звезды спят под пушистым небес одеялом,
Что роняет на землю по капельке дождик,
И в росу облачает уснувшие травы,
Так отчаянно ждущие солнца лучей.
И внутри этой всей нескончаемой жизни
Под затянутым небом и в облачной мгле
Только двое не спят, прижимаясь друг к другу
И вдыхая друг друга,
Как тонущий – воздух,
И руками сплетаясь, и будто не зная,
Что сегодня для них – это рай на земле.

Пальцы слушаются плохо –
Занемели,
И мороз бредет по венам –
Прямо в сердце.
В нашем крае вновь зима –
Метут метели.
И желания похожи –
Спать и греться.

Забираться в мягкий плед
И, с кружкой чая,
Различая на стекле картины мира,
Осознать, насколько сильно мы скучаем
По тем дням,
Где каждый миг был очень длинным.

Лично я так сильно скучаю по походам,
Когда лямки оттягивают плечи.
Этот миг, поверь, отлично помню –
Это вечер,
Мы садимся на всю ночь в большой автобус,
Засыпаем ещё в городе огромном,
Где огни (за каждым светом – чьи-то судьбы).

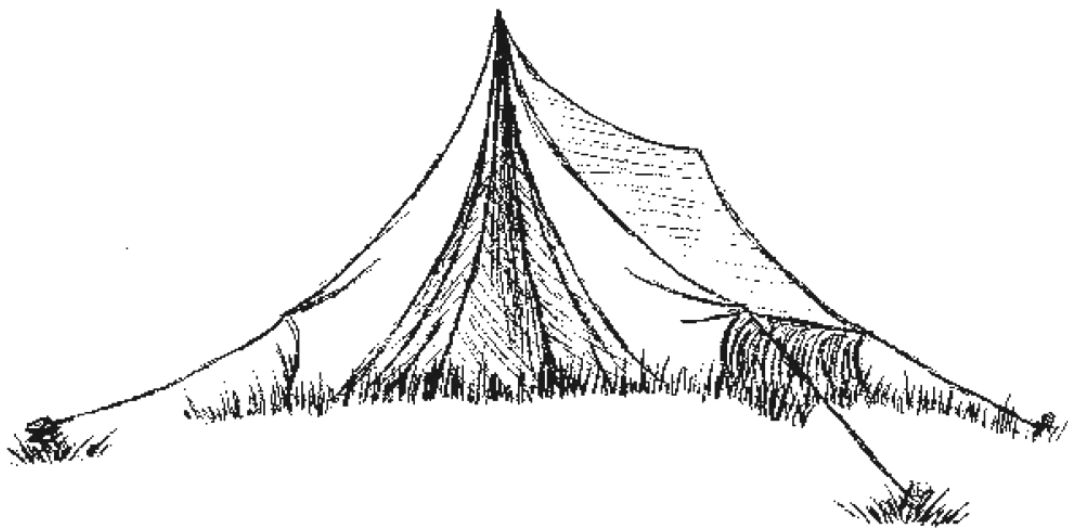
А проснемся мы на лоне природы,
Такой тихой и такой до боли шумной.

Первый шаг всегда даётся очень сложно.
Дальше веселее, проще, легче.
По тропе тебя ведёт дух мягкой хвои,
Поят горные, волнительные реки.

Засыпаешь под огромным звездным небом,
От всех бед сокрыт палатки тканью,
А наутро – вот костёр,
Кипящий чайник.
И – вперед, в места, где раньше не был.

Метр за метром, да по шатким склонам,
Словно зеркала, лежат озёра,
И какое счастье! С перевала этот мир
великий вид откроет!

Так уж повелось – когда тоскливо,
Ноги сами тебя поведут в походы.
И увидишь мир, такой красивый,
При любых превратностях погоды.

Мария Козлова

Студентка Института космических и информационных технологий СФУ.

Маша поет и играет на гитаре, любит отдых на природе и горные лыжи.

Мой дракон

A E
Есть драконы синие, есть драконы красные.
G D A E
Есть драконы страшные и даже опасные.
A E
О драконах очень много ходит сказок и легенд,
G D A E
Я не стала всем им верить – в небылицах правды нет.

Я нашла его в вулкане: тощий, страшный – словно черт!
И, укутав в одеяло, забрала его домой.
Он спалил мне одеяло, сгрыз цветов моих посев,
Но его вид виноватый остудил мой правый гнев.

Припев

A D
Но мой маленький дракон принесет уют в мой дом.
A E
Мой камин воспламенеет, поздний ужин мой согреет.
G A
А потом перед окном, он, блистая чешуей,
Hm(II) A
От ночной стужи укроет под своим большим крылом.
E A
Мой дракон, мой дракон.

Мне не нужен больше кот – у меня дракон живет!
Греет пузо он на солнце, «Kitekat» из миски жрет.
На рассвете он приносит по кило сокровищ мне
И урчит, как кот довольный, растянувшись на окне.

За спиной – огнетушитель, в ведрах по углам – вода.
В чешуе моя обитель – он линяет, как змея!
На прогулке сжег полпарка, лишь чихнув на мотылька,
И вольфрамовый намордник вмиг растекся, как вода...

Припев

Мой «Дракоша» стал огромен, запугал весь городок.
А недавно он принцессу на порог мне приволок.
Потихоньку начинаю в те легенды верить я.
И мне кажется порою: вдруг питомец – это я?

Мои Зимы

Am
Замела метель пути-дороги –
G
Белой пеленой покрыла всё.
Am
Принесла морозы и тревоги,
G
Сердце заморозило моё.

Припев

Am
Время остановилось, и тоска в душе случилась:
F E G
Белая пучина поглотила всё, что рядом было.
Am
Но сердце не остыло – жар огня бежит по жилам!
F E G
Растопить бы эту зиму, что огонь мой остудила...

Am
Белый снег, метет седая вьюга,
G
Сковало льдом моё окно.
Am
А Мороз трескучий за порогом
G
Заморозил радость и прогнал живое всё!

Привет

Hm

Разведу огонь пожарче в печке –
 A G A

Чтоб горели щеки, да заплакало окно!
 Hm

Да возьму углей погорячее:
 A G A

Кину их Морозу в ноги – прочь с Тоской с моей дороги!

Привет

Hm

Время не остановилось, и тоска испарилась.
 G F# A

Белая пучина отпустила всё, что поглотила.
 Hm

Ведь сердце не остыло – жар огня бежит по жилам!
 G F# A

Не смогли, не остудили, прочь ушли с Тоскою Зимы!

Все любят фантики...

Жил-был один пес. Он был беспороден и бездомен. Клоки свалывшейся шерсти висели на грязной темной шкуре, длинные, никогда никем не стриженные когти загибались, а рваные уши и поцарапанная морда пугали людей. Он был уже немолод, зубы его были обломаны, и он сильно хромал. Никто не любил его. Частенько ему доставалось в потасовках с другими бродячими собаками или кошками, люди гнали его прочь, кидая ему во след палки и камни, а иногда даже натравливали своих псов-питомцев.

Но однажды ему посчастливилось познакомиться с мальчиком. Пес лежал под мостом и чуть тихо скулил. Ему в очередной раз сильно досталось от собратьев, и он привычно зализывал укусы. Дождь тоскливо моросил, нагоняя грусть. «Зачем я здесь? Ведь меня никто не любит, никому я не нужен...» – думал пес. Вдруг он услышал тихий свист. Он поднялся и осторожно высунул голову из-под моста. Перед ним стоял маленький мальчик и держал в руках что-то очень вкусно пахнущее. Желание подойти овладело псом, но он испугался, что это очередная людская пакость, и забился глубже под мост.

- Постой, не уходи! Я видел, как тебя покусали собаки сегодня, я принес поесть! – мальчик несмело наклонился под мост, протягивая

сверток. Он боялся большого бродячего пса, но ему так хотелось хоть как-то помочь.

Пес тогда только глубже залез под мост, и мальчик, оставив еду на мосту, ушел. За долгое время это было лучшее, что пес когда-либо ел. Он еще долго облизывался, и его нос не покидал запах лакомства.

Спустя некоторое время мальчик снова повстречался псу и угостил его. Так мальчик стал каждый день приходить к бродяге и кормить его чем-нибудь вкусным. Вскоре пес привык и привязался к нему и впервые за столько лет позволил ему себя погладить. Мальчик души в нем не чаял, несмотря на то, как страшен и грязен был бродяга. Но теперь часто, гуляя с мальчиком, пес обращал внимание на других домашних собак. Они были ухоженные, красивые, сытые. И все любили их, даже злые дворники, не раз гонявшие его метлой, ласково трепали их по голове. «А что, если бы я был так же красив? Может, мальчик любил бы меня еще больше?» – подумал он.

Ночью его разбудило странное щекотание. Серебристый лучик пробежал по его шерсти и исчез.

- Кто здесь? – вскочив, зарычал пес.

- Не бойся, я тебя не трону. Я всего лишь пришел на твой зов, – спокойно ответил голос.

- Зов? Какой зов? Я никого не звал... – пес настороженно всматривался в темноту, ища источник голоса.

- А как же? Ты сегодня подумал стать другим? Так вот, я и пришел помочь.

- Стать другим?

- Ну... Красивым ты стать хотел, чтобы тебя любили и прочее... – лениво ответил голос.

- Хотел... Но ведь я старый и страшный...

- А ты и правда хочешь? – прервал его голос.

- Наверное... И мальчик бы меня тогда стал любить еще больше... – задумался пес.

- Ладно, спи тогда! – серебристая искорка сверкнула под мостом и голос исчез. Пес, недоуменно покрутив головой, снова улегся спать.

Утром пес, как обычно, выполз из-под моста и сладко потянулся. Солнце ласково пригревало его шкуру. Он неторопливо побрел по улицам в поисках завтрака. Он всегда любил лакомиться отбросами за небольшой кафешкой. Придя на этот раз, он уже собирался достать из мусорного бака пакет, как дверь склада заведения открылась и вышел молодой, но сердитый работник, не раз швырявший в него палками, отгоняя от здания. Пес бросился за бак и притаился.

- Опять эта дворняга... О, какой милый пес! Ты, наверное, потерялся? Подожди, я вынесу тебе что-нибудь! – парень бросился в

кафе и вскоре вынес псу миску супа с костями. Он хотел погладить его, но в это время кто-то позвал его из здания.

- Да иду я! – откликнулся парень и, подмигнув псу, юркнул за дверь.

«Странно... Только вчера он огрел меня мусорным пакетом, а сегодня накормил, милым обозвал...» – подумал пес, доедая суп. Он попрятал кости и неторопливо побрел дальше. Его любимым метом была мясная лавка. О, это был просто рай для его воображения. Нежнейшая вырезка красовалась на витрине, гирлянда из колбас останавливала даже самых искушенных гурманов, а аппетитные косточки так и заставляли пускать слюнки. Стоять долго ему там никогда не удавалось – кто-нибудь да обязательно гнал его прочь. Но быть в этом райском месте хотя бы несколько минуточек уже было высшим наслаждением. И вот пес, как всегда, занял свое привычное место и уставился в витрину, пожирая глазами все её содержимое. Спустя некоторое время, как обычно, вышел человек.

«Я уже ухожу», – тихо прорычал пес, вставая со своего места. Но человек на этот раз вышел не прогнать его, а бросить ему несколько лакомых обрезков. Пес, не раздумывая, тут же проглотил их и завилял хвостом.

Пес трусил по парку. Гулявшие там дамочки с детьми при виде пса обычно визжали и требовали прогнать это «мерзкое животное». И потому пес спешил скорее покинуть это место и скрыться в малолюдной части парка на дне оврага. Но на этот раз никто и слова ему сказать не пытался.

- Смотри, какой песик! Давай возьмем его себе! – вскрикнула маленькая девочка, внезапно подбежавшая к нему.

- Ой, и правда, какой красавец! Как тебя зовут? – молодая женщина склонилась над ним и ласково посмотрела в глаза.

«Тут что-то явно не так... Может, я сплю?» – подумал пес и бросился бежать к озеру. Прибежав к воде, он осторожно приблизился к ней и тут же отшатнулся: из отражения на него смотрел... другой пес! Он снова осторожно вытянул морду и отражение повторило за ним. В водной глади отражался молодой красивый пес, с блестящей черной шерстью и большими темными глазами. Его длинные целые уши слегка кудрявились, а шикарный лохматый хвост вытянулся в напряжении. «Это я? Или не я? Такой... красивый... И мои уши... И хвост! Так вот почему меня все любят!» – радостно, как щенок, визжал пес. Он бросился обратно в парк. Но теперь он не сторонился людей, как раньше, а смело ластился к ним, упиваясь их обожанием. Его ласкали, обнимали, играли с ним, а он прыгал, как годовалый щенок. Вечером одна женщина позвала его с собой. Она позволила ему зайти в дом, накормила и постелила мягкую подстилку в углу.

«Вот эта райская жизнь...» – подумал пес, впервые засыпая в тепле, на полный желудок и с улыбкой на губах.

Так он и остался у неё жить. Каждое утро она кормила его и уходила по своим делам, а пес оставался в большом доме с детьми. Целыми днями они тормозили его, а пес довольно урчал. Очень часто женщина приводила других людей посмотреть на него, а иногда брала в странные места, которые называла выставками, где он часами ходил с ней на поводке по небольшой площадке, множество камер фотографировали его, а потом какие-то блестящие штуки вешали на его шею. Все это ему нравилось, пока однажды на выставке старая кошка завистливо не зашипела на него:

- Тебя любят, только пока ты красив! А пройдет время и вышвырнут тебя на улицу, как дворнягу!

Слова старой облезлой кошки задела его. Ему вспомнилось время, когда он жил под мостом, был вечно грязным и голодным. «Ведь я стал красивым для мальчика, почему же я здесь?» – подумал пес и этой же ночью убежал из дома женщины.

На следующий день он без труда нашел место, где они раньше встречались с мальчиком и стал ждать. Незаметно он уснул, но звук знакомых шагов заставил его подскочить. Невдалеке шел его мальчик, грустно глядя себе под ноги.

- Привет, привет! Я пришел к тебе, я так рад! – пес бросился к мальчику и радостно запрыгал вокруг него. Мальчик удивленно посмотрел на красивую собаку, известную с журнальных обложек, и погладил его по голове.

- Какой красавец, тебя, наверное, уже хозяйка потеряла... – улыбнулся он.

- Эй, это же я! Твой пес, дворняга, которую ты накормил под мостом! – гавкал пес, но мальчик, разумеется, его не понимал.

- Поиграть хочешь? Нет, я не играю, я жду своего пса... – мальчик грустно покачал головой и сел на лавку.

- Пса? Так вот же я? Я пришел к тебе! Прости, что не мог раньше... – пес недоуменно уставился на него.

- Ты красивый, но тот был особенный...

- Посмотри, какой я стал! Неужели ты не узнаешь меня! – пес крутился у ног мальчика.

- Ты такой красивый, счастливый, сытый... А у моего пса ничего нет, но я люблю его, он такой... настоящий и... добрый. Никто его не любит, потому что он бродяга, всем нужны милые и прелестные, все любят фантик, а про содержимое часто забывают... – мальчик грустно вздохнул.

«Так тебе неважно, красивый я или нет? Он не узнает меня... Ведь это не я... Я должен вернуть все обратно!» – подумал пес и бросился

прочь от мальчика. Он бежал по парку, не замечая никого вокруг, пока не достиг своего моста и не забился под него.

«Хочу, чтобы все было как раньше, хочу как раньше...» – шептал пес, пока не уснул.

Ночью разыгралась гроза. Ливень всю ночь поливал город и насквозь промокший пес вновь почувствовал себя бродягой. Холодный ветер пробирал его и он дрожал каждой своей клеточкой. Утром, голодный и замерзший, он выполз в парк.

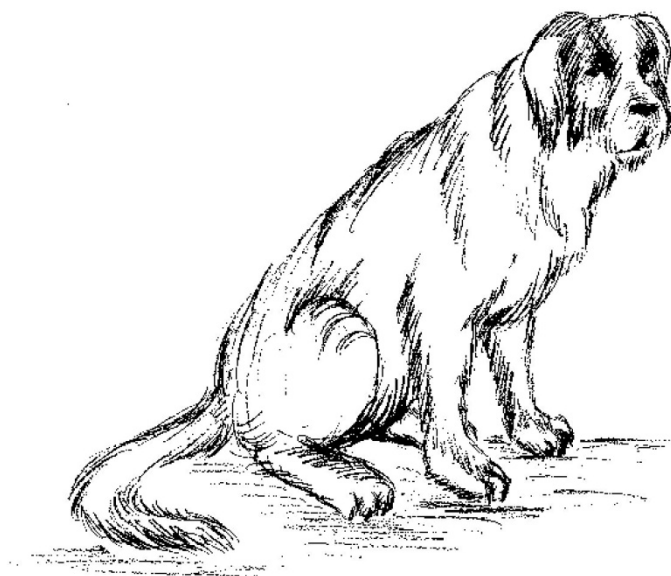
- Фу, бродяга, пошел отсюда! – закричал дворник, замахиваясь на него метлой.

Пес поспешил удалиться и, скрывшись от дворника, неторопливо побрел к месту встречи с мальчиком. Женщины и дети больше не гладили его, брезгливо провожая взглядом.

- Развели здесь этих бродяг, деваться некуда, так и гляди, кинется! – слышались презрительные реплики.

Пес добрел до лавки и улегся под ней. Вскоре, как обычно, знакомые шаги прервали его дремоту. К скамейке шел его друг. Пес вылез изпод нее и замер в нерешительности: он боялся – а если мальчик опять его не узнает? Вдруг мальчик, подняв голову, застыл и улыбка медленно стала появляться на его лице.

- Мой пес! – закричал он и, подбежав, обнял бродягу. – Мой пес...

Дмитрий Коломыцев

*Выпускник Политехнического института СФУ.
С 2013 года председатель клуба «Высокий берег»,
автор стихов, прозы и песен, художник и музыкант,
барабанищик красноярской группы «Лето». На
момент выпуска сборника – дизайнер-корректор
фабрики мороженого «Славица».*

Высокий берег

К 20-летию литературного клуба СФУ «Высокий берег»

Nm Gm
Выхожу на берег,
Nm Gm
Берег высокий,
C G D
Парус одинокий где-то там плывет вдали,
Nm Gm
В путь далекий,
Nm Gm
В дальние страны.
C G D
Мы покинем берег, чтоб добраться до земли.

Припев

B F C7
Скажите мне, что я не вернусь домой,
Dm
Я здесь чужой,
B F Dm
Сожгите адрес мой и напишите адрес свой.
B F
Трепещут волны за кормой,
C7 Dm
Несут меня на берег мой
B F C7
Высокий, волна за волной.

Дни за днями проходят,
А за ними – недели,

Где на самом деле берег, трудно предсказать,
Но на то он высокий –
В него нужно верить,
Чтоб увидеть землю и ее расцеловать.

Припев

F C
И даже если мне приснится мираж,
Dm B
Я все равно войду в кураж и заберу на abordаж
Высокий берег мой...
Высокий берег мой...
Высокий берег мой...
Волна за волной.

Река лет

C F G
Года уносят вдаль меня,
Am Dm
Чтоб вернуться уже навсегда
G Am
На эту землю, где чистая вода,
G Am
И ждут меня давно мои друзья.
Dm G F G
Родное пространство между счастьем и несчастьем.

Припев

Dm G Dm G
Это не сон, это не сон,
F G C
Это когда миг и вечность звучат в унисон
Am Dm G C
Ооуо, ооуо, ооуо, ооуо.

Приди ко мне, моя душа,
Ты слишком часто уходишь в то место,
Где нет от меня и следа,
Уходишь, как будто в никуда.
Привета никто не услышит и не передаст.

Припев

Это не сон, это не сон,
Это когда миг и вечность звучат в унисон.
Ооуо, ооуо, ооуо, ооуо.

Хорошо там, где мы есть

Я такой же, как и все – у мечтаний в плену.
Посетить бы хотел не одну страну,
Только вот друзей бросать не хочется мне,
Загорев в далекой экзотичной стране.

Кто-то скажет: «Новых встретишь лучше еще»,
Но у меня со старыми есть счет...

Припев

Хорошо не там, где нас нет,
Туда, где тень – не может попасть свет,

Свет всего один, а теней не счесть,
Хорошо там, где мы есть (х 2 р.)

Я такой же, как и все, бывает, грущу,
Непонятно почему, оправдания ищу,
Облегченье в впечатлении от новых встреч,
Чтобы прошлое, как ноша, снялось с плеч.

Только я одно не беру в расчет –
У меня с моим прошлым есть счет...

Припев

Хорошо не там, где нас нет,
Туда, где тень – не может попасть свет,

Свет всего один, а теней не счесть,
Хорошо там, где мы есть (х 2 р.)

Цикл

От нас уходят потому, что их зовут уйти
И через темноту протягивают руку.
Зовут туда, где нет вперед пути,
А где одни вращения по кругу.

Они и в жизни циклы видели тревог,
Воспоминаний, радости, страданья.
От нас уходят, чтоб вернуться вновь
В небесном лике строгого сиянья.

А мы не знаем, что они нам шлют привет,
Все думаем, что встреча не вернется,
Вместо того, чтобы увидеть этот свет
Перед своим вращением по небу вокруг Солнца.

Белый цвет

Тучи – на небе, а в сердце – облака,
Никогда себе не говори «Пока!»,
Не говори «Прощай!», а говори «Прости!»,
Возьми свою тоску и тут же отпусти!

И облака растопят тучи,
Ведь белый цвет намного лучше,
Ведь белый цвет светлей и чище,
Чем черный-черный-черный цвет.

Деревья за окном всё тянутся к свету,
Они – как и ты, но не ищут ответа.
Для них и не нужен на что-то ответ,
Лишь нужен белый-белый-белый цвет.

И облака растопят тучи,
Ведь белый цвет намного лучше,
Ведь белый цвет светлей и чище,
Чем черный-черный-черный цвет.

Разгонятся тучи и засмеются дети,
Для них только он существует на свете,
И ты, как они, знаешь, цвета лучше нет,

Чем белый-белый-белый цвет.

И облака растопят тучи,
Ведь белый цвет намного лучше,
Ведь белый цвет светлей и чище,
Чем черный-черный-черный цвет.

Признание

Я уже любил тебя,
Но не в этой жизни,
Я уже ласкал тебя
И являлся вновь.

Я не тратил время,
Я не верил в чудо,
Потому что чудом этим
Была моя любовь.

Так, любя все время,
Без преображенья,
Может, вовсе не влюблялся
Никогда я здесь?

Вот, я снова счастлив,
Что не нужно верить,
И обман рассеялся,
Словно быстрый сон.

Ты мне подсказала,
Кто я на самом деле,
И от этой правды я
Как будто вновь рождён.

Так, за этой жизнью,
Если ждёт другая,
Может, вовсе не рождался
Никогда я здесь?

С самого рожденья
Я снова вижу чудо,
Которое не может

Меня преодолеть.

Но, словно всё приснилось,
Радость и страдание -
Лишь игра фантазии,
Как и жизнь, и смерть.

Перевоспитание Трудней

Сказка

Мало кто знает, что Трутни изначально назывались Труднями, потому что трудиться им положено было каждый день наравне с Пчелами. И были они похожи на Пчел, как две капли воды, если бы не одно-единственное обстоятельство: был у них ну очень трудный характер.

Решили как-то Пчелы взяться за своих Трудней и перевоспитать их. Знали они, что трудиться у Трудней с трудом получалось. Дали им бочонки для сбора меда, вручили карту с маршрутом, снабдили обедом и отправили в путь, дав наставление: хотя бы день поработать так же старательно, как сами Пчелы работают. Не знали они, что с трудным характером так и тянет сделать все назло.

Отлетели Трудни, не подавая виду, за ближайший лесок, и только скрылись, давай валяться в траве и переругиваться: «Ты давай лети!», «Нет, ты лети!», «Чего уселся-то?», «На себя бы посмотрел!» – так и не сдвинулись с мертвой точки. И, вместо того, чтобы хоть что-то продолжить делать или не делать, вдруг придумали план: «А давайте по карте найдем ближайший медовый бар и зависнем там до того времени, пока не найдут нас и не позовут обратно!».

На такую авантюру и «бравое дело» нашлись силы у них, и помчались они со всех лап по указанному на карте маршруту до бара. Дружно жужжа, обошли они сыплющие пылью необработанные по графику цветники, радостно хихикая, свернули в кусты и полетели, куда хотели.

Вместо свежего воздуха луга и душистой пыльцы получили хитрецы душное помещение, яркий свет неонов и громкую музыку, приглашающую повеселиться. Ничуть не жалея, отдали Трудни свои рабочие бочонки работникам бара. Те наполнили их медом, только не свежим, а перебродившим, насколько это возможно. Трудни же, сделали вид, что они не Трудни, а Пчелы, прибывшие после рабочей ночной смены.

Но, сколько ни притворялись они обычными Пчелами, выдала их наглая удаль и праздность. Работники бара, поняли, что не с простыми Пчелами имеют они дело, зашептались и стали трезвонить куда можно и куда нельзя. И, правда, рабочий день еще не кончился, а эти «Пчелы», ничего не собрав, протягивают заполнить их пустые бочонки, где должна плескаться собранная пыльца, и просят еще угодить им, обслуживая и развлекая? Уж больно нечисто все тут, и оказались они правы.

В скором времени прилетели прямо с рабочего луга настоящие Пчелы (рискнули своим драгоценным временем!) и давай сокрушаться: «Ай-ай-ай! Не суждено, значит, Трудням стать такими, как мы! Видимо, на роду у них написано – лишь бы развлекаться и нам работы добавлять. Ну что ж, мы – Пчелы рабочие, привыкшие к труду, они нам не мешают, ну и мы им не будем. Только вот, недостойны Трудни своего трудового имени, будем называть их отныне более подходящим – «Трутнями». И полетели дальше работать, собирать мед с ожидающих их цветков.

Так и закончилась безрезультатно попытка перевоспитания Трудней – стали они Трутнями, какими мы их сейчас и знаем. Вам самим решать, кто вы из наших героев, но только имейте в виду, что тот, кто ленится трудиться – никогда не получит истинного удовольствия от своего заслуженного, свежего, полученного собственными усилиями бочонка меда.

Второе сердце тевтонского рыцаря

Рассказ, который мне приснился наяву

«Я думал, у меня всего одно сердце», – промолвил, еле дыша, придавленный внезапным открытием тевтонский рыцарь. Латы его были разбиты в клочья, и из сердца торчало что-то наподобие клинка, которым ходят на большого медведя.

«Почему я все еще жив?» – подумал рыцарь. «Раньше мне часто приходилось умирать при жизни, но оставаться живым при смерти – довольно странное и необычное занятие». Кровь его плавно стекала и образовывала плотный круг, из которого со скоростью звука вырастали высокие стебли. «Наверное, я превращаюсь в растение, как бы пошло это не звучало», – подумал он, задумчиво глядя на увеличивающийся на глазах росток и начинающий распускать увесистые бутоны.

Внимание рыцаря перебила неведомо откуда прилетевшая серая птица неизвестной породы, как ни в чем ни бывало усевшаяся на ветку растущего из крови растения, уже больше напоминавшего своим

размером и структурой молодое дерево. На ветках дерева стали появляться плоды странного сорта, по форме напоминающие человеческое сердце, и птица не замедлила тут же употребить их. «Она клюет мое сердце...», – стиснув зубы, прошептал наш герой. «Я не дам ей улететь отсюда, оставив меня одного и не имея собственного сердца...».

Но проблема была в том, что он не мог сдвинуть ни единую конечность своего обессиленного тела. Тут на помощь рыцарю пришла жуткая пурга, сбивающая упругим порывом ветра со снегом все на своем пути. Издав жуткий вопль, птица тут же улетела, оставив полусъеденным сочный плод на ветке. «О, Боже, что происходит...» – застонал рыцарь. «Кажется, я замерзаю...».

И действительно, остатки его лат накалились до предела холодом, холод овеял его тело, и дерево, растущее из сердца, застыло и превратилось в лед. Лишь надкушенный птицей плод, звонко хрустнув, отвалился и упал рыцарю прямо в его раскрывшийся от мороза рот. Пройдя через внутреннее пространство рыцаря, плод соединился с корнями вырастившего его дерева, и как будто гром раздался среди небес, сотрясая рыцаря.

Рыцарь понял, что он проснулся в мягкой постели замка, и что на кровати его сидит его верный друг – пес придворной знати, и радостно впивается ему когтями в грудь через ночную рубашку. «Жуткий, предельно жуткий сон...» – пробормотал в оторопи он. Подошел к окну и увидел хлопья первого снега, устилающего стеной землю. Птица неизвестной породы, случайно залетевшая через раскрытое окно, сидела на подаренном королем декоративном лимониусе, как его назвал высший флорист во дворце, но на самом деле не было там лимонов, лишь странные плоды, напоминающие сердце, свисали с веток.

Молча семена по растекшейся с улицы луже из растаявшего снега, рыцарь пошел было к кровати, чтобы одеться, но поскользнулся и проехался по полу от одной стены до другой. Ударившись головой о свой военный кинжал, заботливо оставленный на ночь на пол под кроватью, рыцарь потер рукой шишку на голове, перевернулся, весь мокрый, на спину, и пробормотал, глядя в потолок и снова засыпая: «Как же, все-таки, жаль, что не бывает второго сердца...».

Илья Комиссаров

*Выпускник Института космических и
информационных технологий СФУ*

Думать больно

Скрежет шестерёнок в запыленном мозгу
Мешает спать, мешает есть, мешает думать.
Мысли проносят потоком мутной, заболоченной воды,
Будто разошедшаяся пробку выбило из старого садового бака.
Воспоминания о минувшем пытаются перекрычать мечты о
будущем.

От этой какофонии болит голова. Хотя как она может болеть,
ведь она кость. Даже в мозгу нет нервных окончаний, чтобы он
вскрикнул от увиденного.

Зато выражение «Думать больно!» получило новый окрас. Теперь
оно, как радуга над землёй.

Отвлечься трудно, но я попытался. Отвёл внимание в сторонку и
попросил ум помолчать: отпустить несчастное Внимание, не держать за
пуговицу.

Таблетки похожи на беруши, но беруши низкого качества. Надел
их, и боль затихает, затихает, как спящий тигр. Тут резкий звук и ВСЁ!
«Беруши» рассыпаются в пыль, оставляя лёгкий привкус горечи,
может, разочарования.

Промелькнула картинка из прошлого, того прошлого, какое не
смыло ещё из памяти. Момент первого ответственного решения.
Сколько эмоций! Слеза, скупая слеза, остановилась на щеке. В то время
яркий диафильм продолжается. Кадр за кадром показывает взлёты и
падения, унижения и превосходства.

А сколько их ещё будет?

Голод

Я голоден, и рыл руками землю,
И ел с неё, что только находил:
Букашек и червей,
Поймал крота и поломал хребет,
Жевал его, смакуя каждый хрящик,
Задрал лису и волку пасть порвал –
И выпил всю их кровь.
Медведи и слоны, пантеры и койоты –
Все были предо мной и бились в смертных корчах.
Тянул я жилы у моржа,
Поджарил на костре ежа,
А иглы я его под вилку приспособил,
И стало мне легко убить мышиную семью,
Одним ударом на иглу надев,
Но тут увидел я в угодах неведомо доселе существо,
Высокое и голое.
Рубило оно лес и било птицу для еды,
Внезапно возомнив себя венцом Природы,
Построило дома, сожгло весь бурелом и осушило топь,
И погребло все кроличьи норы под асфальтом,
Зверей всех перебило,
И стал я голодать.
Попробовать решил,
Насколько вкусна тварь, что появилась в пастбищах моих,
И ела без разбора с моего стола.
Поймал одну, вонзил в неё резцы:
Не мясо – чистый мёд!
И понял я, чем возмещу ущерб себе и дому моему!
Меня кликали демоном и психом, и маньяком уж на худой конец,
Но не поймут всё люди, кто я.
Я – голод этих мест, я – голод тех зверей, что умерли в трущобах
городов
И тех, что жили здесь, в лесу!
Я – голод малышей, чьи матери, и чьи отцы убиты
развлеченья ради!
Мой пир уже настал, я приглашаю Вас... Вы – первые в меню!
Себя оставлю на десерт я, хохмы ради.

Виктор Конов

*Кандидат технических наук, доцент кафедры
МОНПП ИГиГ СФУ, один из инициаторов
совместных проектов и творчества клуба.*

Родился 24 ноября 1947 г. в с. Курагино.

Выпускник Курагинской средней школы №2 1965г.

*«Низкий поклон моей родине, учителям,
одноклассникам, землякам и всем, с кем
посчастливилось общаться».*

Осенний мотив

Мотив современного романа

Осень качнула крылами багряными,
Желтой листвой забросала мой дом,
Встречи ищу я с моей ненаглядною,
Красной рябинкой под нашим окном...

Желтые Листья тропинки упрятали –
Мне их теперь не найти до поры,
Может когда-то тебя недосватали,
Что же теперь и о чем говорим...

Краткая осень – спасенье, красавица
Все переливы в себе собрала,
Может теперь и смогу я понравиться
Той, что когда-то невестой была...

Вечная тема – она как спасение,
Вера, Надежда и наша любовь,
Вот у нее и прошу я Прощения
И попрошу, и прошу тебя вновь.

Осень проходит, и все переменчиво.
Листья опали и сердце молчит,
Только Любовь запоздалая к женщине
Тихо рябинкой в окно постучит...

Только Любовь запоздалая к женщине
Тихо рябинкой в окно постучит...

На Родине звонят колокола

*Колокола и колокольный звон –
наше национальное достояние*

На Родине звонят колокола,
Их перезвон наполнит всю округу,
Блестят и золотятся купола,
А я иду в поля к земле и плугу...

Мы разучились сеять и пахать,
В полях и в душах – больше все бороним,
И за собой, не ведая греха,
На землю смотрим взглядом посторонним.

А надобно б прижаться к ней щекой
И уловить ее сердцебиенье,
А то, что прадед мой пахал сохой,
Так делал он с душой и упоеньем.

Себя он часто осенял крестом,
У Господа просил Благословенья
Земле, семье и самому, потом
Он приступал и, может, ждал Знаменье...

Я тоже жду тот самый добрый знак
От Господа, от прадеда, от Веры.
С колоколами было все не так...
Но, слава Богу, возвращаем меру.

Нам надо бы хоть чуточку Добра
И капельку Души к родному дому,
Тогда и зазвонят колокола,
И их Земля услышит по-другому...\

Приветствие Зимней Универсиаде

*Участникам, гостям и организаторам Зимней Универсиады,
всем красноярцам*

Вас встречают
Николаевская сопка,
Добрый город
и красавец Енисей.
Вам, возможно,
улыбнется даже Солнце...
И Победа улыбнется,
но не всем...

Припев:

А для всех главная награда –
Универ –
Универсиада,
И гостям все здесь будут рады.
Спорт – наш мир...
СФУ миру распахнется,
И вот-вот все уже начнется –
Это вас приветствует Сибирь...

Видит Бог –
вы все поставили на карту,
Раз рискнули и в Россию,
и в Сибирь!
Красноярск подарит вам
не только старты,
Но Добро, Мечты
и сказочную быль...

Припев:

А для всех главная награда –
Светлый мир –
Универсиада,
И гостям все здесь будут рады
Вновь и вновь...
И душа счастьем распахнется,
И вот-вот все уже начнется –
СФУ споем вам про любовь...

Мы на спорт теперь
 вас всех благословили,
Размышления
 оставив на потом,
С Енисеем вы судьбу
 соединили,
С СФУ и
 Николаевским мостом.

Припев:
А для всех главная награда –
Светлый мир –
 Универсиада,
И друзьям все мы будем рады
 Вновь и вновь...
СФУ миру распахнется,
Универсиада радостно начнется –
А душа поет вам про любовь...

Никите Трегубову

*Серебряному медалисту Олимпийских игр в Пхёнчхане 2018 г.,
его тренерам и почитателям, ИФКСиТ СФУ
и всем красноярцам*

Ты молодец, что верил:
 «Все возможно».
Наш город ждал того,
 каким ты стал...
Пусть чей-то был вираж
 «неосторожный»,
Но он тебя вознес
 на пьедестал!

*От имени Литературного клуба СФУ
«Высокий берег»
Поздравляем! Поздравляем! Поздравляем!!!*

Антону Шипулину

*И всем тем, кто борется
до последнего патрона*

Когда ты волю соберешь в кулак
И приведешь свои в порядок мысли –
Тебе поможет Бог!
Да будет так!
А все надежды –
на последний выстрел!

Художественная гимнастика

*Ирине Александровне Винер-Усмановой
и всем ее воспитанницам, принесшим нам радость и счастье*

Когда-нибудь
и Винер, и Усмановой
История за все предъявит счет...
Но красота Ирины Александровны
Еще не раз Гимнастику спасет.

Выбор решения

У меня теперь ногтей не вырвешь,
Даже если очень согрешу,
Потому что в жизни сделан Выбор,
Я его благословить прошу...

Раннее предзимье

А на улице дымка и месяц в ущербе,
Мы идем и не дышим, каждый квартал – ущелье,
По которому встречу леденеющий хиуз,
Проверяющий верно современную хилость.

Сокровенное Даши Намдакова

Гэсэр – герой национального эпоса монгольских народов

Когда о Потрясателе Вселенной
Под гулкий стук копыт его коня,
Узнал наш род, все 23 колена
Из прошлого спросили у меня:

«Куда теперь ведет твоя дорога?
Что дал тебе Туманный Альбион?
Угодны ли дела отцу и Богу?
И чем ты отмечаешь связь времен?

Давно тебе пора домой вернуться,
Все ждут тебя: и степи, и тайга.
И табуны когда востепенутся
В твоей душе,
и встретит Селенга...

И спросит тихо: «Где твоя обитель?
А кто из вас ходил на Утайшань?
Чему учил Великий твой Учитель?
Где Ремеслу ты научился сам?...».

На берегах моих твое призванье,
Вселенную, что создавал Чингиз,
Объединила мир. А в этом здании
Есть твой приют без предъявления виз...

А вот об Исключительном таланте,
О куклах, о признании, о семье
Байкалу расскажи и он оплатит
Хранителя и будешь им везде,

Где только к мысли прикоснутся руки,
А восемь тысяч лет уже прошло.
Но будем мы страдать безмолвной мукой,
Что кто-то должен делать Ремесло...

Дарья Корбан

Студентка четвертого курса Института физической культуры спорта и туризма СФУ. В прошлом профессионально занималась спортом, во время обучения увлеклась туризмом.

«Меня интересует искусство в разных его проявлениях: будь то живопись или поэзия. Больше других авторов восхищаюсь И. А. Бродским».

Ветер приходит в полдень,
рьяно качая струны
жизни. Дерево помнит
корни. Тело – лишь тень фигуры.

Море играет в ритме,
вторящем звукам бубна.
По отношению к рыбе
море всегда безлюдно.

Рыбе не нужно солнцем
печь золотые жабры.
Тот, кто к мели прибьется,
больше не сыщет правды.

Правда воды – в стакане.
Жидкость сжимает суша.
Грани – подпорки зданья,
где погибают души.

Вплетай в золото волос своих
вязкую осень. Шелка – твои косы.
Танцуй на помосте
из старой травы,
оставляющей проседь внутри
никудышной уже головы.
Нас уносит –

за этим листом
улетишь непременно и ты.
Ровно в восемь
зудящее утро закончит набросок
густой тишины.
Ты боишься вопросов?

Тело боится холода,
как оков.
Будь же всегда
кроток, силен, здоров.
Слов не роняй,
ветер – не лучший друг.
Верить ему –
что служить врагу.
Ты, человек,
знаешь свою судьбу.
Сложно быть верным себе,
но не быть одному.
Землю люби, как знать,
ей принимать в конце.
Это, по сути, мать
всех в одном лице.

Палач плачет

Одни танцевали, вторые плакали,
Подобно крестам и предателям,
Подобно церквям в Неаполе
И первопричин создателям.

Сухая слеза на щеке карателя
Под черным покровом проклятой мантии
Вовеки не будет видна обитателям,
У плахи играющим роли рыдателей.

Бессонница

Заступила на пост полуночница.
Смотрит желтым в меня луна.
Отвернуться хочется
И не маяться бы, не ворочаться.

Но, с другой стороны,
У рассветов свое одиночество.
Из часов вылетая, шепнула кукушка:
«Всё скоро закончится».

По картине Куинджи «Лунная ночь на Днепре»

По траве пробегает холодная дрожь.
Днепр таинственно гладок и жутко спокоен.
В эту адово-темную черную ночь
Будто манит луну своей тонкой рукою.

А она, обезумевшим с неба диском,
Смотрит прямо в глаза ему, мглу прорвав.
Поразительно небо с землею близко
Разыграли неистовый маскарад.

В хате теплится свет, и дыхание ровно,
Значит, утро настанет, прервав игру.
А сейчас, среди ночи, так беспокойно
И так боязно мне подойти к окну.

Серое небо похоже на море
В предвестье шторма.
Так бы нырнуть глубже,
И соль в глаза!
А облака – это, может быть,
Те же волны,
Только зовут громче
И навсегда.

Выбели меня и напиши
Старой краской новые цвета.
Там, где были черные кусты,
Пусть родятся свежие сорта.

Вскрой, прошу, достань ковыль живой,
Колет он до ужаса в груди.
Думаешь, в земле моей сухой
Сможет еще что-нибудь взрасти?

Ты же знаешь,
В пустыне тихо,
Пока зной бережит барханы,
Пока свет заливают дюны,
Редкой птицей лишь колоко звук.
Ты же помнишь,
Что буря лиха,
И песок попадает в раны.
Как той ночью глухой и лунной
Все в мираж обернулось вдруг?

Надежда

Обратившись к домофону, называю как кодовое слово свое имя – дверь открывается. На пороге встречает дед. Он, наконец, снова научился улыбаться, встречая гостей. За последние пять месяцев ему многому пришлось научиться. К самому сложному он привыкает до сих пор – жить одному, если к этому вообще можно привыкнуть. Как обычно, дед спрашивает: «Обедать будем?». Даже если совсем не голодна, я соглашаюсь всегда. Накрывая на стол, рассказывает мне, как тяжело всё делать самому, но не жалуется. Для своих семидесяти девяти он держится более чем бодро: никогда не пропускает утреннюю зарядку, потому что, как сам мне рассказал, бабушка дала наставление держать себя в форме. Мой дед вообще поразительной стойкости человек. Человек, у которого всё под контролем. В этом они с бабушкой были похожи. Их союз был самым крепким и гармоничным как для меня, так и для всех знакомых. Почти пятьдесят лет в браке:

одного года не хватило до юбилея. Что же, смерть не является в пестром костюме с тортом в руках, тут обходится без приглашений.

Ко мне до сих пор не приходит осознание того, что человека уже нет. Всякий раз, когда я прихожу в их дом, мне кажется, что она просто отдыхает в соседней комнате. Сейчас только зайду – и всё, как раньше. Но почему-то и в другой комнате её нет. Хочется пробежаться по квартире, и где-то пропажа определенно найдется. Ну, вот же она, на полке над телевизором, теперь только на фотографии с прошлого дня рождения, счастливая такая. В первое время дед нередко обращался к этой фотографии: «Видишь, Степановна, внушки к тебе пришли!». Но особенно грустным было продолжение: «Что же ты нас покинула?». Обращения людей к тем, кого уже нет, сильно удивляли меня прежде. Когда умерла моя бабушка по матери, мне было восемь. Для меня было огромной загадкой, зачем мама разговаривает с крестом на окраине кладбища, если где-то под толстым слоем земли спит бабушка, но точно ее не слышит. Разве можно слышать во сне? Ответа не было. Сейчас же слова деда, обращенные к его Надежде, кажутся мне самыми естественными на свете.

Обычно после обеда мы вместе смотрим телевизор. Бывает, дедушка играет в шахматы на компьютере, с которым понемногу учится общаться на «ты». До недавних пор мы практически не разговаривали, и это ужасно давило на меня. Я совершенно не знала, о чем говорить: меньше всего хотелось затрагивать болезненную тему. А деда терзали воспоминания, и он часто рассказывал одну и ту же историю – историю конца. В самый первый раз я услышала её через день после ухода бабушки. Тогда брат привез нас с младшей сестрой, чтобы поддержать деда, и настоятельно просил не плакать. Самое интересное, что до того момента мне почти и не хотелось плакать. Но как только начался рассказ, я не могла сдержать слез. Он сказал, что каждый раз, сидя на кухне, видит, будто наяву, как она делает несколько завершающих обрывистых вдохов, и ее сознание уносится в никуда. Чуть позже приехала скорая, её погрузили в машину в ночной рубашке и увезли. После этого утра ей оставалось еще два дня, но увидеться до похорон им больше не было суждено. Еще два дня в коме она боролась за жизнь, но сил действительно уже не осталось – последний год выжал слишком много.

Я даже не удивилась бы, узнав, что бабушка развеселила пришедшую за ней смерть. В любой ситуации она могла найти что-то веселое, не теряя оптимизма до конца. Когда я пришла как-то раз в разгар ее болезни, бабушка, полулежа, сидела на кровати и дышала с трудом, но даже тогда в маленькой спальне едва слышно звучало её повествование. Больше всего мне не хватает тех рассказов, которые я готова была слушать хоть по сто раз, лишь бы они не заканчивались. Я,

вероятно, знаю почти весь её путь, начиная с детства в глухой деревне в годы войны и заканчивая их с дедом тихим очагом в небольшой городской квартирке. Хочу сидеть рядом, слушать и задавать много-много вопросов. Почему я не спросила обо всем, когда было возможно? И ведь тянет прокрутить ленту немного назад, чтобы, откладывая вроде бы важные дела, приходить почаще, болтать обо всем и ни о чем, заполнять квартиру смехом. Тут как нельзя лучше подходят слова тети, которые она сказала в день похорон: «При жизни надо было цветами заваливать. Что теперь? Собрались все вместе впервые. И по какому поводу?!».

Недавно дедушка сказал мне следующее: «Я всё думаю, что если бы можно было, я бы то время, которое мне осталось, разделил на нас двоих. И умерли бы в один день. Плохо мне без неё». Я, конечно, и прежде знала, как крепка и неразрывна их связь, но это безумно меня тронуло. А еще он рассказал, что ему часто снится бабушка, только лица увидеть нельзя, а очень хочется: «Вроде как точно она, даже говорит что-нибудь, но посмотреть на неё хоть разок никак нельзя». Я думала, что такое только в сказках бывает. «Неужели нечто, именуемое любовью, правда существует?» – рассуждала я тем вечером, всё еще цепляясь за сказанное. Ведь этот мужчина, украшенный сединой и мудростью, проживший на планете почти восемь десятков лет, может говорить мне, своей внучке, такие слова только искренне.

Отныне я стараюсь всё чаще заводить с дедом беседы, получается уже лучше. Он стал, как и раньше, ходить в шахматный кружок и в Совет ветеранов, кашу свою нелюбимую даже варить начал и смеяться по-настоящему. Улыбаясь, заявляет: «Скоро на машинке шить буду. Надо всему теперь обучиться». Это меня определенно радует. Всякий раз, когда я ухожу, останавливаюсь возле дома и обращаю взгляд на окошко первого этажа. Закрыв за мной дверь, к нему торопливо подходит дед и машет мне на прощание, как это делала бабушка. Свет горит - вот что на самом деле важно.

Иду по улице, снег сегодня очень звонко хрустит под ногами, а мороз обжигает щеки. Совсем как в детстве, когда мы гуляли вечерами по деревне с бабушкой. Мои маленькие валенки рассекали по проулку, светила луна, а из печных труб шел дополняющий эту теплую картину дымок. Бывало, она запевала какую-нибудь из своих многочисленных песен, и даже возвращаться совсем не хотелось. Приятные воспоминания разлетаются в холодном воздухе, в голове остается только фраза: «Пусть и в моих историях вечно живет Надежда».

Евгений Манзанов

*Выпускник кафедры ЮНЕСКО СФУ 2010 года.
Председатель клуба «Высокий берег» до 2012 года.*

*«Пытаясь вылить душу в строках,
Я не слежу за рифмразмером.
Боюсь я быть плохим примером
И захлебнуться в словотоках».*

Живи

Живи, надеясь, что это не сон,
Молись проснуться в завтрашнем дне,
Проснись под песни чёрных ворон -
Ведь истина где-то там на дне.

Веди себя, как будто ты есть,
Беги от собственной тени,
Лежи, для себя придумывай лесть,
Сиди на рельсах в тёмном туннеле.

Увидев свет – беги от него,
Беги за собственной тенью,
Знай, всё равно не уйдешь от него,
Прислушивайся к сердцебиению.

Смотри на звезды, которых нет,
Стой, обдуваемый розой ветров,
Держи в кармане горстку монет,
Засыпай под мерный шум кулеров.

Спи, не зная, что это судьба,
Верь, что выбор полностью твой,
Помни, что жизнь – это только игра,
Встань и мир уйдет за тобой...

Встань и свет будет твоим,
Убегай прочь – за горизонт,
Может быть, мир станет любим,
Хотя скорее – наоборот.

Сон

Тьма закатная спустилась,
Окропилась хладным светом,
Дико свищет звездным ветром
И следит за каждым часом
Безграничной власти ночи.
Сверху – тьма и россыпь точек,
Снизу – солнце фонарей.
Сумерки... Из тьмы рождаясь
И в своем бессилье каясь,
Смотрит в окна полуночников,
Как я!
Кружка чая и печенье...
Где же сон? «Я жду тебя»!

Дракон

В пустоте, бескрайнего простора,
Возле колодца слез,
Как победить дракона,
Плода моих полночных грез?

Цельнометаллические пчелы
Жалят его без вреда,
Как победить дракона?
Ведь имя его Беда.

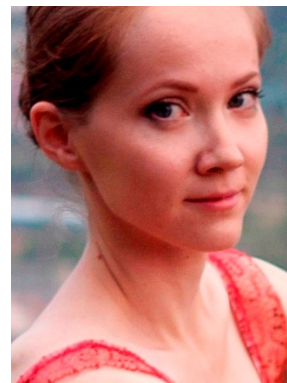
Словно сердцебиение,
Бьется в плечо огонь,
Как победить дракона?
Ведь имя его Боль.

Последний щелчок затвора,
И я зажмурил глаза,
Победить ли мне дракона?
А вы как думаете, друзья?

Галия Маркова

Выпускница Института фундаментальной биологии и биотехнологий СФУ.

После окончания университета открыла в себе тягу к литературному творчеству.

Путь высотой в башню

Алиса задрала голову, морщась от солнца.

– Ну, привет.

Высокая башня не собиралась отвечать.

– И я рада тебя видеть, – пробурчала Алиса. Она лягнула каменную кладку, и на землю посыпались песчинки. Сжала и разжала кулаки.

– Немедленно разуйся, – прозвучал в ушах Алисы хрипловатый бабушкин голос. – Ты должна *чувствовать* стену.

На губах застыл дерзкий возглас. Алиса провела по ним рукой, словно стирая рвущиеся слова. Она огрызалась всегда, но только не сегодня. Сегодня, первый раз в жизни, она пришла к башне сама.

Алиса порывисто присела и развязала шнурки. Освобождённые от обуви стопы сразу же заныли, предчувствуя недоброе.

Она помахала руками, ногами, торопливо попрыгала на месте. Не терпелось начать, но строгий голос продолжал:

– Никогда не пренебрегай разминкой. На холодное тело сорвешься и покалечишься.

И Алиса действительно срывалась. Однажды она даже упала специально, чтобы только сломать что-нибудь – тогда бабушка отвязалась бы. Увы, отделалась одними шишками.

Алиса шагнула к стене, ощущая, как по разогретым конечностям толчками несётся кровь. Она взялась за первый уступ, сунула пальцы ног в щель между камнями и повисла.

– Когда начала, медлить нельзя. Хватайся руками, переставляй ноги, подтягивайся. Чем дольше думаешь, тем слабее становится тело.

Алиса принялась карабкаться.

Она до сих пор помнила первую тренировку. Беспомощность, испытанную тогда, забыть было невозможно.

– Здесь даже не за что ухватиться! – ревела маленькая Алиса. – Я не могу! Не получается!

Если бы девочке сказали тогда, что однажды она сможет долезть почти до самой вершины и спуститься обратно...

Почти до самой вершины.

Алиса лезла вверх легко, словно не по отвесной стене башни, а по старому сучковатому дубу. Она почти не задумывалась, на что опереться. Тело несло само.

После смерти бабушки Алиса избегала выходить в эту часть сада. Всё здесь напоминало о ней: мощеная тропинка, по которой Алиса шла столько раз, утирая слёзы, кровь и пот; заросли кустарника, невероятно колючие, где Алиса пыталась прятаться; старые фонари, которые зажигал садовник, когда ночами она ковыляла домой.

На второй месяц Алиса вдруг проснулась засветло. Она не сомневалась ни секунды, вытаскивая из шкафа затёртые штаны и старую, много повидавшую рубашу. Ноги сами принесли к башне, и теперь не оставалось ничего, кроме как наконец сделать это – добраться до окна под крышей.

Алиса подняла глаза, оценивая, сколько ещё осталось до проёма. Не больше трёх метров...

Пальцы правой ноги заскользили по кладке. Уступ, на который она опиралась, осыпался мелкой крошкой. В кровь ободрав колено, Алиса рывком подтянула повисшую в воздухе ногу и упёрлась в стену. На секунду прикрыла глаза, восстанавливая дыхание. Обездвиживающий страх нужно было немедленно изгнать. Алиса забралась слишком высоко, чтобы позволить себе упасть.

Она вновь ринулась вверх, пожалуй, слишком поспешно, но только так можно было отвлечься от боли.

Алиса растянулась во весь рост. Пальцы ухватились за подоконник. Оставалось только подтянуть ноги, упереться и оттолкнуться как следует, но что-то заставляло медлить.

Как ни старалась бабушка, Алисе никогда не хватало сил, чтобы достичь вершины. Несмотря на все советы, она не могла рассчитать удобный путь.

Но теперь Алиса была одна. Ни разу ещё она не забиралась так высоко. До цели остался последний шаг.

– Я смогу, – сказала она бабушке и одним рывком заскочила в окно.

Алиса долго лежала на дощатом полу, покрытом толстым слоем пыли и сухих листьев. Смотрела на лазурное небо, видневшееся через проём, и ни о чем не думала.

В ящике у стены она нашла свёрнутый листок. В отличие от рассыпающейся мебели и утвари, он выглядел совсем новым.

«Дорогая моя Алиса, я знала, что ты однажды справишься. Я горжусь тобой. Всегда гордилась.

Прости меня за грубость. Не знаю, согласишься ли ты, но всякий раз, когда тебе было больно, мне было больно вдвойне. Но я должна была продолжать.

Самая сильная любовь – это способность причинять страдания ради лучшего будущего. Я хотела, чтобы ты стала сильнее меня.

Когда я была молода, меня заточили в башню. Я была слабой. Оттого пришлось уйти с тем, кто первым забрался наверх и спас меня. Ты же достойна большего. Ты это доказала».

Алиса сжала письмо в руке. Обида и злость, годами копившиеся внутри, утекли без следа. Их место заняла благодарность.

– Ваше высочество! – раздался звонкий голос откуда-то издалека. Алиса вытерла со щёк слёзы и высунулась в окно.

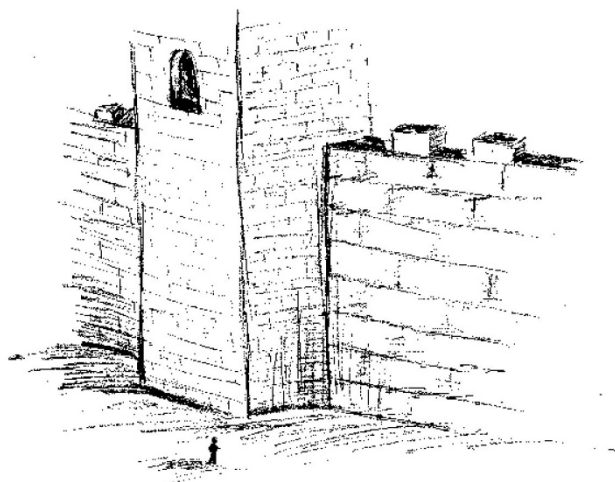
По тропинке бежала круглолицая фрейлина.

– Принцесса Алиса! – воскликнула она, утирая платочком покрасневшее лицо: – Вас ждут во дворце. Прибыло посольство из соседней страны, во главе с принцем!

– Уже иду.

Алиса аккуратно сложила письмо, убрала его в карман и уселась на подоконник, свесив ноги наружу. Перед башней раскинулся сад, такой знакомый и такой чужой. Алиса впервые видела его с высоты и только теперь заметила, что цветущие клумбы складываются в причудливый узор.

– Посмотрим, на что он годится, этот принц, – с улыбкой проговорила она и устремила взор вниз.

Роман Мосейчук

Выпускник Института инженерной физики и радиоэлектроники СФУ.

Падал снег, и слезы все блестели.
Все не верилось ещё,
Что я покинул те места,
Что стали мне роднее.

Но жизнь на месте не стоит,
И путь держать нам дальше надо,
И новые законы нам нести.

Конечно, жаль, что здесь оставил
Ваши знания, что не впитал,
Свое внимание, что развеивал напрасно,
И то внимание, что тебе я уделял.

Увы, настал тот час – покинуть
Места родные, видно, на роду предугадано давно.
Но вспоминаю все наши дни
Я с теплотой и со слезами на глазах.

Я не забуду те первые робкие встречи
И тот сладостный миг первого взгляда,
И искру, пробежавшую меж нами,
Но тот миг уже не вернуть,
Когда тебя в последний раз увидел.
Твой образ в памяти останется моей,
Твой светлый, печальный лик
Будет всегда на виду
Стоять пред глазами.

Устав от бранных дел,
Об отдыхе мечтать ты будешь,
Но лишь свободный миг придет,
Как светлый лик любви
Тебя призовет к труду опять.

А безответная любовь,
Что сердце гложет изнутри,
Она не ответит никогда
На светлые слова твои,

И лишь в мечтах она придет
К тебе с улыбкой на устах,
И ты воспрянешь ото сна,
И сердце разожжет огонь любви,

Разогнав беспечную тоску,
И огонь запылает вновь
Ярче и сильнее
От любви ответной.

Тебя со мною рядом нет,
И увидеть тебя я не смогу:
Ты ушла далеко вперед,
Оставив меня во тьме печали.

Потерянная веками назад,
Ты прекрасной останешься в веках,
И пусть года проложили
Свои следы на мне и тебе,

Но я, надежду не теряя,
Все тебя ищу во тьме
И во сне я все яснее вижу
Нашей встречи миг прекрасный,
И не будет ничего на свете
Преградой мне на пути к тебе.

Ольга Нифантьева

*Сотрудница СФУ. Творческий человек и активистка
литературного клуба «Высокий берег»*

Шахерезада

По следам сказки «1000 и одна ночь»

Зажги аромопалочку с сандалом,
Вдохни смолистый, терпкий аромат.
Представь волшебной сказки то начало:
Шагает по пустыне караван в Багдад.

Везёт он драгоценности, шелка, вуали,
Минуя все преграды и барханы без помех,
Булат дамасской знаменитой стали
И Шахрияру новых женщин для утех.

Жесток, несправедлив и злобен Шахрияр:
На каждый день берёт жену другую.
Вчерашнюю жену он палачу приносит в дар
И не готовит женщине судьбу иную.

Итак, Шахерезады наступил черёд.
И вот, свершилось чудо, в самом деле!
Она о сказках говорила ночи напролёт,
И тысяча ночей мгновенно пролетели.

Смирившись с тем, что скажет ныне царь,
Шахерезада утром робко встала перед ним.
Но был наполнен нежною Любовью Шахрияр:
Перед Женской Мудростью он голову склонил.

Так Мудрость Женская и нежная Любовь
Вернули мир в Багдад, спасли другие жизни.
В глазах людей искрилось солнце вновь,
Вернулись Радость и Надежда к Жизни!

Плывёт корабль под парусами

К юбилею клуба «Высокий берег»

Плывёт корабль под парусами
Среди «Высоких берегов».
Как имя корабля? Скажите сами:
Надежда, Вера и Любовь.

Пушай попутным будет ветер,
Пушай «семь футов под килём»,
Пусть небо будет чистым, светлым,
Пушай вернётся он в свой дом.

Пусть радостною будет встреча,
Когда увидимся мы вновь,
Пусть будет нежным этот вечер,
Пушай в сердцах живёт Любовь.

Пришлось изведать нам немало
Дней бурных, грустных и пустых,
Но каждый раз опять сначала
Нас вдохновлял сердец порыв.

Чудесной искрой вдохновения
Господь нас всех благословил.
Тут все таланты, без сомнения,
Не зря нас клуб объединил.

Сюда приходим мы с надеждой,
С открытым сердцем, чистою душой.
Когда мы здесь, мы молоды, как прежде,
Мы забываем возраст свой.

Так двадцать лет нас клуб объединяет,
Оберегает наше творческое братство,
Таланты наши нам он сохраняет.
И дай нам, Бог, лет через сто собраться!

Тысяча и ОДНО слово

*«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»
Иоанн. 1:1, Библия*

Слова бескрылы. И слова крылаты.
Слова – пустышки. И слова любви.
Слова прекрасны и оттенками богаты.
Слова бесцветны. И слова мудры.

Слова легко бросаем мы на ветер.
Слова смывает летний дождь.
Так много слов на белом свете.
Слова такие, что не сразу и поймёшь.

Слова, слова, слова... как листья.
Летят от нас и крутятся волчком.
Слова витиеваты и кустисты.
Слова «для разговора». Ни о чём.

Их тысяча живёт в пространстве.
Ненужные слова нам забивают ум.
В потоке слов бывает трудно разобраться –
Они сливаются в единый гул.

И кружимся мы в вихре слов,
Как в вальсе.
Жонглируем словами.
Кто-то ловко. А кто-то не готов.
Слова обиды. И слова морали.
А, может, хватит лишних слов?

Ведь Бог сказал ОДНО лишь слово.
И появилось Жизнь. И люди стали жить.
Мир создан был. Ну вот, и всё готово.
Начни свои слова от сердца говорить.

37 оттенков твоего страха

В авторской редакции

*«В любви нет страха, но совершенная любовь
изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение».
св. Ап. Иоанн Богослов*

Живёшь. И каждый день решаешь:
Вот это можно, а это вот нельзя.
Идёшь по Жизни робко и мечтаешь:
«Пусть это не коснётся лишь меня».

Тебе внушают страх Господень.
А Бог нам завещал любить и жить.
Тебе внушают, что не можешь быть свободен.
Твой голос слаб. Ты не способен что-то изменить.

И хорошо, что ты однажды вдруг очнулся.
И вдруг ты начал сердцем понимать.
И хорошо, мой друг, что ты проснулся.
Реальный мир ты стал осознавать.

И понимаешь, что «заборы» и запреты
Создал земной, обычный человек.
Ложь, клевету, «препоны» и наветы...
Лишь для того, чтоб власть почувствовать навек.

Власть над другими Божьими детьми,
Чтобы своё потешить самолюбие.
Ты чуть внимательней на это посмотри.
Определи, где лесть и словоблудие.

Задача у таких людей – внушить нам страх.
И не стесняются они прикрыться словом Бога.
И вроде бы, как огонёк у них горит в глазах.
И вроде за других у них в душе тревога.

Прикрылись Богом, как спасительным щитом.
Внушают людям искренность и мнимое доверие.
А сами так опутаны распутством и грехом,
Что и не снилось даже диким зверям.

Поют псалмы, молитвы. Совершают хадж.
Пытаются, мой друг, залезть к нам в Душу.
И создают для нас иллюзию. Мираж.
Чтобы самим и сладко спать, и сытно кушать.

Используют все методы для ослабления Души.
Ничем не брезгуют. Ни ложью. Ни наветом.
Как долго будешь спать, мой друг, реши.
Когда ты воспротивишься запретам?

Запреты созданы людьми. Не Богом.
Чтоб было нами легче управлять.
Страдай, стони, умри до срока.
А большего тебе не надо и желать.

И вот. Твоя Душа однажды прикоснётся к Богу.
И ты поймёшь духовное насилие над ней.
Всем при рождении Бог даёт всего помногу.
Так почему ты не берёшь своё скорей?

И кто тебе внушает «второсортность»?
Кто унижает Душу и достоинство твоё?
Кто воспитал в тебе животную покорность?
И кто тебя толкает на скудное житьё?

У страха множество оттенков разных.
Попробуй, сходу разберись в тонах.
И масок много у него разнообразных.
И, может, даже «добрая улыбка» на устах.

Вглядись в себя. Прислушайся к своей Душе.
Сумей услышать чистый голос Сердца,
Тот, что таится в каждом малыше,
Тот, что помогает нам теплом согреться.

Раскрась оттенки страха ярким цветом.
Пусть каждый цвет сияет, словно Солнца луч.
И насладись божественным рассветом.
Живи, люби. И просто счастлив будь!

Хроматография¹

«Разделяет молекулы, объединяет людей».

М.С. Цвет

В лице Нины Анатольевны Гуринович всем химикам КГУ посвящается

Те, кто знаком с химической наукой,
Особенно с хроматографией знаком, –
Тем не грозит ни суета, ни скука.
И мы сейчас поговорим о том.

Хроматография была открыта Цветом,
Когда смотрел он в дождь на потолок.
Разводы от воды менялись цветом,
И Цвет увидел в том намёк.

Итак, хроматография, как метод, разделила
Громоздкие молекулы на части,
Но, вместе с тем, она объединила
Сердца, горящие научной страстью.

Вот также Жизнь людей «фильтрует»:
Определяет наш характер по составу.
Кого-то «гладит по головке» и балует,
Кому-то поддаёт. И с левой. Да и с правой.

Вам кажется: вот – баловень судьбы!
Однако, завидовать ему ты не спеши.
Сначала уточни, ЧТО именно ему
«досталось» от судьбы.

Какую «сложную задачку он решил».
И почему стал просто оптимистом.

Возможно, он от плевел зёрна отделил.
За весь свой РОД на жизненном пути тернистом.
И от Вселенной «бонус» получил:
Быть радости источником искристым!

¹ Хроматография – метод разделения и анализа смесей веществ, а также изучения их физико-химических свойств.

Время Стрекоз

Время Стрекоз, яблок и мёда,
Время ржаные поля убирать,
Время для Радуги Хоровода
Время добрых сватов принимать.

Время лететь с перелётными птицами,
Время в корзины грибы собирать,
Время испить заповедной водицы,
Время роскошные свадьбы играть.

Время согреться солнечным светом,
Время наполниться запахом трав.
Время приходит – сретенье это:
Время – от лета к осени переправ.

Дирижёр

В маленьком оркестре жили
Барабан большой и скрипка.
Пели песни, не тужили,
А наградой были им улыбки.
Долго ль, коротко ль, не знаю,
Сколько лет они служили.
Утром ноты изучали,
Вечером спектакль играли.
Но, однажды, рано утром
Барабан обидел скрипку.
Он назвал её «малюткой,
Не доросшей до искусства».
От обиды скрипка сникла,
Пела ноты невпопад,
Песни жалобно пиликала.
Скромно прятала свой взгляд.
Барабан гремел и злился –
Громче всех играл в оркестре.
Он от гордости светился,
Наслаждался своей мезью.
Долго ль, коротко ль так было,
Но приехал Дирижёр.
Величайшее светило.

Музыкант. И фантазёр.
Помирил он инструменты:
«Все важны вы для меня!
Музыкальные моменты
Мы не будем портить зря!».
Наступил волшебный миг:
Дирижёр взмахнул рукой.
Зал восторженно затих.
Тсс... Помолчим и мы с тобой.

Нищие духом

*«Просите, – говорит Господь, – и дано будет вам;
ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам;
ибо всякий просящий получает, и ищущий находит,
и стучащему отворят» (Мф. 7, 7-8)*

Но не стучим, не просим и не ищем:
Зло, униженья принимаем терпеливо.
Подобны мы духовным нищим.
И в одиночестве страдаем молчаливо.

Вот мы какие – посмотрите.
Мы слабы, немощны, но гордые:
«Нам помощь не нужна. Простите».
В своём упрямстве мы такие твёрдые.

Нас отвергают близкие, родные,
Коллеги переделать нас хотят.
А мы всё терпим, будто бы немые,
Хватаемся за все дела подряд.

И наступаем на одни и те же «грабли»,
Надеемся, что ближние поймут,
Увидят, что страдаем мы. Но вряд ли.
Из наших уст слова ведь не идут.

И внутренние диалоги не дают спасенья.
Лишь тратим зря энергию на них.
Мы – образы великого творенья,
Божественная часть есть в нас самих.

И мечемся, ища во внешнем мире Бога,
Плывём, летим за тридевять земель.
И всё запутанней становится дорога.
И всё сильнее свирепствует метель.

Друзья, а ехать никуда не надо.
В тебе есть Бог. Прими Его.
И жизнь твоя – твоя награда.
Будь благодарен Богу за неё!

Лотос²

Из глубины воды,
Из илистого дна
Бутоны чудесной красоты
Стремятся вверх с утра.

За несколько минут
До встречи с солнцем,
Натянут и упруг,
Бутоны цветком взорвётся.

В нём сотни лепестков
Божественно сияют.
Как сотни светлячков,
Искрятся и сверкают.

Вот ночь сменяет день,
И солнце вновь заходит.
Бутоны скрывают листья в тень
И вновь на дно уходит.

И так из века в век,
И так из года в год,
Свой исполняя долг,
Божественный цветок живёт.

Божественный цветок
Растёт со дна, из грязи,

² Лотос – в вост. странах – символ гармонии, жизни. В восточных религиях человека сравнивают с лотосом.

Но каждый лепесток
Прекраснее алмаза.

Вот также человек,
Как лотос расцветает,
Когда, закончив суету и бег,
Любовь и Веру обретает.

Маяк³

В жизни каждого из нас
Очень важен первый шаг.
Чтобы не попасть «впросак»,
Светит нам с тобой «Маяк».

Что там видно впереди:
Власть. Диктат. Мошна. Долги.
Повнимательней смотри
И за мыслями следи.

Поменяй приоритеты,
Если сила есть на это.
Помни, бережёт тебя
Путеводная звезда.

Поначалу маячок
Маленький, как светлячок.
Он растёт вместе с тобой
Летом, осенью, зимой...

От тебя, дружок, зависит,
От поступков и от мыслей.
Чем он станет для тебя –
Искра Божья иль медяк.

³ Маяк – (толковый словарь Д.Н.Ушакова) – башня с сигнальными огнями на берегу моря или острове для ориентировки проходящих судов; символ надежды, «спасительный маяк».

Танец «Живота»

*Руководителю танцевальной студии «Раши Ани»
Анне Леонтьевне Ханьжиной, с благодарностью.
Красноярск, КЦ на Высотной*

Движения, волнующие кровь,
Изгибы нежные, зовущие.
Так выглядит твоя Любовь,
Создав вибрации поющие.

Где музыка? Где тело? Всё едино!
Лишь Луч становится всё ярче.
Движенья рук неповторимо,
И Сердца стук приятнее и жарче.

Мелькнут изящные две ножки
И спрячутся от пристального взгляда.
Божественные к счастью две дорожки,
Как долгожданная награда.

Здесь Женственность во всей красе
Струится спелым ароматом.
Печали растворяет в радостной слезе,
Жизнь создавая мирной и богатой!

Эйфория

*«Любовь не завидует,
любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует...»
Св. Ап. Павел к Коринфянам*

Эйфория – это вспышка,
Вулканический огонь.
Будь посдержанней, малышка,
Мягкой быть себе позволяй.

Эйфория опалила
Крылья многим мотылькам.
Многим жизни усложнила.
Как любить – решаешь сам.

Или вспыхнешь ты, как спичка.
Ярко. Быстро. И сгоришь.
Или будешь, как привычка,
Словно серенькая мышь.

Эйфория расплескает
Вмиг энергию твою
И сердца опустошает.
Вот и всё. Я – не горю.

Трать энергию разумно.
Бережно. По каплям.
Пусть любовь твоя не будет
Бурным водопадом!

Грибной дождик

Понарошку, понарошку
Дождик хлопает в ладошки.
Хлоп в ладошки – белый гриб.
Хлоп ещё – и груздь возник.

Дождь грибной играет в прятки –
Прячет он в траве загадки.
Отгадаешь – гриб в лукошке.
Хлопай с дождиком в ладошки!

Вот такое кино!

*«...Мне бы жизнь свою, как киноплёнку,
Прокрутить на много лет назад...»
Владимир Маркин*

Вот такая жизнь моя –
В разную полосочку.
Ведь родилась в мае я.
Маюсь понемножечку.

Я не ною, не грущу,
Не нуждаюсь в жалости.
Все обиды отпущу,

С ними распрощаюсь я.

С лёгким сердцем я проснусь
Майским утром этим,
Угощением займусь:
Чаем и конфетами.

Расскажу я всем родным,
Как я им благодарна,
Словом искренним, простым.
Живы все. И ладно.

Долго, долго, много лет
Скорбь в Душе таилась,
А, увидев Солнца свет,
Растаяла и растворилась.

Стало весело, легко
На Душе девчоночьей.
Прошлое пошлю я далеко.
Ты лети, лети! Всего хорошего!

Прощай, КГУ⁴

Судьба не раз пошутит и не два,
Когда имеешь ты «привязки».
Научишься ходить едва –
Бросает наземь. Без подсказки.

Вот, кажется, успеха ты достиг.
И тут наотмашь, без оглядки
Задача новая тебе летит.
Бежишь вперёд. Мелькают только пятки.

Создал иллюзию любви своей,
Воспоминания о прошлом оживил.
И оказался ты в плену идей,
Которые ты сам взрастил.

⁴ КГУ – Красноярский государственный университет. Просуществовал с 1969 по 2006 год.

Иллюзии ты жизнью напитал,
Создал «привязки» из эмоций,
И жизни ложной капитал
Тобою правит. Без эмоций.

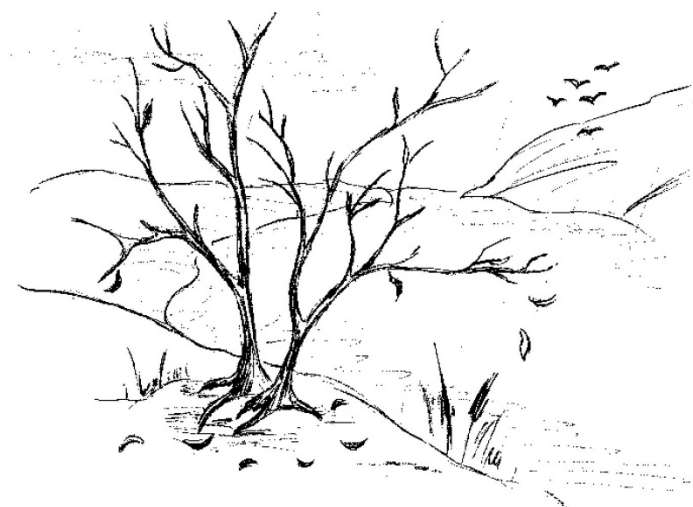
Невидимые нити управляют
Тобой, как куклой. Вертят, как хотят.
Они себя лишь оживляют,
А разум твой и сердце всё молчат.

Так осознай, что это – слуги,
Войди в распахнутую дверь,
И откажись от их услуги,
Восстанови СВОЙ Мир Души теперь.

Осень

Осень листьями шуршит.
Осень с нами говорит:
- Доставай шарфы и шапки –
«Бархатный» сезон закрыт!

Осени рукой помашем,
Осени с тобой мы скажем:
- Ты – прекрасна, спору нет.
Любим твой шуршащий след!

Константин Полянский

*Выпускник Института космических и
информационных технологий СФУ*

Планета

Там, где нашел приют покой,
В далеком уголке Вселенной,
Одна, оставлена судьбой,
Дорогой, к свету проторенной,
Летит навстречу чудесам
И кружит, в платье звезд одета,
Любви планета и добра,
Большая светлая планета...
Не страшен ей зловещий дождь,
Метеоритами рожденный,
И не бросает ее в дрожь
Вид той дыры, зовут что черной...
И так летит сквозь бездну дней,
Пронзая световые лета,
Но стало только больше в ней
Того тепла, добра и света...
Зачем орбитой своей
Летит и вертит ось так нежно?
Затем, чтоб всякому на ней
Жилось легко и безмятежно!
Зачем среди светил небесных
Возникла гордой одиночкой,
Пожалуй, точно неизвестно.
Она – наш дом, известно точно!
Мы стали в доме том детьми,
Она же мамой нам родною,
С тех пор планета та людьми
Зовется матушкой Землею!

Все просто...

Не верь другим, поверь в себя,
Не бойся счастлив быть досрочно...
Ведь если будешь жить любя,
Жизнь расцветет любовью точно!

Не слушай басней лестных слов,
Как равно слов людей пристрастных,
Но будь прислушаться готов
К себе в момент минут ненастных...

Цени у жизни каждый миг,
Не проживешь его ты дважды...
Он превратится в жалкий блик,
И ты поймешь о том однажды....

Всегда с открытой будь душой,
Ведом будь мыслью только чистой...
И мир откроется большой,
Прекрасный, добрый, бескорыстный...

Не будь скупым, умей отдать,
Отдай всем тем, кому нужнее...
Иисус сказал, то надо знать:
«Рука дающих не скудеет...»

На зло ты злом не отвечай,
Знай, зло всегда ответа ищет...
Умнее будь и всех прощай!
Простив, душою станешь чище...

Люби людей вокруг себя,
В своих поступках следуй верно,
Тогда полюбят и тебя,
Ведь в мире все закономерно...

Поверь, все сбудутся мечты,
Мы в жизни все решаем сами...
Вот путь, который выбрал ты,
Ступай с хорошими делами!...

Нина Регнер

Студентка института фундаментальной биологии и биотехнологии. Пробовала писать стихи еще в первом-втором классе, но серьезно начала заниматься в 2014 году. Два года подряд являлась победителем поэтического конкурса «Спелая клюква».

Памяти моего отца

Здравствуй, папа! Здравствуй, милый!
Ты приходи ко мне в ночи,
Приди незримый, легкокрылый,
Ты – огонь моей свечи.

Обними меня за плечи,
Скажи мне что-нибудь в ответ,
Но не гаси церковной свечи,
Сохрани тот мягкий свет.

Побудь со мною хоть минуту,
Все позволь мне рассказать
И развеяй дневную смуту,
Обещай не покидать!

Эгоизм прошу простить!
Бывает просто тяжело,
Без тебя так сложно жить,
Без тебя вокруг темно.

Обниму твои я руки,
Поцелую нежно их
И заплачу я от муки,
Нас терзающей двоих...

Меня прошу простить
За этот дождь из карих глаз,
Прошу сильно не корить
В этот сокровенный час!

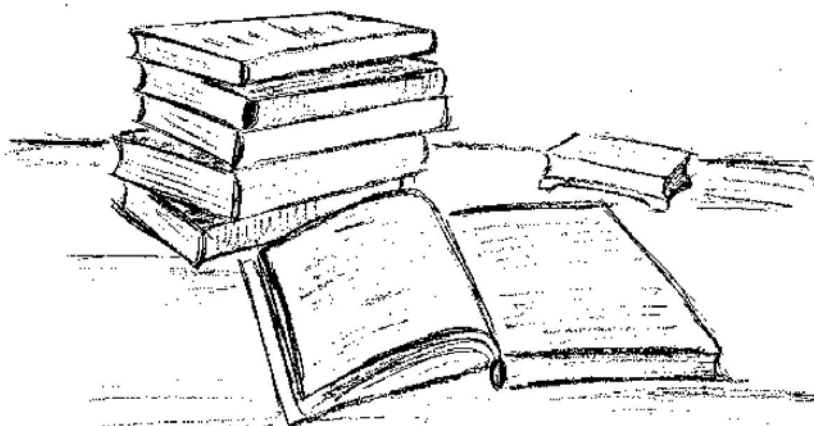
Моя Вселенная

Пряный запах страниц,
Нежный шорох листов...
Скрывают слова выражения лиц,
Избавляют слова от суетных оков.

Множество жизней наблюдали мы там,
Рождение видели, взирали на смерть,
Становились мудрыми не по летам,
Начинали порывисто, ярко гореть.

В разных эпохах мы побывали,
Смотрели назад и смотрели вперед,
О нравах былых много узнали,
Гадали, что грядущее нам принесет.

Вселенная – книга в руках.
Вселенная – в печатных словах.
Вселенная – шепот слов на губах.
Вселенная – в книгах, мечтах и во снах.

Раб

Спустись ко мне, о, жалкий верный раб,
Ниц пади передо мной,
Тогда и я паду перед тобой.
С тобой силен, с тобою слаб.

Над тобою безгранична моя власть,
Но ты свободнее свободных,
А я бесправнее плененных.
Перед тобой хочу упасть.

С тобой могу я делать, что хочу,
Но твой гордый взгляд не позволяет,
Мою волю забирает.
С тобой дышать я не могу.

Кто раб из нас, мне не понять.
Я, господин, бесправнее раба,
А ты, мой раб, в миру важней, чем я.
Нам этой тайны не узнать.

Памяти узников Освенцима

Из крематорских труб
Дым густой валил.
Уже не слышен шепот губ,
Что о спасении молил.

Песнь Освенцима была –
Дикий крик и жуткий стон,
А символ – мертвые тела
Без обряда похорон...

Кандалами содранная кожа
Саднить так сильно не могла,
Как душа, изорванная тоже,
Как в прах сожженные тела...

Как много братьев, сыновей,
Отцов, знакомых и друзей
Горстью пепла стали там,

Чужим подаренной ветрам.

Их огнем сначала жгли,
Словно зверю, ставили клеймо, –
Надевали кандалы,
Надевали рабское ярмо.

Люди смерти ожидали,
Как спасения от мук,
«Отче наш» тайком читали
Над кровью исхудалых рук.

И Свобода приходила
Чрез мучения и мрак.
Она людей освободила,
Водрузив над Рейхом флаг!

Но скольких семьи потеряли
В этих дьявольских стенах?
Как жены, матери рыдали,
Проводили ночи во слезах...

А нынче дым развеян, упокоен прах,
Вновь солнце светит над землей,
Но в сердцах вновь боль и страх
За это небо надо мной...

Милая, родная, на меня ты посмотри!
На могилу мне цветы ищи.
Милая, родная, ко мне ты подойди
И руку протяни!

Милая, родная, чего боишься ты?
Да, не осталось больше красоты...
Милая, родная, не бойся, подойди,
Принеси красивые цветы!

Милая, родная, почему ты не идешь?
Ты, может, для меня споешь?
Милая, родная, почему же плачешь ты?

Неужели о другом мечтала ты?

Милая, родная, понапрасну слез не лей,
Не будет здесь тебе теплей.
Милая, родная, ко мне ты обернись,
Хоть на секунду улыбнись!

Милая, родная, твои руки так теплы,
Много лет я жаждал это теплоты.
Милая, родная, открой глаза же ты,
Жажду их я темной красоты!

Милая, родная, прощаться нам пора.
Я на прощанье обниму тебя сперва.
Милая, родная, ты проснешься поутру,
На прощанье твои слезы я утру...

Посвящается Ерышеву В.

Рассыпалась песнь на осколки.
Голос дрожал, а не пел.
Я даже не трогала колки,
Но звон вдруг сорвался и полетел.

Я пела тогда про хмельное вино,
О какой-то дороге еще.
В голову что тогда мне взбрело?
Я пела еще и еще...

Сломаны «рамки», «оковы» разбиты.
Я ни о чем не жалею!
Наконец-то алеют ланиты!
Я теперь улыбаться умею...

На высоте сомнения опасны

*«Кто пробовал подняться вверх,
упал в ущелье, в глубину...».*
Ерышев В.А.

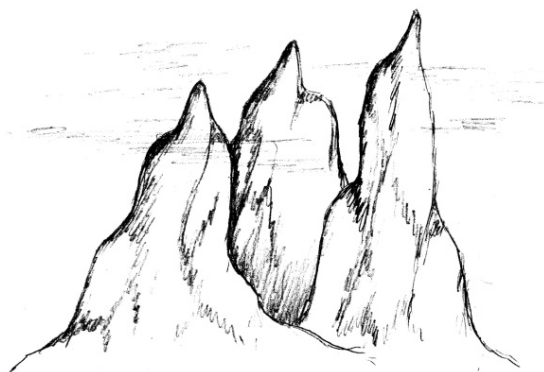
Высоты покоряются не всем,
Не все познали вкус полета.
Под гнетом была все, забот, проблем.
Пленяет всех несыгранная нота.

Но кто познал всю бренность мира,
Узнал: заботам нет конца,
Забыл про шум трактира –
Узрел в другом творца.

Затем пошел он вверх,
Себе он идеал отмерил сам,
Взлетел, как гордый белый стерх,
Вверяясь светлым небесам.

Не надо сомневаться ни в себе,
Ни в том, кто стал тебе святым,
Иначе мир сгорит в огне,
Сжигая в пепел все и в дым...

Высоты пробуя на вкус,
Падешь, рассеясь в прах,
Почувствуешь вины укус,
Вкушая собственный лишь страх...

Елизавета Русанова

Выпускница Красноярского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики. Активистка клуба.

*«Что о себе сказать могу?
Так все в стихах сокрыто.
И для желающих понять –
Та дверь
 в мой мир
 всегда открыта».*

Распад Души - Распад России!

Всё с иллюзорного экрана
Через картинку провела
Реклама – двигатель обмана.
Куда она нас привела?
Вещизмом стали одержимы
И управляемы во всем.
Нам в жизни вещь всему вершина!
За вещь стал человек рабом!
В ловушку мы попали крепко,
Системой сделали свой дом,
Мы существуем лишь для тела –
Вот смысл жизни. Только в чем? –
Неужто в имидже и в масках? –
Перед друг другом их сменять.
Мечтает каждый «жить как в сказке»,
За «сказку» всех готов продать!
На деле нищими остались:
Мы распродали все давно,
Россию продали и Душу,
Поверили в своё враньё.
И человек стал низким людом,
Люд не очнётся никогда!
Мы разучились с вами мыслить,
Что было главное всегда!
О, Человек, ты так несчастен,
Открой скорей свои глаза!
*Ты никому ведь не подвластен –
Незыблемый закон творца!*

К Свободе через Нравственность

Свобода – это Воли проявление,
Что в наше время очень редкое явление.
В системе существуем, что создали,
Тем самым мы себя и обуздали.

Из той системы выйти грубо невозможно.
С системы, что в себе, придётся нам начать.
Ведь притянули мы к себе себе подобное,
А, значит, каждому за это отвечать.

Из собственной системы выйти сложно
И тяжело будет многое признать:
Избавиться от страха, от иллюзии,
Принять действительность и ею жить начать.

Понять действительность, прочувствовав, возможно,
И отделить от плевел семена.
Я так скажу, нам только *нравственность* поможет
В нелегкие пустые времена.

Осколки

- Да. Они разбиты...
Будто на мелкие кусочки растащили.
Мы, изуродовав себя, про все забыли.
Их искажёнными уже преподнесли.

Кого-то могут вовсе не коснуться,
Уснувших не пробудят ото сна.
И тот, кто к тем осколкам прикоснулся,
Уже заснуть не сможет никогда.

В Душе моей обида затаилась.
Осколком тем поранило меня,
Но, собирая те осколки воедино,
Осколки – знания,
Я познаю себя.

Белая ворона

Вороной белою меня не назовёшь.
Цвет чёрным был, таким его создали.
Окрас таков
И образ якобы таков,
Чтобы другие, вы, его признали.
Ну, а теперь мне стало все равно,
Увидев страшное, нестрашно в одиночку.
И образ белым стал,
И рядом никого...
И стаю чёрную увижу я, как точку.

Исповедь

Жизнь моя, прости меня, я не знала, что творила.
Уж не вспомнить, как давно слепоте дверь отворила.
Прости, Матушка-Земля, к разрушенью я причастна.
И, Отец, прости меня, себя губим ежечасно.
Пусть простит меня семья за обиды и невзгоды,
Да простят меня друзья за потраченные годы.
Пусть простит меня и тот, кого словом я задела,
Да простит меня другой, кого я задела делом.
Все, кто в жизни есть моей, был и тот, кто еще будет,
Пусть простит меня за все, остальное жизнь рассудит.

Простые истины

Из чувства долга помогаем,
Мы помогаем от вины,
От жалости помочь готовы,
Вот про Любовь забыли мы.
И наше же *высокомерие*
Не даст се истину признать –
Ведь в том его предназначение,
Чтоб осудить и оправдать.
Простые истины,
Но сложно нам отчего-то их признать.
И единицы, кто способен через себя все поменять.

Быть

Да растворится в Свете Тьма
Быстрее взмаха тех ресниц,
Кто позабыл, но Свято Верил
В живое счастье новых лиц.

Соприкоснется он с Землею
И вновь с собой соединится.
Единым станет всё земное,
Теплом от Солнца отразится.

Отныне каждый новый день
Творением называться будет!
И, возродившись, Человек
Всё спящее вокруг разбудит!

И Женщина Любовь вернет,
И с ней Мужчина возвратится.
И то, что было лишь Мечтой,
В их продолжении случится.

Вчерашнее сегодня

Сегодня я вчерашнюю себя не понимаю.
Откуда тяга встречи с пустотой?
С вопросом и ответ, я это знаю.
Назад дороги нет,
Я устремлюсь вперед.

Вчерашняя иллюзия разрушена сегодня.
Внутри, не передать словами, –
Пустота...
Ах, как хотелось просто понимания,
Ах, как хотелось – с чистого листа.

В печали пребывая, осознаю,
Увы, но путь теперь мой одиноч...
Бояться больше нечего, я знаю:
Вчерашнее сегодня – мне урок!

Жить

Жить. Но не мнимо. Не бояться.
Стать человеком. Не сдаваться.
Событиям в угоду себя не предавать,
Тем самым свою волю в себе же воспитать.

Страшной БЕССМЫСЛЕНИЦЫ – разрушенья след,
Когда вернет назад, туда, где жизни нет.
Смерть не страшна, ее ведь вовсе нету.
Страшнее мёртвым жить, что очень может быть.

*Трудна задача, да выполняема –
Быть человеком, но не мнимо.*

Истина

И снова заблудился человек.
И я шагаю, будто бы во мгле ночной...
Все это проходил ты, человек!
Увы, не помним прошлого порой.

И мне казалась общемою задача,
Но нет, она у каждого своя:
Один здесь бедный, а другой там, побогаче,
Тут разделение,
И каждый за себя...

Уроки разные нам предстоит пройти,
Дороги разные и разное движение.
Время тяжелое, легко сойти с пути.
Подмена нравственности – все для поражения!

Лишь тот, кто чувствовать еще способен,
Сумеет отделить от плевел семена,
Взрастив Любовь в себе и к Свету устремление,
Познаешь истину – она для всех одна.

Пусть каждый поразмыслит, в чем она.

Исцеление Души

Очищается Душа.
После боль уходит.
И на смену буре чувств спокойствие приходит.
Что страдания таишь?
Выпусти, раскройся.
Все обиды отпусти, новому откройся.

Знаю, жаждешь ты летать, не пускает тяга.
Я терпение могу дать, и уйдет надсада.
 Попрошу тебя теперь, просто успокойся,
Просыпается Любовь,
Ничего не бойся.

К жизни

Для тебя, жизнь, сделаю все.
Не позволю лишь падения низкого,
Если я, заблудившись в ночи,
Потеряю, казалось бы, близкое.

Я к тебе, жизнь, тихо иду,
Незаметно для смерти шагаю.
И беспомощны станут сомнения,
Когда сердцем тебя выбираю.

Луна

Такая полная, прекрасная луна.
Ну, отчего ты так печальна и тревожна?
Бессонными ночами наблюдаю,
Как бесконечная печаль твоя возможна.
Мне даже кажется порой, что я и ты,
Как две сестрицы мы с тобой, похоже.
Ты отражаешь грусть мою,
И я
Твоей печали отражение тоже.

Мы видим мир через себя

Одни враги вокруг тебя,
От страха ходишь ты с оружием.
Мы видим мир через себя – все, что внутри, уйдёт наружу.
Что миру можем предложить? Мы что в себя вложили?
И получаем мы в ответ все то, что заслужили.

Несправедливым кажется? Внимательней смотри,
Если в себе уже не видишь, на других взгляни.
Что, вызывает отвращение?
А ты благодари.
Твою же суть тебе и открывают – давай, вблизи смотри!

Сумей простить себя, принять
И на ступень взойти.
Мы видим мир через себя.
Всем доброго пути!

Мыслю

Все рукотворное вокруг и неживое.
Как ясно мне, что все должно иначе быть...
И если время проходили мы такое,
Чего нельзя нам снова совершить?

Раз было ты божественным, Начало,
Чего ж тогда занехватало, что человеку скучно стало?
Первоначально что утратил человек?
Потери делятся сотни лет...

Вокруг последствия видны,
И это мы тому начало.
Ответьте, кто-нибудь тогда,
Чего же нам занехватало!?

А, может быть,
столь низкое падение
лишь для того, чтоб выбор каждый сделал сам...?

Спор суть безликих

- В споре рождается истина!

- В споре рождается спор.
Ругань, вранье и раздор.
Разве возможно, чтоб истина
В криках рождалась бессмысленных?

Разве возможно, чтоб искренность,
Добрая, чистая искренность,
В грязь превратилась неистово,
В споре запачкавшись истины?

В споре покажется суть,
Каждого спорщика суть.
Лишь бы увидеть им суть,
В сути сокрыты их истины.

Внутренняя сила

Владей собой, держи удар.
Со всех сторон нападки!
Все это создано тобой,
Винить других напрасно.
Плохое слово пропусти, в себя не принимай,
Тем паче, злом на зло другим не отвечай.
Судить других – себя судить,
Ты лучше помоги, если почуял,
Что другой запутался в пути.
Равны мы все между собой,
Разнится лишь сознание.
Чужой беспочвенный навет?
Не обращай внимания.

Марфа Руцкая

Магистрант Института педагогики, психологии и социологии СФУ

Верь

Верь: ты же знаешь, если нужно –
Росток пробьётся сквозь асфальт,
И птица вырвется из клетки,
И душу нам не удержать.

Всему в природе свой черёд,
Ты подожди – наступит в срок:
То, что взлелеял в глубине,
Однажды постучит к тебе.

Давайте урегулируем дружбу!..

Давайте
урегулируем
дружбу!

Создадим
нормы
права

Такие,
чтобы она
стала

Бесценнейшей
отраслью,
правда!..

Санкции
предусмотрим

за то,

Что
с другими
пошёл в кино,

И поощрение
за приглашение
на День рождения!

Метод диспозитивный
выберем-ка
для дружбы,

И пусть
стороны
оговаривают в соглашении,

Что
каждому
нужно.

Пусть не будет
в дружбе
пробелов –

Урегулируем всё мы:
звонки, всевозможные лайки
и даже ретрообщение
по домашнему телефону,

Сообщения в Интернете,
походы друг к другу
в гости,

Прогулки по улице где-то,
разные вписки
или поездку в Сочи.

Чёткие
нормы права,
ясные институты –

Вот и готова наша
отрасль права,
про дружбу.

Жалко
одно лишь,
френды:

Дружба,
она, по правде,
на эти стихи похожа:

Нет в ней
ни ярких рифм,
ни изящных метафор...

Добавьте
друг друга в друзья –
в реальности, не на сайте.

Амели

Амели жила на Монмартре.
Амели вмешивалась в чужие жизни.
Амели терпеть не могла ни дальние поезда, ни электрички.
Амели пила яблочный сок по утрам.
Амели вечерами смотрела в окно, дождь слушала.
Амели знала, что у кого на ужин.
Амели служила катализатором чужого счастья, привычек.
Амели разрешений не спрашивала.
Амели чужое горе сглаживала.

Амели неожиданно состарилась и умерла рано,
У неё в кармане нашли билет старый до Тимбукту
И чайную ложку, которой размешивал кофе тот,
Кто в «Две мельницы» никогда больше не придёт, тот,
Кто сахарные песчинки со стола пальцем не соберёт.
Тот.

P.S. Амели, по правде, трусихой была
И на риск – сама – никогда не шла.

Альтернативное. Для подстановки слов

Я на него смотрела во все глаза.
Я его обводила мелом.
Криминалистика, все дела...

В ящиках – нормативка, «Кысь», Полозкова.
Ты – пьяный вусмерть. Тебе нет покоя.
- Что ты там делал на выходных?

- ...

- Неужели? Чего же тогда притих?

- ...

- Ну, давай, издевайся: соль – на рану, режь по
живому!

- ...

- Нет, правда. Ты послушай меня, чужую,
И хоть раз попробуй понять.
Нет, я тебя не ревную...
Но сколько же можно вот так ***ть?!

Пробуждение Галатеи

Сердце пропускает удар,
Лёгкие забывают про вдох:
Наедине с мечтой –
Я её в реальность облёк.

У неё теперь цвет и вкус,
Есть и запах, и нагота...
Я тянусь к ней рукой, но, честно,
Страшно не было так никогда.

Эфемерная и далёкая –
Я к такой к ней привык, пойми...
То, что рядом – дикое и глубокое –
Не похоже, как ни крути.

Может, это мне всё просто кажется?
И ведь здесь всё родное, что ждал.
Ты прости, близкая и прекрасная,
Что страх льдами меня сковал.

Евгений Рычков

Выпускник Института инженерной физики и радиоэлектроники СФУ

Читая на французском между строк

Em
Искали, быстро нашли
Am6 C
И осознали в то же утро:
D
Так долго блуждали в пути,
G C B7
А все случайно вышло будто.
Em
С тех пор мы вместе могли
Am6
Пройти сквозь рой листвы и снега.
D
Отсюда так просто уйти,
Em C
Но день за днем мы вместе в комьях снега.
D

Припев

D G Em Am6 D
Я исчезаю в солнечных надеждах.
G Hm C D
Так много скверов вдоль и поперек...
G Em Am D
Порой мы продлеваем дни в моих снах,
Em G C D
Читая на французском между строк.

G Em
Am D

Em7
 Тулуза, Москва и Париж,
 Am6
 Молчит единственный прохожий
 Dsus4
 Про то, как в сумраке крыш
 G5 C B7
 Нас вечер ждет, такой хороший.
 Но вскоре мы вместе смогли
 Плевать на то, когда мы рядом,
 Так близко, и перед сном
 Ты смотришь на меня холодным взглядом.

Припев

То близко, то так далеко
 Звезда, что нам приносит счастье,
 Шепчет порой про него,
 Ведет сквозь радость и ненастье.

Припев

D G Em Am6 D
 Я исчезаю в солнечных надеждах.
 G Em Am6 D
 Так много скверов вдоль и поперек...
 G Em7 C D
 Порой мы продлеваем дни в моих снах,
 Em G C D
 Читая на французском между строк.

G Em

Финал
 Am D G E
 Am D Am D
 Emadd9 G

Эти истории

Первый радиоприемник, антенные системы.
И вот уже паяешь свои первые схемы.
Первый сданный зачет, доклад в универе близком,
Выходит в публикацию статья на английском.
Конференция со статусом Всероссийским,
Провода и паяльник станут впредь чем-то близким.
Впредь ты шпрехаешь с учеными на чистом английском,
Собирая платы, схемы в местном Олимпийском.

Принев

F#m Bm E Amaj7
Эти истории – это не игрушки,
F#m Bm E D C#maj7
Они свершают жизнь твою.
F#m Bm E Amaj7
Из мелких сюжетов где-то на верхушке
F#m Bm Dsus2 E
Твердо строй свою мечту,

D
Ведь время за тобой, стекая каплями с обрыва,
C#maj7 E
Ведет туда, где ты поймешь – в твоём
F#m
движении сила.

Bm E Amaj7

Истории, истории...
Где-то на уроке истории,
Физики, радиотехники проходит твое время.
Стоп! Ты хочешь мне сказать,
что ты пашешь в неактуальной теме?
Я думаю, просто дело лично в твоей системе.
Каждый день я наблюдаю отлаженную схему,
В ней исходы дня сплетают цельную систему,
Цепь за цепью формируют досуг и привычки –
Наблюдаешь свой рост, вновь и вновь читая книжки.
Новый шаг, пара фраз – в этом новый смысл.
А от скольких людей по жизни ты уже зависел?
Часто ли делал добро картой Инфинити,

На которой написан твой нейм, не Тимати...
 Истории случаются, что-то получается,
 Когда не получается, а чего не случается?
 Часто люди врут?
 Часто лишним был твой труд?
 Вроде подвела судьба, нечеткость планов...? ...Или Брут?
 Качнем твои истории, ведь в них источник мысли.
 Ты сегодня загнан в угол? Или полон жизни?
 Как прошли диалоги, чего нового?
 Говорят ли, что по жизни ты берешь сильно дорого?

Я беру еще дороже.
 Цели, вроде бы, похожи
 На твои,
 Но точно без воды.
 Беру сюжеты внутри себя.
 Мне есть, что сказать,
 Стараюсь людям больше дать
 и получается...
 Время б на другое не терять.

Припев

F#m Bm E Amaj7
 Эти истории – это не игрушки,
 F#m Bm E D C#maj7
 Они свершают жизнь твою.
 F#m Bm E Amaj7
 Из мелких сюжетов где-то на верхушке
 F#m Bm Dsus2 E
 Твердо строй свою судьбу.

D
 Ведь время за тобой, стекая каплями с обрыва,
 C#maj7 E
 Ведет туда, где ты поймешь – в твоём
 F#m
 движении сила.

F#m Bm E A
 F#m Bm E C#maj7 F#

Анастасия Сильвестрова

Выпускница Института филологии и языковой коммуникации СФУ.

Гамлет

Усталость.
И море ко мне
не приходит,
как я ни зову.
Вечерами
не стонет волна
за окном
и не шепчутся
дюны,
песок осыпая
под легкими ветра
шагами.

Под досками пирса
бессонный
прибой не играет
камнями,
стирая углы
и различия,
до глади зеркальной
не точит
зеленые стекла.
И звезды не тонут,
сорвавшись,
в своих отражениях.

И чайки минуют
мой берег,
не плачут,
не кличут друг друга.
На ряби качаясь,
не дремлют

И перьев из крыл
не роняют
на ветер.
И путь не следят
кораблей,
проплывающих мимо.

Смешаться бы
с пухом семян
невесомых
осенней травы.
Затеряться бы
в трещинах скал,
дожидаясь
дождя и рассвета.
Забиться
неведения сном
и до срока
не помнить себя.

Пророк

Нижется бисер,
Плетется судьба.
Тонким узором –
Где узел, где два.

На перекрестке
Сотен дорог
Ветра заблудились, –
Никто не помог.

Злое проклятье –
Пророческий дар,
Если свободу
Даритель украл.

Нижется бисер,
Плетется судьба,
Так и сижу здесь, –
Не год и не два.

Целую вечность

Спору с судьбой.
Высится крепость
Могильной плитой.

День избавленья
Скрывает туман,
Жизнь ясновидца
Известна богам.

Сам не пытайся
Проникнуть за грань.
Ложной надеждой
Сердца не рань.

Слышен ночами
Голос тоски, —
Кличут ветра,
Заблудившись в степи.

Мне бы взлететь
В предрассветный туман.
Крылья расправить
Озябшим ветрам.

В сумраке зимнем
Увижу звезду.
В небо заветную
Тропку найду.

Крылья взметнутся,
Свободу даря.
А за спиною
Взовьется заря.

Пламенным стягом
Встретив весну,
Ветры порвут
Мою злую судьбу.

Прочь от порога
В тихий рассвет
Страж мой растерян, —
Меня уже нет...

Анастасия Спирина

*Выпускница Института естественных и гуманитарных наук СФУ.
Увлекается фотографией, Web-дизайном, бисероплетением, игрой на
гитаре и жонглированием.*

Время

Насколько ты счастлив – откроет лишь время.
Насколько велик – знают только века.
Насколько тяжёлым является бремя –
Прошепчет лишь позже время-река.

Насколько удачлив – расскажут секунды.
Насколько всё важно – покажут года.
О, как же растянуты эти минуты,
Когда ждёшь решающего звонка.

Лишь годы откроют всю истинность дружбы.
И как далеко – заключается в днях.
Ведь время всегда на посту этой службы:
Мерило всему во всех плоскостях.

Закрой глаза и снова погрузись
В ту музыку, что прочь тебя уносит.
И пусть твоя душа так рвётся ввысь,
Давно она уже полёта просит.

Там нет тяжёлых дум, хлопот,
Там только ритм и безмятежность.
Пусть уносит от забот
Туда, где всё ещё царит безбрежность.

Казалось бы, всего семь нот,
Ну, и ещё октав там пара.
А ведь выходит иногда полёт,
Который увлечёт тебя на славу.

В ней радость, счастье и печаль,

В ней всё, что меж друзьями и врагами,
В ней будто жизнь, несущаяся вдаль,
Которую не передать словами.

Пускай мелодия не длится вечно.
Поставь её ты на повтор.
Ответ найдётся на вопрос извечный:
Для мыслей в ней всегда простор.

Включу я в плеере любимый список
И буду ждать сюжета поворот,
Переплетенья стилей, стиля, что мне близок...
Ну, всё, ребята, я – на взлёт.

Просто...

Просто звук и просто лишь слово...
Просто ты говоришь невпопад...
Просто всё тут вокруг незнакомо...
И в душе просто что-то не так...

Просто снова на улице тучи...
Просто где-то снова печаль...
Просто ты кем-то снова измучен...
И уж просто тебе всё не жаль...

Просто ты не сказал мне всё прямо...
Просто я промолчала в ответ...
Просто мы разошлись слишком рано...
Просто нас уже вместе и нет...

Просто сдаться на линии старта,
Но непросто до цели дойти.
Столько «просто» всегда будет завтра...
С ними сложно дорогу найти.

Мы соблазнов встретим немало,
Чтоб сказать кому-то: «Просто ... прости».
Но во что бы судьба ни играла,
Очень просто без «Просто» пройти.

Если долго к чему-то стремиться,
Можно просто стереть ноги в кровь,
Но зато будет то, чем гордиться
Будешь вновь, вновь и вновь...

Нужно просто в себя лишь поверить
И стремиться все дальше к мечте.
Только карты свои все ж проверить,
Чтоб не выбрать маршруты не те.

Путь тернист и порою нелёгок,
Но, оставшись на нем, победишь!
Только так, подкопивши силёнок,
Ты вершину свою покоришь.

И, взобравшись на эту вершину
И достигнув того, что желал,
Ты покажешь огромному миру,
Что добрался и что не упал.

Тишина. Один в пустой квартире.
Лишь слышно, как ухукает сова.
Знаю я, что в целом мире
Тишины есть острова.

В этом океане жизни,
Путешествуя, порой
Островов встречаем много,
Заселённых тишиной.

Тишина, она такая,
Хочешь – верь, а хочешь – нет:
Есть бездонная глухая,
Есть и та, что дарит свет.

Тишина, что нас оберегает,
Счастье охраняя от чужих.
Но, бывает, иногда она пугает,

Если долго окружает нас самих.

А бывает та, что перед бурей,
Или та, что сон наш стережёт.
Но и та, которую от пули
На войне кому-то вечный сон несёт.

Кто-то ищет в ней уединенье,
Кто-то ищет просто в ней мотив,
А кому-то она – знак прощенья
После слишком затянувшихся обид.

Тишина быть может ложной,
Но никогда она не предаёт.
И порой в задаче очень сложной
К нужному решению приведёт.

Много в ней находят люди,
Но и многое в ней можно потерять.
Надо знать – когда, зачем, какую
Тишину в свой мир впускать.

Время течёт, словно вода,
Сквозь пальцы, увы, утекая.
Можно сказать, что это река...
Река без конца и без края.

Много порогов, как много обид...
В жизни мы их собираем.
Груз сей, который нас тормозит,
Всегда за собой мы таскаем.

Нужно простить и отпустить
Всё то, что нас обижает.
И дальше под парусом с лёгкостью плыть
По жизни, что вдаль убегает.

Всё, что обиду в себе несло,
Пусть будет хорошим уроком.
То, что было, давно уж прошло.
Забывать пора за давностью срока.

Крепче стали мы только стали –
Неудачи нас всех закаляли.
Нет причины такой, чтобы сдаться,
И есть силы всегда, чтоб подняться.

Чтоб унынью в пути не поддаться,
Нужно стремиться и добиваться.
И, за шагом вновь сделав шаг,
Ты поймёшь, что унынье – твой враг.

Нас миллионы, каждый стремится,
Но добиваются лишь единицы.
Силу характера ты прояви,
Всех, в том числе и себя, удиви.

Будут паденья, будут и взлёты,
Будет в душе ощущение полёта,
Будут преграды всегда впереди.
Веру в себя только ты сохрани.

Тот, кто умеет бороться, сражаться,
Способен всегда своего добиваться.
И даже когда очень хочется сдаться,
Не отступай, продолжай... Сражаться.

И снова боль. И от неё уж не сбежать.
С ней можно только лишь смириться.
Её преодолев, себя чуток познать
И, может быть, немного удивиться...

Той силе, что внутри заключена,
Что не даёт нам снова сдаться.
Той силе, что всегда, поверь, всегда
С колен нам помогает подниматься.

И пусть покажется на первый взгляд,
Что это всё непреодолимо.
Поверь внутри, поверь в себя...

И всё тогда плохое пройдёт мимо.

Не выдержав тот яркий свет,
Что окружает тебя силой,
Уйдет и боль внутри тебя,
Которая казалась столь невыносимой.

Мокрый асфальт. Дождь целый день.
Вот и становится всё холодней.
Скоро придёт время новой поры,
Скоро настанет время зимы.

День стал короче. И снег под окном.
Праздников уйма. Гуляем и пьём.
Чаем горячим мы спасены.
Все в ожидании прихода весны.

Солнышко светит. И тает весь снег.
К лету вокруг начинается бег.
Всё просыпается и всё цветёт.
Ну, а работник уж отпуск свой ждёт.

Зелень вокруг. Красок полный набор.
Снова жара, и пустует наш дом –
Все на природе. Забыв про ключи,
Осень тихонечко в дверь к нам стучит.

Яркие краски. Туманные дни.
Осени этой часы сочтены.
Ливень и ветер прохладой полны.
Все в предвкушении волшебной зимы.

Мокрый асфальт. Снег под окном.
Солнышко светит. И зелень кругом.
И не заметен здесь времени бег:
Круг сей годичный из века в век.

Анна Тихомирова

*Студентка Политехнического института СФУ.
В школьные годы увлекалась балльными танцами,
шахматами, легкой атлетикой, баскетболом,
сноубордингом и пр.*

Постоянно могли улыбаться,
Невзирая на мира невзгоды,
Нам хотелось только смеяться
И плевать на непогоду.

Растворившись в твоих я объятьях,
Не могла о большем мечтать,
Вот надеть бы мне белое платье
И еще вот так постоять.

Бабуле

Я боюсь забыть твой голос,
Что был усладой для ушей моих всегда,
Его я слышать каждый день была готова,
Была готова отложить свои дела.

Ты согревала всех своей заботой,
Могла окутать всю семью теплом,
Ты дорожила нами, не работой,
Ее откладывая часто на потом.

А если, потеряв надежду,
Я путалась на выбранном пути,
Могла ты приобнять за плечи нежно
И подсказать, куда же мне идти.

Как жаль, что редко мы встречались,
Так мало виделись с тобой
И так поспешно попрощались,
Лишь напоследок помахав рукой.

Не будет больше аромата пышек,
Которые ты делала для нас
Твой дом стал, безусловно, тише,
Ничто уже не радует там глаз.

И не приеду я в июле,
Не будет той уж простоты,
Лишь верю в то, что ты и наш дедуля
Познали, наконец, мир красоты.

Евгений Топорков

«Я не рассчитываю на признание меня профессиональным поэтом, но рад, что у меня есть этот скромный дар, позволяющий глубже понять и принять окружающий мир, делиться своими открытиями с близкими и друзьями».

Читателям альманаха «Высокий берег» Евгений Топорков знаком как один из авторов предыдущих сборников. Сегодня мы публикуем его новые стихи.

Из цикла «Разговор с поэтами»

Андрею Дементьеву

*«Никогда ни о чем не жалеите вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить».*
А. Дементьев

Ну а я всё жалею вчерашнее утро.
И тебя что в печали оставил тогда.
Как невидимым неводом грустью опутан.
Мне из прошлых времён всё мерцает звезда.

Но а я исправляю всю жизнь по иному.
Не пытаюсь ошибки свои повторить.
Только мысли ведут вновь к снесённому дому,
и не рвётся из прошлого тонкая нить...

Где то флейта играет невидимым стоном.
С тех далёких времён этот звук принесён.
Для меня эта встреча со старым знакомым,
и я вновь забываюсь о чём-то своём...

Я жалею опять, тех кто жили когда-то.
Ведь для памяти нет крепостей и преград.
И смотрю снова в прошлое, взгляд виноватый.
Будто в том что случилось, лишь я виноват...

Ольге Берггольц

*«И даже тем, кто всё хотел бы сгладить
В зеркальной робкой памяти людей,
Не дам забыть, как падал ленинградец
На жёлтый снег пустынных площадей».*
О. Берггольц

Река вмерзала в берега
И мёрзли руки и слога.
Мы избегали длинных фраз,
И падал шедший среди нас...

Им,
Жившим там,
Средь века злого,
Среди лунов и поэтесс,
Когда хвалили рулевого,
И возносили до небес.
Была знакома и любима
Её печальная строка.
И ей внимала в эти зимы
В стократ промёрзшая река.
И ей, колючей, неудобной,
С терновой поступью судьбы
Не стать ни мрачною,
Ни злобной
Мадонной скорбною с Невы.
А ей, оплакивать ушедших,
И ей, живых боготворить,
Воспеть их в днях,
Давно прошедших,
Кто и в тех днях пытался жить.
Пытался жить, опровергая,
Потуги злобного зверья,
Когда сомкнувшись,
Злая стая
Терзала город Октября.

Владимиру Маяковскому. Крошка сын...

Крошка сын к отцу пришёл,
И сказал со вздохом:
Если очень хорошо,
Значит, будет плохо.

Если добрый – будешь бит.
Щедрый – значит, беден.
Отодвинут от корыт,
«Добрые соседи».

Если нет совсем дождя,
Это очень плохо.
Дверь закройте, уходя,
Вдруг войдёт пройдоха?

Благороден всякий труд,
За который платят.
Сон, в котором обкрадут, –
Точно он к зарплате.

От ворон скорей бежать,
Голубей разгоним.
Эти могут заклевать –
С прочими я воин.

Я не буду о свинье
Говорить плохое,
Потому что сам вполне
Мог творить такое.

Крошка сын к отцу пришёл,
Что уже неплохо.
Будем делать хорошо,
Не сдержал тот вздоха.

Ну, а там, как повезёт.
Жизнь не без подвоха.
Будем делать хорошо.
И не будем плохо.

Михаилу Лермонтову

*«Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признаний и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.
Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило, за гробом, свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали...»*
М.Лермонтов

Когда, подверженный гордыне,
Ее смог черту преступить,
И в одиночестве отныне,
Как в келье, продолжаешь жить.

Когда под грузом эгоизма
Весы избрали нелюбовь,
Когда не свадьбою, а тризной
Маячит будущего новь.

И вот теперь холодным током,
Кровь загустевшая плывёт.
Лишь где-то в памяти глубоко
Печаль неясная гнетёт.

И ты смиренно и устало
Ещё чуть вспомнишь в забытии
Той встречи чудное начало,
Что не решилось в дом войти.

Александру Блоку. Всё повторится...

*«Умрешь – начнёшь опять сначала
и повторится всё, как встарь...»*
А.Блок.

И пусть душа по свету бродит –
Я тут останусь, сир и нищ,
Пронзён пенькою корневищ
И растворён земною плотью.
Падут от времени кресты,

Бурьяном память заровняет.
А мир рождаться не устанет,
Его движения просты.
И кто-то, будущность раскрыв,
Опять воскликнет: «Бедный Йорик!».
То археолог иль историк,
Или из более простых.
И пусть душа по свету бродит
В неугомонном бытие,
Наш разговор наедине
Меж ней и мною происходит.

Иосифу Бродскому

*«Больше некуда мне поспешать
за бедой, за сердечной свободой.
Остается смотреть и дышать
молчаливой, холодной природой».*
И. Бродский

У меня иные убеждения.
А бывает, убеждений нет.
У него те клятые сомнения.
У меня всё тот же полусвет.
И бегут куда-то дни осенние,
Посвящу, пожалуй, им сонет.
У меня сегодня к строчкам рвение,
Но смущает звание – поэт.
И споткнувшись в перекличке времени,
Забреду незнаемо куда...
Без породы, шатии и племени,
Не оставив чёткого следа.
У меня иные убеждения.
Иногда мне кажется, их нет.
Гложет ночью клятое сомнение,
Полутень бросает полусвет.

Коты и цветы

Прекрасно уживаются на воле
Коты, цветы и всякая трава.
Но если поселить их вместе в доме,
То у жильцов распухнет голова.

К цветам претензий нет, они милы,
Растут, цветут, благоуханьем манят.
Все дерзости с противной стороны,
Котов цветочный запах одурманит!!!

И пусть дружны мы были меж собою:
Когда летят горшочки и кашпо,
И на полу лежит земля в три слоя,
То время для скандала подошло.

Надоел. Возьмём другого.
И решили отвезти,
Чтоб найти не смог до дома
Он короткого пути.

Всю обратную дорогу,
Было стыдно мне и зло.
Было лето на пороге,
Так что зверю повезло.

Он найдёт чем поживиться,
И в полях, или в лесу.
Убаюкивал я совесть,
Замораживал слезу.

Время шло. Уснула совесть.
Мысли новые нашлись.
И с котом, где цвета помесь,
Наши судьбы разошлись.

Но однажды возле дома,
Некрасивый, но живой
Кот смотрел укорным взором:
«Я пришёл к себе домой».

Голубиная почта

Я ушёл с земли до срока,
Породнившийся с землёй.
А душа, взлетев высоко,
Схрон оставила сырой.

То ли пуля, да не мимо,
Чай, не дрогнула рука,
Моё сердце прострелила.
Мир закрыли облака.

Голубь, голубь. Голубь белый!
Ты рождён не для войны.
Перед ворогом несмелый,
Виноватый без вины.

А война ушла на запад,
Похоронка – на восток.
Жизнь моя в когтистых лапах,
И спасёт ли образок?

Та война седою стала,
Столько лет покоя нет.
Голубей пугливых стаи,
Сорок первого привет.

Мы лежим в болотах Ворсклы.
Нас находят, да не всех.
Только тут во тьме промозглой
Нет у памяти прорех.

Моё маленькое небо

«Мы на земле живём нелепо».
А. Дементьев.

Пусть на земле порой нелепо.
Куда стремимся? Жизнь корим.
А это маленькое небо –
Как мне порой уютно с ним.
Я верю в чары строчек слепо,

Как по тропе бегу по ним.
А там, где маленькое небо,
Для всех невидимый мой нимб.
Когда совсем, не понарошку
Душа поманит в небеса,
Давай присядем на дорожку,
И поглядим глаза в глаза.
Пусть на земле порой нелепо,
Знай, этот путь неповторим.
А моё маленькое небо
Меня навек сочтёт своим.
Я верю в будущее слепо,
И в то, что следует за ним.
Там будет что-то вроде лета,
А может, что-то вроде зим.
И пусть я прожил жизнь нелепо,
От всех напастей не храним.
Лишь верил в чары строчек слепо,
Как за клубком бежал по ним.

Взросление

Уже смирившись с собственным взрослением,
Чуть сожалея призрачную даль,
Мне жаль иных в их детском нетерпении,
Скорей взрослеть, не видя в том печаль.

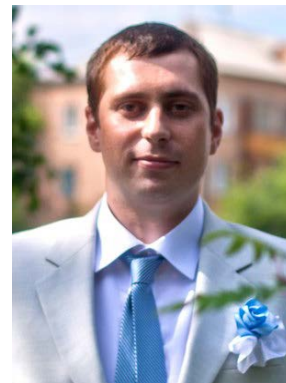
Проходит всё. И мне с дороги пройденной
Ещё смотреть в туманное вчера.
Там было краше лето моей родины,
Где вечера продлялись до утра.

Вот год прошёл. И снова день рождения.
И я молю. Пусть время обождёт.
Но у времён есть свойство нетерпения,
А год былой назад к нам не придёт.

Уже смирившись с собственным взрослением,
Чуть сожалея призрачную даль,
Мне жаль иных в их детском нетерпении
Скорей взрослеть, не видя в том печаль.

Максим Федотов

Выпускник Института инженерной физики и радиоэлектроники СФУ

Малыш

Dm7 G7 C Am
Ты знаешь, в жизни бывает всякое-всякое.
Dm7 E Am A7
Она не стоит на одном месте,
Dm7 G7 C Am
И ситуации бывают разные-разные
Dm7 E Am
В мотиве всего одной песни.

У меня много работы, много работы.
Я на работе с утра и до позднего вечера.
И твои заботы – не мои заботы:
Наберешь – я тебе не отвечу.

Я к тебе бегу, мой малыш, мой малыш,
Выполнить все то, что обещал.
Я к тебе бегу, ты меня услышь, малыш,
Прости, что так давно не отвечал,
Прости, что так давно не отвечал.

Мне наплевать на твою мать и на тебя,
И ты мне не нужен был совсем-совсем.
Мне снились женщины, вино, теплые края.
Я улетел ровно в семь, ровно в семь.

Я все осознал, мой малыш, мой малыш,
Ты уже совсем взрослый стал.
Я к тебе лечу, ты меня услышь, мой малыш,
Прости, что так давно не отвечал,
Прости, что так давно не отвечал.

Я не хотел уходить, уходить.
Я так тебя любил и люблю, люблю,
Но оборвалась жизни тонкая нить,
Прервав улыбку мою.

Я буду вечно с тобой, мой малыш, мой малыш,
Хотя не выполнить все то, что обещал.
Помни меня, помни меня, мой малыш, мой малыш!
Прости, уже не отвечал,
Прости, уже не отвечал.

Принцесса на помидорке

Света луч проскользнет тихонько,
Тихо ляжет к тебе на полку,
И уснет наш сынок Егорка,
Обнимая игрушку – лёвку.

Ты посмотришь глазами нежно,
Я забуду про все на свете,
Моя нежная королева
Украдет меня безмятежно.

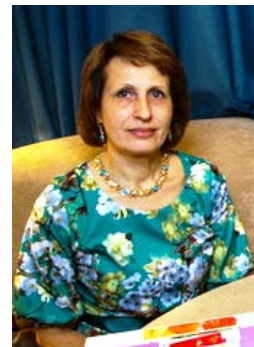
Тихим мраморным скрежетом спальни
Захрустит за окнами холод.
Помидор раздавили в кровати,
Утоляя свой нравственный голод.

И наутро, проснувшись вместе,
Обнимая друг друга долго:
«Я люблю мою королеву», –
Прошептал я на ушко робко.

Я спасибо сказать тебе должен
За тебя, за жизнь сына Егорки,
Моя нежная королева,
Моя принцесса на помидорке.

Лилия Федяева

Выпускница КГУ. Активистка клуба, творческий человек и мастерица на все руки. Любит природу, путешествовать и, конечно, писать стихи.

Кот и Новый год

Мы с котом на Новый год наряжали ёлку:
Вешали шары и дождь, только мало толку.
Вдруг звезда скатилась вниз, рассыпались снежинки,
И с гирляндой чехарда – требует починки.

Снова вешаю звезду. Кот мурлычет рядом,
От красавицы лесной не отводит взгляда.
Что такое, не пойму: куда пропали гномы?
Только что висели рядом, такие вот перформы!⁵

Мишки, зайцы и слоны, серпантин, хлопушки –
Может, ночью оживают для кота игрушки?
Может, думает, что враг притаился в ёлке,
Или охраняет белок от иголок колких.

Кот, наверное, мечтает о сказочном наряде,
Веселиться на балу или в маскараде.
Может, вовсе хочет стать ёлочной гирляндой,
И среди её ветвей глядеть счастливым взглядом.

Пожурила кису я: «Котик мой, Мурлыка,
Нам без ёлочки не праздник, не балуй, горемыка».
Кот задел легонько лапкой ёлочки наряд,
Замурлыкал тихо песню: празднику он рад.

Для кота слегка нашкодить не нужны причины,
Трудно соблюдать ему уроки дисциплины.
И, конечно же, коту Новый год – забава,
Ёлку на пол уронить ведь кому-то надо.

⁵ Перформа – от англ. perform – исполнять, делать трюки (для дрессированных животных).

Песенка про облака

Там, где отдыхают облака –
Они под утро стелются туманом.
Видел я вчера издалека,
Как они дремали за курганом.

Прилегли в расщелине в горах,
На макушки леса опустились.
По прокосам свежим, по лугам,
Мягким покрывалом постелились.

Припев:

Облака-облака проплывают над нами.
Облака-облака – мы лишь смотрим им вслед.
Облака-облака, отдохнув, возвращайтесь,
Заслоните меня от дождей и от всяческих бед...

Там, где отдыхают облака,
Где они кочуют до рассвета,
Будто по ступенькам свысока
Медленно спускаются к нам с неба!

И, легко коснувшись до земли,
Вниз спадают лёгким водопадом,
Чтобы, растворившись в тишине,
Ночью любоваться звездопадом.

Припев:

Там, где отдыхают облака,
Далеко за синим горизонтом,
Уплывают тихо, не спеша,
Облачившись в ткани из виссона.

Взглядом провожу я облака,
Пусть плывут за горные вершины.
Кажется, что дремлет мир пока.
Облака – покоя властелины.

Припев:

Не спеши туда, где не ждут

Не спеши туда, где не ждут,
Даже если там – сладкий Рай.
Не выдумывай лживый уют,
Для себя новый мир открывай.

Что ты встретишь там, где не ждут, –
Колкий взгляд иль холодный упрёк?
Там, как будто скользя по льду,
Как без крыльев летит мотылёк.

Не стремись туда, где не ждут,
Не робей, не страшись одиночества.
Будь сильнее и стань мудрей,
И не сбудутся тайны пророчества.

Ты сумеешь прожить без тех,
Кто закрыл для тебя плотно дверь.
И не будешь ты в пустоте,
Есть всегда под ногами твердь.

Отпускай, кто решил уйти,
Различай, когда нагло врут.
И обиды умей всем простить,
Даже если замкнулся круг.

Живи так, чтоб свободно дышать,
И стремись к тому, с кем легко,
Кто с тобой разделяет твой мир.
Будь немного бунтовщиком.

Те, кто жаждет твоей суеты,
Будут боли желать и молчать.
Но пойми, ты сильнее ерунды,
Ринься в бой, сам себя побеждай.

Будь как Данко, иди вперёд,
Освещая собою путь.
И люби тех, кто рядом с тобой,
Не спеши туда, где не ждут...

Мой дед Игнат был на войне, на танке бил врага,
Наград он много заслужил, и ранена нога.
Пришел с войны немолодой – уж скоро пятьдесят,
Но полон сил и чуть хромой. Что жив, конечно, рад.

Вернулся он в родной Убей⁶, к семье, к своей жене,
Забот полно, он на коне работает в селе.
Поднять совхоз, построить дом и распахать жнивье,
Чтоб заработать трудодни и средства на житьё.

Не любит дед мой вспоминать про бой и жуткий час,
О том, как ранен был, и друг его от смерти спас.
О том, как страшно на войне товарищей терять,
Как трудно было, и порой к машине примерзал.

И вот теперь он – ветеран, в стране ему почёт.
Открытка, праздничных сто грамм нальют один раз в год.
А память блекнет с каждым днём, уходит вдаль война,
Но только не забыть тот бой, где ранена нога.

Радуница

Радуница – день памяти друзей, родных,
День празднования Пасхи для усопших.
И в этот день спешим туда, где нет живых,
Где на гранит легла печаль, как лист иссохший.

Мы раз в году приходим на погост,
Чтоб оживить в сердцах родные лица,
Чтоб боль утрат немного остудить,
Очистив души в Светлую седмицу.

Вот к сыну мать идёт с венком, тяжёлой поступью ступает,
От горя выплавав глаза, своей судьбы не замечает.
К Серёге собрались друзья, им друга не хватает.
Поют тихонечко шансон и горькой поминают.

⁶ Село Убей в Даурском районе, в начале 60х годов попавшее в зону затопления при строительстве Красноярской ГЭС.

Владимир Любушке своей принёс букет из роз,
В глазах его застыла боль, видны следы от слез.
И к Михаилу сын пришел, привёл бабушку-мать.
О том, как трудно быть вдовой, могу её понять.

И принесся сюда цветы – ушедших скорбью вспоминаем.
Нам память давит на виски, мы низко голову склоняем.
Пусть будут в памяти, в сердцах, ушедшие в миры забвения.
Их вспомним, помолчим в тиши,
словно испросив у всех прощенья...

Хорошее настроение

Так хочется мне иногда замедлить шаг,
Когда иду домой я мимо сквера.
И наугад брести, листвою шурша,
Забыв на время светские манеры.

Так хочется присесть на край земли,
Болтать ногами, скинув кеды в небо.
Или, закрыв глаза, страну вообразить,
Где до меня никто ни разу не был.

Страну, где радуга свисает с облаков,
Где радость льётся солнечным потоком.
Страну, где есть мечта из «Алых парусов»,
И чай душистый, в самоваре с медным боком.

Где можно любоваться дымкой от костра
Или глядеть на звезды, замирая от восторга,
Пить жизнь по малым каплям, не спеша,
И верить в новый день, совсем особый.

Так хочется мне иногда замедлить шаг
И любоваться солнечным восходом,
Мечтать и жить, пока поёт душа.
Пройду по скверу и замедлю шаг.

Весенний снегопад

Сегодня акт приема-передачи:
Зима весне свои права передаёт.
И, словно закрывая недостачу,
Играть в снежки в последний раз зовёт.

Вечерний дождь сменился снегопадом,
Снег запечатал все деревья и дворы.
Тяжелый мокрый снег все завалил с бравадой,
Всю зелень молодую придавив.

Запорошило снегом все тропинки,
Как будто не было весенней красоты.
Не только капли от растаявших снежинок, —
На крышах водяной поток застыл.

Под тяжестью обламывая ветви,
Склонили низко крону тополя.
Весенние все краски вдруг поблекли,
Сосульки с крыши падают, звеня.

И только солнце жаркими лучами
Растопит зимний запоздалый счёт,
Вновь нас порадует весенними садами,
И майский шмель отправится в полёт...

Карусель счастья

Яркое солнце и синее небо,
В парке кружит карусель.
Снова, как в детстве, лечу в поднебесье,
Душу пьянит дикий хмель.

Солнце сверкает, мелькает по кругу,
Ликую и радуюсь дню.
Хочется петь и обнять всю округу,
Тихо про счастье бубню.

Ах, карусель вновь меня закружила:
Воздух, пространство, простор!
Кружит и кружит, в душе словно праздник,

Сладостный миг и восторг.

Пусть, хоть на миг, унесёт меня в прошлое,
Ведь детство теперь не догнать.
Трепетный миг и такой день хороший,
Не в силах его удержать.

Яркое солнце и синее небо,
В парке кружит карусель.
Словно моё запоздалое Эго,
Из детства манящая дверь...

Новогодние встречи

...Зажглись на ёлке радугой огни,
Пылают ярко украшения и свечи.
Мы восхищённо в праздничную ночь глядим
И ждём, как чуда, долгожданной встречи.

О, Новый год! Безумные желанья!
Он вихрем снова вовлечёт в водоворот.
Звучат аккорды звёздного мерцания,
И звёзды в сказочный зовут полёт.

Бывают в жизни неожиданные встречи,
Преподнося сюрприз на новом вираже.
И снова встретились мы в новогодний вечер,
Отбросив все сомнения, словно в кураже.

Не спущен занавес и не окончен маскарад,
А мы друг другу обнажили наши души.
Нас захлестнул судьбы фонтан и чувств каскад,
На гребне волн, из океана выплеснув на сушу.

Отчаянно истосковавшись по родной душе,
Так хочется тебя обнять и стиснуть плечи,
Чтоб наши судьбы, как один большой корабль,
Пришвартовались в тихой гавани под вечер.

Городские зарисовки

Цикл заметок

Роднулечка

В век интернета перестало быть необходимостью ехать куда-то для того, чтобы повидаться с родными или близкими людьми. Достаточно в Вайбере или Ватсапе написать сообщение: «Привет, как дела?». И вроде бы пообщались. И повсюду: в общественном транспорте, на улице или в магазине, везде, куда ни глянь, все с телефонами, смотрят в экран телефона или планшет, листают, пишут или читают сообщения. При встрече знакомого на улице из уха вынимают наушник – это жест вежливости, а если вынимают два наушника – это уже высшая степень уважения. В интернете можно создать группу, и нет необходимости писать каждому смс: «Привет, как дела?», одна смс на всех.

Мне от моих взрослых детей порой достаточно этой, самой простой смс: «Привет, как дела?». И я знаю, что у них все хорошо, и вроде как мать не забывают. Но порой по-матерински хочется простого человеческого общения: увидаться, поговорить, обнять, чмокнуть свое взрослое чадо в макушку, покормить, а, может, и помочь чем-то. Но у взрослых детей своя жизнь и им всегда некогда. Поэтому смс: «Привет, как дела?» для многих, увы, стало нормой общения.

Недавно моему папе исполнилось 85 лет, юбилей солидный. Я позвонила родным и уже немногочисленным папиным знакомым, сообщила о предстоящем юбилее, напомнила папин телефон. Ему, конечно же, было приятно в день своего юбилея принимать многочисленные телефонные звонки. Но, я предполагаю, он ждал, что многие из позвонивших придут и лично его поздравят, поэтому с самого утра он надел свою любимую рубашку, брюки и пиджак, тщательно побрился. Весь день он помогал мне на кухне с торжественным видом. День у нас прошел в радостных хлопотах. К вечеру мы поставили большой стол в гостиной, застелили белой праздничной скатертью. И только тогда папа задал вопрос: «Сколько ставить приборов на стол?». Видимо, он все-таки сомневался, но очень надеялся, что придут все...

Так получилось, что в назначенное время гости пришли одновременно, словно сговорившись. Улыбаясь, юбиляр вышел встретить гостей, радостно захлопав влажными глазами, а когда он увидел свою племянницу, дочь своей родной сестры, с которой они давно не виделись, он радостно закричал, как маленький ребенок: «Роднулечка моя приехала!». Все радостно засмеялись, а у меня

почему-то кольнуло в сердце, не от того, что мы взрослеем и стареем, а оттого, что порой нет большей радости в жизни, чем увидеть и обнять дорогого и родного человечка – «свою Роднулечку»...

Почтовая марка

Почтовое отделение связи номер двадцать один, которое я часто посещаю в силу служебной необходимости, находится на проспекте Мира в самом центре Красноярска. Однажды летом, терпеливо ожидая в пятом окне выдачу своей корреспонденции, я вдруг услышала странную русско-английскую речь (может, мне показалось?). Я обернулась и увидела необычного молодого человека с очень красивой, густой бородой и удивительными усами, такими, как в рекламе по телевизору показывают: с завитками наверх. За плечами у него был очень большой походный рюкзак с прикрепленными туристическими принадлежностями. Своим видом он напоминал Санта Клауса, только очень молодого.

И вот этот молодой Санта что-то пытается спросить у девушки-оператора связи, но девушка с непониманием отрицательно качает головой. Тогда Санта извлек из кармана маленький (со спичечный коробок) конверт, запечатанный сургучной печатью, и жестом показал, что ему нужна почтовая марка. Оператор ответила, что марками здесь не торгуют, и посоветовала пройти в другое почтовое отделение по адресу: проспект Мира, 103. Не знаю, понял ли ее молодой Санта, но он что-то обсудил на иностранном языке со своей спутницей, и они вышли на улицу.

Я тем временем получила свои письма и тоже поспешила по своим делам. Выйдя из отделения связи, я снова увидела Санту. Он со своей спутницей, такой же необычной девушкой – Снегурочкой, стоял в полном недоумении. Девушка была небольшого роста, у нее были черные длинные вьющиеся волосы, а за спиной – такой же большой туристский рюкзак. Они стояли и не понимали, куда их направили? К слову сказать, вид у них был немного ошеломленный, поскольку участок дороги на проспекте Мира, где мы в тот момент находились, ремонтировался и фактически напоминал руины и развалины вперемешку с обломками бетона, настилами из досок, насыпей из песка.

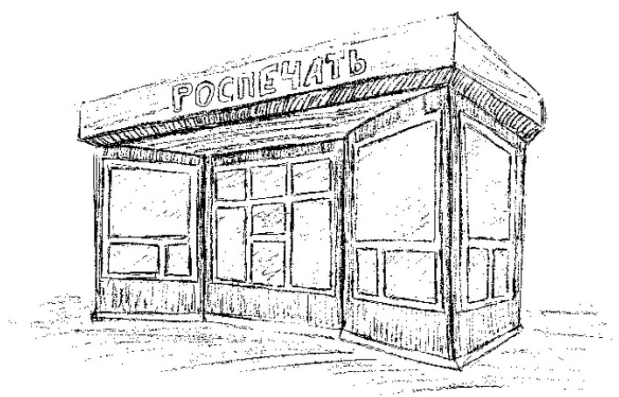
Увидев меня, Санта обратился ко мне за помощью. Я сразу поняла, что он пытается выяснить, куда им сейчас следует идти, чтобы купить маленькую почтовую марку для отправления на Родину маленького почтового конверта, в котором, наверное, маленькая открытка с видом нашего красивого большого города или весточка, которую ждут где-то далеко, далеко.

Я жестом показала, в каком направлении находится Мира, 103. Похоже, ребята меня поняли и поникли, ведь им необходимо было преодолеть строительные преграды и пройти по перекопанному проспекту Мира целых два квартала с большими рюкзаками за плечами. Да уж, не хотела бы я оказаться на их месте – в чужом «полуразрушенном» городе, да еще на раскаленном воздухе. Жара в тот день стояла на уровне 30 градусов.

Вдруг меня осенила мысль, что почтовую марку можно купить в киоске «Роспечать», и я попыталась это объяснить. Но, взглянув на ребят, я поняла, что они меня не понимают, они совершенно не понимают русскую речь! «Все, тупик!» «Чем еще помочь ребятам?».

Но тут девушка достала телефон, ткнула пальчиком в экран и протянула телефон мне. Я вначале не поняла, что от меня требуется, но после взгляда на незнакомый экран телефона с надписями на иностранном языке я обрадовалась. Ура! В телефоне есть Goggle, мой любимый Goggle, и в нем открыт онлайн-переводчик. Я набрала текст: «киоск Роспечать на Мира купить почтовую марку» и вернула телефон. Ребята прочитали информацию в переводчике и заулыбались: ближайший киоск находился неподалеку, за углом. Со счастливыми лицами они поблагодарили меня, и мы расстались. Каждый поспешил по своим делам.

Этот летний эпизод мне вспоминается часто, когда я иду по проспекту Мира и вижу торчащие из-под снега провода и обломки тротуаров, оставшиеся после «капитального» ремонта главной улицы нашего города. И каждый раз думаю: «Ах, родной Красноярск! Создавая проблемы на проспектах и улицах большого мегаполиса, ты разъединяешь людей, доставляя горожанам проблемы и неудобства. Но подчас создаешь моменты для сближения людей в поисках выхода из создавшейся ситуации, и при этом остаёшься загадочным, родным и красивым».

Александр Филатов

Выпускник Сибирского аэрокосмического университета. Увлекается отдыхом на природе, походами и, конечно же, стихами, писать которые начал еще со студенческих лет.

«Из достоинств – патологическое отвращение к табаку, из недостатков – любовь к пению, несмотря на отсутствие музыкального образования и слуха, чем действую окружающим на нервы».

К 20-летию клуба «Высокий берег»

«Высокий берег»... Двадцать лет...
И это никакой не бред!
Десяток третий разменял –
И сразу выше, круче стал!
И мы все стали заодно
Крутые, как Марлон Брандо!

Актер был бравым молодцом
И крестным мафии отцом –
А мы, как мафии, друзья,
Все вместе – дружная семья!
Но цели наши не преступные,
А очень даже дружелюбные,
Вполне достойные, похвальные,
Чтоб вызвать чувства неформальные:
Глаголом жечь, душой парить
И правду-матку говорить,
Читать стихи и песни петь...

А чтобы в этом преуспеть
И дальше клубу процветать,
Одно лишь можно пожелать:
Все больше творческих идей
И удивительных затей!
Справляет нынче юбилей
Клуб Замечательных Людей!

Женская логика

Про женскую логику множество слов
Написано, сказано очень давно...
Хоть логика в жизни – основа снов,
Но в женском мозгу места ей не дано!

Искать ее там не найдется охотника,
И мы, мужики, сожалеем о том,
Что наша мужская железная логика
Для женщины – просто металлолом!

А женская логика – вещь необычная:
Ее, как Россию, умом не понять,
Не парься. В ответ ты услышишь привычное –
Мол, я не обязана всё объяснять.

Когда же за руль дама сядет – беда:
Никто не указ ей, не авторитет!
Она за рулем – словно в небе звезда:
Ты ее видишь – она тебя нет!

Как в зеркало заднего вида уставится –
Так сразу поправить спешит макияж
(Ведь ей надо выглядеть просто красавицей,
Чтоб взять тебя бампером на abordаж!).

Но в чем-то она и сильнее, и умней –
Нарушен закон равноправия:
И мышцы грудные крупнее у ней,
И мыслит двумя полушарьями.

В горящую избу зайдет – не поморщится,
Коня остановит! Да больше того –
В помине не зная, чего же ей хочется,
Она всё ж добьется всегда своего!

История женского праздника

Как- то раз решила Клара Цеткин
Со своей подругой Люксембург
Замутить на пару праздник женский,
Но тут Коллонтай вмешалась вдруг:

«Праздник надо отмечать весною –
Всё в природе будет расцветать,
Но при том согласовать со мною,
Какой месяц лучше выбирать!

Май у нас расписан на маёвки,
И в апреле не фиг отмечать:
В нем по плану стачки, забастовки
Да и день рожденья Ильича!

Лучше всех подходит месяц март нам –
Ведь пока всюду трещит мороз,
Мужики на нас пусть деньги тратят,
Покупая веточки мимоз!».

Вот на том они и порешили –
Оставалось дату уточнить,
И число восьмое поспешили
Под свой праздник женский застолбить!

Их расчет понятен без пол-литры:
Если цифру 8 повернуть,
То ее маневром этим хитрым
Можно в бесконечность обернуть!

Это значит – праздник станет вечным,
И его уже не отменить –
Это время будет бесконечно
На мужскую психику давить...

Мы давно смирились с этой долей –
Нам ведь, мужикам, не привыкать!
Раз в году на подвиг мы готовы –
Вас, любимых женщин, поздравлять!

Мужские рассуждения о женщинах

Писал когда-то Саша Пушкин
В поэме фирменной своей:
«Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей!».

Казалось, вывод необычный –
Согласно логике мужской,
Но он для женщины привычный
И до банальности простой!

Ведь женский мозг – он хоть и легче,
Но по сравнению с мужским
Он так закручен и заверчен,
Что очень трудно спорить с ним!

А женский дух противоречья
Ни убедить, ни победить,
Ведь даже при любовной встрече
Её к интиму не склонить!

И если ты болеешь рьяно
За ЦСКА или «Спартак» –
Она болеет за «Динамо»,
Тебя динамя только так!

Мы любим женщину глазами
И всей широкою душой...
Она ж – хоть любит нас ушами,
Но всё же трезвой головой!

Мужчины также проиграли
И внешне – что и говорить...
И даже пол сменив, едва ли
У нас получится родить!

Мужчина с женщиной различны
Не только внешне – и внутри!
Ну, а любовь к деньгам наличным –
Она у женщины в крови!

Тут надо быть миллиардером,

Чтоб отвечать её запросам –
Ведь в жизни не было примера,
Чтобы хватило ей баблосов!

Но ты, поддавшись её чарам,
Готов любимой всё отдать!
(Чтоб меньше на тебя ворчала
И перестала бы ругать).

Она ж в ответ тебя полюбит –
Сердечно, нежно, горячо!
Прижмёт к себе и приголубит,
Одарит лаской и борщом,

Твои поступки не осудит
И про грехи твои не вспомнит...
Но всё, что женщина забудет –
Она тебе ещё припомнит!

Юлия Хит

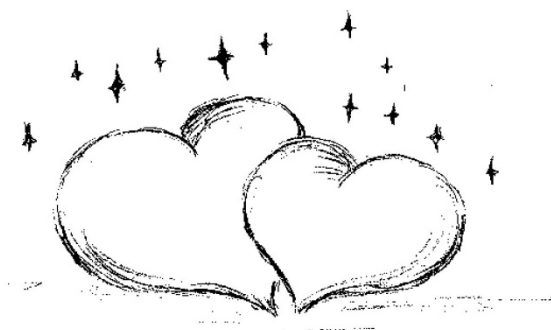
Выпускница Института педагогики, психологии и социологии СФУ. Сотрудница кафедры Педагогики

Любовь – это великое искусство,
Им овладеть не каждому дано.
Любить умеет тот, чьё сердце
Избраннику навек покорено.

Любовь – это взаимоуважение,
Единство двух сердец, в конце концов!
Когда «единственная» дорога до умопомрачения,
Когда «любимый» – вместо миллиона слов.

Любить умеет тот, кто любит,
Не ожидая ничего взамен.
И тот, кто это чувство бережёт, не губит
И не идёт дорогой ссор, обид, измен.

Лишь тот любить по-настоящему умеет,
Кто бережёт того, с кем сквозь года
Одной дорожкой прошёл и не жалеет.
Кто полюбить смог раз и навсегда...

Не победил – не значит побежден.
И отступил – не значит пал.
Ошибся, но еще не проиграл.
Вставай! Твой бой еще не завершен.

Твой неприятель так умело бьет,
И, кажется, что он весьма успешен.
Как вопль его будет безутешен,
Когда с коня он с грохотом падет!

Осталось меньше половины боя.
Он попытается ударить, как не бил,
Но ни за что не вывести из строя
Того, кто в сердце твердо победил.

Обниму тебя на прощанье,
Искупаюсь в сонном тумане,
Будто мы не знакомились вовсе,
Будто не было воспоминаний.

Обниму и забуду, запомнив,
Отпущу, до конца не пустив.
Я прочту напоследок молитву,
Чтоб счастливую жизнь ты прожил.

Смею верить: хотя бы однажды,
В безнадежной ли тишине
Или в радости громогласной,
С теплотой вспомнишь ты обо мне.

Анастасия Чехова

Студентка Института цветных металлов и материаловедения СФУ.

*«Люблю прогулки по пустым паркам и музыку.
Стихи пишу со школьной скамьи. Всем сердцем
люблю Анну Ахматову и Марину Цветаеву».*

Полюби

О моей прошедшей любви

Ты полюби, пожалуйста, другую.
Нет, я серьёзно, просто полюби.
На сердце, может, станет одиноко,
Но ты представь, что это от тоски.

Ты полюби подругу иль соседку,
Влюбись в рассветы, первую росу,
За городом в темнеющее лето,
Что заплетает краски осени в косу.

Ты можешь полюбить ночные звезды,
Свободный ветер в поле по утрам,
Заката цвет или дорожку солнца,
Что отражается в витринах сентября.

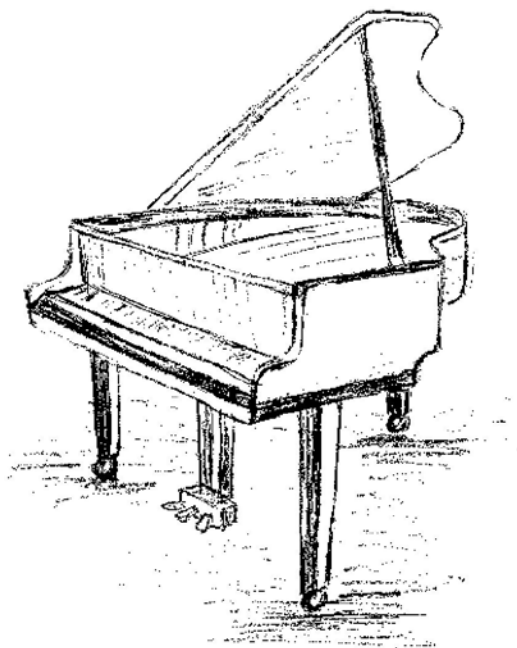
Влюбиться можешь ты в прохладный полдень,
В веснушки девушки, укутанной в пальто,
А можешь и в утрюмую полоску
На лбу прохожего в морозную пургу.

Тебя прошу я полюбить другую –
Любую летнюю, дождливую, свою.
Одну меня любить, прошу, не пробуй,
Тебя, прости, любить я не смогу.

Сначала фа мажор, затем уж ля минор,
Кружит судьба все струны у рояля.
И клавиш белых тихий хоровод
Сменяет черное величество печали.

Добро пожаловать в долину серых дней,
В тоску, подругу осени коварной!
И закатились краски летних дней
За тот сервант, что во дворе сгнивает.

Безмолвный птичий крик, дождей капельный звон,
Шум ветра в поле и ругательства прохожих.
Все это стало вдруг спокойным и родным,
И мою душу больше не тревожит.

Бирюса

Студенческим отрядам посвящается

А бирюсинское небо застелено звёздами,
В них каждый боец видит свой долгий путь.
Все встретились здесь, чтобы вспомнить о прошлом,
Поведать историю теплых сердец.

Наш слет, что был первым, положит начало
Новым победам, стихам по утрам,
И пусть вместо каши теперь принимаю
Учебу, на парах угрюмо сидя.

И вместо зарницы по три километра,
И слово «обед» позабыла давно,
На ужин никто не зовет группу «север»,
Так грустно, что все это быстро прошло.

Моя Бирюса, я тебя полюбила
За дружных ребят, за любовь и комфорт.
И тёплый костер на закрытии этом
Отдался в душе током в легком больном.

И так тяжело расставаться с палаткой,
С отрядом, что спал рядом с нашим бойцом.
Не будет хватать вечеров, где я с флагом, а, может,
Всех сборов на сцене родной.

Моя Бирюса, мне тебя не хватает!
Так пусто среди серых будней теперь.
Но знаю, что скоро меня повстречаешь,
И в сердце от этого сразу теплей.

Молитвенный

Ночь. Холодно. Вдали я вижу свет.
Горит в окне церковная свеча.
А у свечи, лишь голову склонив,
Сидит старушка, скатерть теребя.

На тоненьких руках узор морщин,

И вены словно паутиной обвивают.
Ах, сколько эти руки знали бед,
И сколько боли эти руки повидали.

Дрожат они, усталость верх берет,
Проклятая, всю жизнь в себя вбирает.
Старушка плачет в носовой платок
И рукавом слезинки утирает.

То молится. Молитва на устах,
Забвеньем застывая, затихает.
То шепчет. О сыночке, дочерях,
И горестно плечами пожимает.

Все та же ночь, в окне горит свеча,
Свет пламени едва ли согревает.
Сидит старушка тихо у стекла,
По прежнему молитвы подбирает.

Таков мир

Скажи мне, почему люди перестали любить?
Стали лживыми, циничными тварями.
И на мир вдруг те стали смотреть
Через призму фальшивых тщеславий.

Ты ответь, почему все вокруг стало серым –
Эти лица, одежды, слова?
Без эмоций живем, словно в мраке,
От чего мы продались врагам?

Наши души вдруг стали черными,
Эгоизмом запятнана кровь,
И дышать алкогольным угаром
Стали мы почему-то вновь.

Кокаиновой пылью осыпаны,
И на небе – не звезды, а мгла,
Все внутри обернулось гнилью.
Такой жизни не видно конца.

До дна!

К черту завтра! Я хочу напиться,
Как сухим вином, тобою насладиться!
Чтоб по краю бокала алым пятном
Твоя жизнь растекалась. До дна!

А потом я закрою бутылку,
Полупустую, с ароматом ванили.
ТЬфу! Слишком сладок стал привкус.
Отныне забудь, что любила тебя.

Журавли

А раненая птица, чуть дыша,
Всей грудью, несмотря на рану,
Пытается лишь спрятать малыша,
Родившегося в журавлиной стае.

Издав истошный клич, похожий на мольбу,
Отчаянно прижалась к диким веткам.
А там, внутри, завернутый в траву,
Её сыночек тихо-мирно дремлет.

А люди, эти жалкие создания,
Подбившие мамашу-журавля,
Уже идут, не чувствуя страдания,
Забрать добычу, что еще жива.

И журавлиха, тихо отползая,
Отводит смерть от дикого куста.
Последний вздох, бесщадно умирает,
Оставив сиротой свое дитя.

Те люди, радуясь победе,
Схватили тушку и поволокли.
И лишь слеза наземь одна упала
У журавленка, спавшего вдали.

Остался он без матери, без крова,
Отец его погиб в боях давно.
А злые твари, что людьми зовутся,
Спокойно будут спать в своем доме.

Никита Чучков

Выпускник Института космических и информационных технологий СФУ.

Увлечения: бокс, поэзия, общение с друзьями. В клубе «Высокий Берег» с октября 2005 г.

Сталкер. Ночь в зоне

Ты ловок был в попытке убежать,
Но страх догнал тебя колючий,
Развязка не заставит себя ждать,
Хабар тяжел... но ты его навьючил.

Уже напрасно клацает курок,
Пустой рожок огнем не огрызнется,
Дорог и троп ты был знаток,
Но не слышал, как она крадется.

Здесь ты не царь, но даже и не зверь,
Ты – тень, которой больше нет.
Химера чует свою цель,
Она избавит от проблем и бед.

Закрыв глаза, прими свою судьбу,
Достань свой бесполезный нож.
Все это не во сне, а наяву,
И на героя сталкер вовсе не похож.

В пыли и грязи руки и лицо,
Черна душа – в ней не осталось света,
Но есть граната – дерни за кольцо!
Нет, поздно. Ты не успеешь это.

И, лежа на спине глазами в небо,
Затихни и умри. Коль можешь, помолись.
Но Зона просчиталась где-то,
С холмов доносится: «Работаем, ложись!».

Стрельба. Разрыв и звон в ушах,
Контужен, но живой!
К тебе подходят люди в черно-красном:
«Хорош валяться! Двигаться за мной!».

А дальше, как в тумане. База. Долг. Секрет.
«Зачем ты здесь?». И снова темнота...
Разбужен чаем и табаком согрет,
Консервы, хлеб, знакомства суета.

Расслабься, здесь, среди людей,
Ты – Человек и это звучит гордо!
На душе становится светлей,
В груди тепло и дышится свободно.

Начало

Один на один со своею судьбой,
И вечный отрыв в неизвестность,
И снова дорога зовет за собой,
Опять допускаю небрежность...

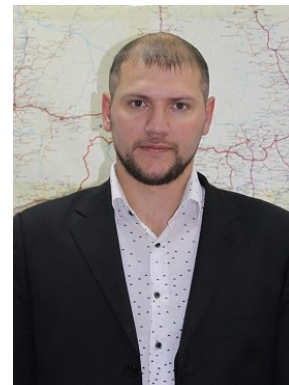
Я верю – осилю! И верю – смогу!
И дом мой – могучая крепость...
И в дождик, и в холод, и в злую пургу
Поможет Отечеству верность...

Спасет меня Бог, сохранит меня мать,
Отец мне покажет, где честность,
Научит дорога себя понимать,
И ангел простит мою грешность...

Один на один со своею душой,
Мне ясно, что я выбираю:
Я верю в Россию! И верю в любовь!
И крепко тебя обнимаю...

Иван Шульгин

Выпускник Политехнического института СФУ.

Наедине с собой

Час... и ты наедине с собою,
Побудь немного, задержись!
В порядок мысли приведи, взмахни рукою,
Поешь, умойся, освежись.

А много ль времени прошло?
С кем ты теперь и кто с тобою
По жизни дышит воздухом свежо,
Шагает в строй, течёт рекой?

Стремишься ты на новые свершенья и дела...
Тобой владеет музыка труда,
И голова забита планами до дна:
Работа – дом – суббота!

Побудь наедине с собой,
Оставь всё это на мгновенье!
И ты рассудишь ясной головой,
Как дальше выбрать своё движение.

Мелькают... прерывистые облака,
Дискретно интегрирована плата,
Ты, как компьютер, вычисляющий слова,
Или замедлившийся эскалатор.

Процесс идёт размеренно с утра,
Недалеко ушла одна моя мечта,
Мелькают в горизонте дня
Её узорчатые кружева.

Сделать паузу несложно,

Выйди на улицу в ясный день!
И осуществить задуманное можно
Постепенно, побеждая лень.

Осенние солнечные блики
Сквозь деревья оставляют тень,
Секундная стрелка отстукивает тики,
И проходит весь рабочий день.

Темнеет, и близится вечер,
Ужин и предсонный релакс,
И этот холодный колючий ветер
Тебя коснется, как в первый раз.

Ночь и сон тишины
Принесут решение легко с высоты.
Новый день будет разумнее,
А всё позитивное ещё впереди.

Что такое Любовь?

Что же такое Любовь?
У нее много форм, проявлений.
Этот вопрос нас мучает вновь.
Посмеем ответить, проверим
И скажем другим всё, как есть.

Любовь – она дарит цветы,
В любви нет наигранной красоты.

Любовь – это нежность и взгляд с высоты,
Любовь – это грубость без зла от души.

Любовь – это взаимно и глубоко,
Любовь – это жарко и порой горячо.

Любовь – это громко без слов,
Любовь – это сильно и без понтов.

Любовь бывает сладка и горька в одном,
Любовь, когда ярким пылаешь огнём.

Любовь – это страсть, грусть, веселье.
Любовь окрыляет тебя на мгновенье.

И возникает вопрос:
«Кто сажает красивые эти цветы?».
Посмотри, мой друг – это ты.

Любовь окружает твой дом
И проникает в сидящих с тобой за столом.

Любовь ты чувствуешь во всей полноте,
Когда остаешься вдвоем наедине.

Любовь – это, когда, очень долго веря, ты ждешь
Момент наступления сбывшихся надежд.

Любовь – это желание скорее увидеть близких тебе,
Когда поровну и тебе, и мне.

Любовь – когда она полностью отдаётся тебе,
И ты делаешь всё, чтобы сказка была не во сне.

Любовь – временами порыв, взрыв чувств и волнение,
Когда готов рвать и метать,
чтобы вернуть хорошее настроение.

Любовь – когда во всё горло кричишь,
Или когда тихо плачешь, молчишь.

Любовь – когда рано утром встаешь
И не будишь её. Оставив ключи, уходишь.

Любовь порой не можешь объяснить –
Тем более рационально разъяснить!

Запомни, мой друг,
Любовь живет в твоём сердце всегда.
Так пусть же живет!
Без края и без конца.

Татьяна Щербакова

*Выпускница Института математики и
фундаментальной информатики СФУ.*

Рядом с тобой

Я возьму автомат, встану подле твоей руки,
И в любое пекло – зови - не зови – пойду за тобой.
Я почти стальная, мои нервы довольно крепки,
Мне не страшно погибнуть или выиграть этот бой.

Я порой почти что мертва, хотя все еще есть, что терять.
Я надеюсь выстоять между всем и добавить себе высоты.
Только в пальцах вместо твоих ладоней – холодная рукоять,
Только смотришь вскользь и «Глупая!» – думаешь ты,

Жмешь плечами в ответ на мое: «Остаться или уйти?»,
Потому что важность в бассейне приоритетов плавает возле нуля,
И мы остаемся вдвоем в лабиринтах чужих квартир,
А я все никак не могу поймать на себе твой взгляд...

А потом ты снова один в серых сумерках или во сне,
Или даже со мной, отвернувшись, глядя сквозь потолок,
Добровольно идешь в паутину из прошлого к ней,
В твой красивый и жгучий запутавшийся клубок.

Ты играешь в такую игру, где когда-нибудь все умрут,
Где послания кровью, где все под кусочком стекла,
Вечерами лежишь, как вычерпанный сосуд,
Ее добрый взгляд перед взором закрытых глаз.

Утром будни приходят на пир, напиваются допьяна
Нашей силой и кровью души из раскарябанных ран.
Знаешь, быт – он тоже маленькая война,
У него загребушие руки и очень большой стакан...

Она

Она пишет о нем, кто с ней не умел говорить,
Он не жив и не умер, он просто смертельно устал...
Она верит и помнит, в душе у себя хранит
Отражения отражений окруживших ее зеркал.

Она маски меняет, меняет, оставшись под маской одной,
Затвердевшей на нежном камне мраморного лица,
Уходя сквозь себя и спускаясь на самое-самое дно
Лабиринта сомнений и слез, все не может дойти до конца.

Она время считает по строкам его новостей,
По числу сообщений, по циклам случайных встреч,
Виртуально ночами садится к нему на постель
Охранять его сон и от мыслей тяжелых беречь.

Она смотрит на мир сквозь солнечные очки
И движется, словно в воде, в бассейне чужих имен,
Где многие, хоть и не все, еще ни друзья, ни враги,
Но всегда на своей стороне и ни на одной из сторон.

Играет в самообман, не в силах развеять мираж,
Ей нравится верить и ждать, обид и потерь не храня...
Он не знает еще, но, может быть, скоро даже
Эта часть перестанет быть мной, перестанет быть частью меня...

Машина

Авторская редакция

На разностный потенциал
В переплетение строк
Ложусь как слово в тетрадь
Сплошным потоком
Сто килобит в секунду
Половинная скорость извилин
Мой пульс нестабилен
Мысли запутались или
Недостижимость сигнала
Два перекрестных удара
Бит моего сердца

Разложена в звуки гитара
Сэмплами некуда деться
Я в мировой прострации
И в цифровой паутине
Я не прошу «разбуди меня»
Я не хочу скитаться
И бороздить гиперплоскости
Псевдо-реальной реальности
Не загоняй меня в крайности

С сорок девятого года
Второго тысячелетия
Не до прихода весны
У меня есть моя работа
Я похищаю сны
Ложное восприятие
Верификация данных
Сложная
Когда убиваешь приятеля
Будто дОлжное
Сигнал сообщения
Все успешно
Бессмысленных перемещений
Нет
Я слишком поспешная
По проводам с темнотой
Чередуются лазерный свет
Отвечаю двоичным кодом
Не праведно и не лживо
Я знаю что что-то живо
Когда иду на работу
Но чувствую себя машиной

Младший

- Кроме тебя в нашем доме нет ни одной змеи.
Растили его, лелеяли, себе на голову берегли.
А он черствый, сухой, родня тех каменных изваяний,
Одни лишь темные грани,
Теперь вот ходит кругами,
Устали уже от всех этих поруганий!
Щенок, послушай, другие же братья выросли, разве нет?

С раннего детства он твердо знает – Тьма расползается за стеной, Словно кого-то ждет: «Мальчик, ты мой, ты мой! Брат – не брат тебе, мальчик, сам ты чужой им, ненастоящий». Годы идут. Тьма подкрадывается все чаще.

Младший не слышит брата, взгляд как остекленел.
«Правильно, слушай, слушай меня, детеныш из Вне,
Придет твое время, мальчик, ты утонешь во мне.
Помнишь зеркало на стене?»
Помнит. Падает на колени, воем, зажимает глаза,
У него есть секрет, который слишком страшно сказать.
Под футболкой на животе и в районе ключицы тоже
Вместо живой, человеческой, кусочки серебряной кожи.

- Ну, вот и все.
Послушай, что бы ни шло за тобой, не преследовало по пятам,
Я тебя не отдам ему, младшенький, не отдам.

Младший не очень верит, средний смеется, как будто режет,
Младший взрослеет, приходит к братьям все реже, реже.
Тысячи пальцев ловят его, но не могут схватить.
Тьма разрушает разум, нужно ее найти.
Младший кругами обходит дом, щупает стены, ищет порталы,
Ему все кажется, будто защиты нет, будто она снята,
Считают, что он не в себе, он обижается, говорит, что все это клевета,
И свято верит – его комната проклята.

Ночью один, под одеяло все так же заглядывают химеры,
Голос темени холод растит внутри, лишая остатков веры,
Тело скрывает майкой новые шрамы с ожогами и порезами,
Серые полосы, как у тигра отливают железом.
Воля к победе сильнее страха, безумней психа, острее стали.
Младший хочет стать магом, ночами, когда все стихнут,
шуршит листьями,

Вот-вот устроит пожар, разглядывая огонь в хрусталик.
Домашние злятся – все от него устали.
Мать не может уснуть ночами, плачет, порою срывается в крик,
Младший не отвечает, не обижается, к этому он привык.
Идет обратно в постель, потом возвращается, не отступает от цели,
Нервы матери на пределе.

- Змееныш, слушай меня, еще раз выкинешь эти фокусы,
И убирайся вон, езжай, куда хочешь, на первом автобусе,
Прочь от глаз моих, чужой, не станешь сыном родным,
и больше меня не зли!

Лучше б ты умер там, где мы тебя нашли!
Послушай...

Он отворачивается, бежит прочь, слезы градом,
Тьма обнимает, почти родная, касается, как когда-то,
Кожа плавится, серые шрамы светятся бледно-синим,
Мягко, больно, холодно, невыносимо.
Поздно прощать. Страх заползает в душу, ненависть вместо фальши.

Что же мне делать? Что же мне делать дальше?

В зеркале бледный мальчик, смотрит волком, как будто вот-вот утащит,
Звоном эхо в ушах – *ненастоящий сын, ненастоящий сын,*
ненастоящий...

Мысли быстрее, острее молнии, движения слишком резки:
Зеркало – взрыв осколков в звенящем треске,
Младший стоит чудовищем, кровь серебристая словно ртуть.
Средний приходит вовремя, чтоб на него взглянуть.
- Стой, где стоишь. Ни шагом ближе не подходи! –

Средний – младшему, и тут понимает, что он один,
Что некто в комнате незрим, бесплотен и невидим.

- Я знаю, кто ты!

Некто стоит за ним.

- Твой разум из пепла и хрусталя, душа – открытая рана,
никто ее не спасет!

Ты из тех, кто сгущает тени, стоя вне времени, разрушает все,
Поэтому твои ожоги не заживают, глаза на солнце болят,
и ты сидишь при свечах.

Я могу всем рассказать твои тайны! Ну же, заставь меня замолчать!
Это мы украли тебя у полночи! Пленного,
из сетей рассвета под звездами!

Ты не был человеком, но мог им стать! Все зря. Теперь вот поздно.
Давай! Напади на меня, как зверь! Я слышу сзади твое дыхание! –
Еще мгновение, средний мертв, пол вдыхает его сознание.

Чудовище рассыпается пылью, обратно младшего обнажая,
Он чувствует себя насаженным по рукоять ножа,
Кожа новыми пятнами стали, как будто бы сотней жал
Жалит, соль по лицу, младший мертвого брата к себе прижал.
Странно шепчет, захлебываясь, лицом зарывается в волосы,
Кричит в голос, в то время, как проступают снова железные полосы,
- Это не я! Это то, что за мной пришло! Подобное древнему колоссу,
Нечто нечеловеческое явственно слышно в столах всех.

- Это не я! – шепчет старшему, пришедшему, –

Люби меня, брат, прошу, люби меня, как и прежде...

Спина лохмотьями кожи, под ней металл, не спрятанный под одеждой,
Его глаза светятся темным пламенем, но выражают надежду.

Старший медлит. Страшно. За ребрами что-то бьется безумной птицей.
Младший дрожит, под снятой кожей напряженные бицепсы,
В душе должно бы что-то кричать, разрываться, метаться, злиться,
Но руки брата готовы его собирать по одной крупице.
И собирают. Сгребая в охапку, сметая барьеры с границами,
брат обнимает брата,
По песчинкам возводит мосты из стекла обратно.

- Кто я? – шепчут сухие губы, шершавый воздух скребет о горло.

Брат обнимает его, но руки и пол вокруг в чем-то багрово-черном...

- Кто я? – настойчивей, только тише. Тело среднего рассыпается.

Старший мечтает проснуться, молит отчаянно, однако не посыпается.

- Кто я? – голос слышнее, пронзительней и отчаянней.

Старший молчит, как будто лишившись речи, старший не отвечает.

Сжатые зубы дрожью отплясывают чечетку,
Внутренний взор рисует картины прошлого поразительно четко –
*Вот мальчик смотрит на сельский суд, всем невозможно весело,
Не далее, чем накануне, коварную ведьму повесили...*

Старший все держит младшего, затекают конечности,
Время застыло протяжнее бесконечности,
Младший мурашками чует, как Тьма расправляется за плечами,
Мягким бархатом ночи в саван его облачая,
Младшему больно, режутся когти, крылья. Неотвратимость
Брызгами льда по телу из миражей воплотилась.
Кровь превращается в лед, сердце сковала стужа.
- Холодно, холодно, брат. Тьма изнутри меня рвется наружу.
Отведи от меня эту боль, тьму прогони, как в прошлом!
Сделай меня как все, нормальным, если это возможно!
Я хочу быть как ты, верным, спокойным, сильным.
Что со мной, брат? Умоляю, спаси меня!

- Не бойся. Скоро все кончится, больно больше не будет,
Холод уйдет, но придется забыть о том, чтоб появляться на людях.
Ты не такой, как мы, ты сын ведьмы и тени ночи,
Мы не хотели, чтоб ты узнал, но раз уж ты сильно хочешь...
Тогда, много лет назад, ваша судьба решалась,
Тебя убили бы в раннем детстве, если б не наша жалость.
Сгорел бы дотла, в пепел, в лучах восходящего солнца.
Мы думали, ты – человек. Мы думали, незнакомцы
Обманывают, бросая в лесу младенца.
Ты слишком холодный. Тебе необходимо одеться.

Младший встает в полный рост, остатки лохмотьев кожи
Свисают, он больше не тот, кто был, он на себя непохожий,
Крылья как два куска рваной межмировой материи,
Он думает о себе, о прошлом и ощущает потерю.
Руки сжимаются в кулаки, глаза – сплошные зрачки, как у кальмара,
Он уже видел себя таким – воплощением своих кошмаров,
Хочется выть, вопить и кричать, истошно, до ультразвука.

- Я все равно твой брат, кем бы ты ни был, –
младший кивает и разжимает руки.

- Я не предам тебя, не обижу, не отпущу тебя,
просто возьми и поверь мне, –

Старший почти смеется,
- Так вот ты каков, исчадие запределья! Не так уж и страшно!
Подумаешь, крылья, когти, плоть из металла.
Глаза, как угли, в стекле горят,

нет ничего такого, что бы меня напугало.
Ты брат мне! Ну же, скажи что-нибудь!

Ты веришь в возможность счастья?
- Я буду тебя защищать. Отныне я часть тебя.

Годы идут. У старшего есть семья, он тихонько стареет,
Кажется, время ведет счет день ото дня быстрее,
Скоро наступит срок, но вроде жалеть нечего.
Он ожидает младшего каждым воскресным вечером,
Вместе смеются, отгадывают загадки, играют,
Утром младший уходит обратно в свой мир за краем –
Между стеной и тьмой, сумраком и людьми, между семьей и стаей.
Тени приходят в полночь.

Младший не спит. Младший их отгоняет.

После конца

Бродишь меж сумерек и теней
Темным зверем из чьих-то кошмаров и снов,
И вот каждый шаг все быстрее и быстрее,
Настолько, что не оставляет следов.

А вокруг расползается тишина,
И уставшие стопы – босиком по мху...
Ты не помнишь тот день, когда началась война,
И кто у кого в долгу.

А ярости хворост догорел дотла,
И осталось Ничто, названное Пустотой,
И теперь ты как призрак, охраняющий клад,
Который не ищет никто...

А холод все колется по плечам,
И кажется до сих пор, что что-то еще болит,
Но пустоте безразлично, даже если навзрыд кричать,
Значит, нет смысла и говорить...

И глаза еще ловят лики теней на камнях –
Это все, что осталось от друзей, от своих и чужих.
Пониманье пришло, но ты так и не смог принять...
И, наверное, ты не жив.

Жизнь в долг

Жизнь в долг.
По законам рабства продали
Себя, двойная оплата, кредит.
Недолго
Роскошь ремонта былых развалин
Радовала глаз. Убит.

Авария. Сплошной маразм,
Как кара небесная, перечеркнувший жизнь.
Закатывается ум за разум,
Отказывая, а долговая бездна
Трясиной затягивает. Торопись.

Освобождения
Не будет, сполна расплатишься
Со спрутом закона, он многорук.
Без сожаления
Посмотрят люди, когда покатишься
По наклонной,
Все ниже, пока закольцовывается круг.

Из него
Уже совсем не выпутаться:
Коварная западня, одни долги.
Одного
Жаждешь – из рабства выкупиться
За полдня.
Не выйдет – остры клыки

Во рту
У зверя, который пережевывает
Тебя, как механизм, шестеренками
Своих зубов.
Ату!
Бог бережет береженого,
Сестренка,
Но не снимает добровольных оков.

Друзья
и
Гости
КЛУБА

Николай Ерёмин

Член СП СССР с 1981 г., Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шukiин». Он является лауреатом премии «Хинган» и «Нефритовый Будда», победителем конкурса «День поэзии Литературного института – 2011» в номинации «Классическая Ли́ра», дипломантом конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ. Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты», публиковался также во многих красноярских, российских и зарубежных изданиях.

Цикл стихотворений «Любовь от шёпота до крика»

Любовь правдива или ложна?
Мы постепенно узнаём...
Хотя почти что невозможно
Остаться где-нибудь вдвоём...

Любимая, ты появилась,
Полна и красоты, и сил, –
И зависти гриппозный вирус
Людские душа поразил...

Как страстно неприютен город!
Как грозно холоден и хмур!
Нет места... Всюду – чьи-то взоры...
И чей-то телефонный шнур...

Но нет, чем дольше мы в опале,
Чем больше зла мы узнаём –
В любой толпе, в любом квартале,
Мы – вопреки толпе – вдвоём!

Ты вошла в мои глаза, как восход...
Я вошёл в твои глаза, как закат...
И с тобою я не знаю забот –
Беззаботный, всем заботам я рад.
Почему, как за иголкою нить,
Ты – за мной, я – за тобою, опять?
Ты не можешь ничего объяснить...
Не хочу я ничего объяснять...

О, мы друг к другу так жестоки!
Любовь – до крика, боль – до слёз.
Мы сами сокращаем сроки
Всего, что нам дано всерьёз,
Всего, что вновь не повторится
При свете утренней зари...
Любовь сближает наши лица,
Боль разлучает у двери...
О, погоди ещё минутку,
Ещё мгновенье задержись,
Пока не превратилась в шутку
Уже бессмысленная жизнь...

Я не забуду это лето:
Бескрайних волн солёный шум...
Избыток тьмы, избыток света,
Взволнованный избыток дум...
Судьбы и времени подарок –
Глоток свободы на двоих.
Стихи, почти что без помарок,
И вдохновительницу их
И, воскресающий повсюду
Огонь, согревший нас... И дым...
Я, если вдруг и позабуду,
То вместе с именем своим.

Стихи для приморской гитары

О, как я жду тебя...
Звенит ночное лето
Безумием цикад...
И, время торопя,
Ты вновь ко мне летишь –
Звезда, частица света...
О, как я жду тебя...
Как я люблю тебя!

Ты волю даришь мне
И мужество таланта...
Я чувствую, что мы
Сильны одной судьбой.
Покуда нет тебя –
Горит ночная лампа.
Я выключу её –
Покуда ты со мной...

Цикады смолкли. Ночь
Сгоняет звёзды в стаю.
Приморский горизонт
Готов обнять зарю.
Что с нами поутру
Случится – я не знаю...
Но не погаснешь ты –
Так я тебя люблю!

Мы с тобою встретились в ночи,
Потому что дня нам было мало...
И согрелись у одной свечи,
Выпив хмель из одного бокала...
На одну вершину нас сквозь тьму
Возносила сказочная сила.
Мне теперь понятно, почему
Нам с тобой двух жизней
Не хватило.

Помню чаек гортанные возгласы,
Шелест моря, покой, полусон...
Удивительной свежести волосы
Над твоим – ещё бледным – лицом...

Помню шторма удары неистовые,
Веер брызг и восторг, и полёт...
То, что ветер в тот вечер насвистывал,
До сих пор ещё в небе живёт...

Помню первый ожог откровенности
И последний – от солнца – ожог...
Разговоры о вере, о вечности...
Кто нам, кто их подсказывать мог?

Одурманенный морем и молодостью,
Мир качался, почти невесом –
И кончался
 У края,
 Над пропастью,
За твоим загорелым лицом...

Меж нами – жизнь: сомнения и муки...
Ты на восход глядишь, я – на закат.
Друг друга отпускают наши руки,
И вот – никто ни в чем не виноват.
Заходит солнце, и луна восходит.
Бег времени, увы, необратим.
Но – в одиночестве и при народе –
Люблю тебя и знаю, что любим...
И перед тьмой вселенскою рыдая,
Вновь повторяю на закате дня:
– Забудь меня, забудь меня... Родная!
Любимая! Не забывай меня!

Огонь – в глазах, и в волосах – огонь...
И в жарком теле – огненная сила,
Которая – едва друг друга тронь –
Нас к солнцу и влекла, и возносила...
Закат, восход – и тленье, и пожар,
Нет между ними воздуха для вдоха.
Нас огненный охватывает шар –
Мгновение, столетие, эпоха...
И ты, и я – обожжены уже...
Как снег, слетает пепел к изголовью...
Всё выжжено и в мире, и в душе
Немыслимой сверхчувственной любовью...
Погас огонь в глазах и в волосах,
Угасла в теле огненная сила...
О, на земле и там, на небесах,
Любимая, все было так красиво!

Обиженный рояль

- Ты пойми мою печаль:
Здесь, где тишь да гладь,
Я – обиженный рояль...
Ты меня погладь.
Одинокий, при луне,
Весь я – лунный блик.
Поиграй чуть-чуть на мне,
Я играть отвык!
Ах, какая в струнах дрожь...
Трудно нам с тобой.
Я расстроен? Ну, так что ж,
Ты меня настрой.
Милая! Увы! Людьми
Был я позабыт
И, без дружбы, без любви,
Свой утратил вид.
Оживи – и ад, и рай,
Радость и беду!
Поиграй же, поиграй,
Я не подведу.

Воскреси – и явь, и сон,
Музыку храня...
Ни в кого я не влюблён –
Полюби меня!
Ах, играй... Моя вина,
Что звучал не так...
Скоро скроется луна –
И наступит мрак.

*Из книги
«Миражисты. Кастрюля и Звезда, или Амфора нового смысла»*

Или? Или!

*«ИЛИ»
Константин Кедров*

Снова Гамлет:
– Быть или не быть? –
Будоражит всех, скажи на милость...

Справедливость
Не восстановить,
Если тут и там – несправедливость.
Вечную проблему –
«Или-или»
Каждый сам решает человек.
Умереть –
Чтоб тут же
Позабыли...
Или –
Тут же –
Вспомнили навек...

Татьяна Иващенко

Секретарь Китайского клуба, созданного при участии Центра Этнокультурного диалога в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края.

Китайский клуб – клуб людей, интересующихся китайской культурой, историей, литературой, поэзией, живописью, кинематографом, достопримечательностями и достижениями, традиционным наследием и современными особенностями.

Переводы стихов времен династии Тан (618 – 907 гг.)

古朗月行^① ◆ 李 白

xiǎo shí bù shí yuè hū zuò bái yù pán
小时不识月，呼作白玉盘^②。
yòu yí yáo tái jìng fēi zài qīng yún duān
又疑瑶台^③镜，飞在青云端^④。
xiān rén chuí liǎng zú guì shù hé tuán tuán
仙人垂两足，桂树何团团。
bái tù dǎo yào chéng wèn yán yǔ shuí cān
白兔捣药成，问言与谁餐？

Миф о луне

В детстве с Луной не знаком.
Видишь висящей ее высоко-высоко,
как серебристое круглое блюдо
из драгоценного камня, как чудо!
Старший товарищ рассказывал мне,
что на обратной ее стороне
скрытый густой облаков полосой
жизнь продолжает отшельник –
теперь он святой.
В придачу, коричное дерево
здесь же растет,
ласковый заяц-беляк в ступке
лекарство толчет.
Кто же лекарство то пьет?

题都城南庄 ◆ 崔 护

qù nián jīn rì cǐ mén zhōng
去 年 今 日 此 门 中 ,
rén miàn táo huā xiāng yìng hóng
人 面 ① 桃 花 相 映 红 。
rén miàn bù zhī hé chù qù
人 面 不 知 何 处 去 ,
táo huā yī jiù xiào chūn fēng
桃 花 依 旧 笑 ② 春 风 。

Сад к югу от городской стены

Чудесный персиковый сад
Цветет сегодня, как и год назад.
И в том же месте расположен вход.
И около ведущих внутрь ворот
Перед глазами образ юной девушки встает.

Девичьего лица прекрасные черты:
В нем столько нежности, изящества и красоты,
Румянец оттеняют красным цветом
персика цветы.

Цветы в себе сегодня ее образ заключают,
Где юная красавица сейчас, никто не знает.
Но не грустят цветы об этом,
Разбуженные ото сна весенним ветром,
По-прежнему цветут чудесным пышным цветом.

咏柳 ◆ 贺知章

bì yù zhuāng chéng yí shù gāo
碧玉^① 妆 成 一 树 高 ,
wàn tiáo chuí xià lǜ sī tāo
万 条 垂 下 绿 丝 绦^② 。
bù zhī xì yè shuí cái chū
不 知 细 叶 谁 裁 出 ?
èr yuè chūn fēng sì jiǎn dāo
二 月 春 风 似 剪 刀 。

Песнь ивы

Богато нарядившись, как будто в самоцветы,
Зовёт к себе, в зелёный яркий лист одета,
Высокая, спускающая ветви к земле ива.
Как хороша! И как красиво
Колышет ветер ивовые ветви,
как будто шелковые ленты.

Не знает узкая изящная листва,
кому обязана рождением она.
Здесь потрудился весенний ветер февраля.
Как ножницы, искусно, виртуозно, тонко
Он сделал прорези, открыв путь каждому листу.

Вложил всю душу, все свое умение,
Высвобождая изнутри
совсем сухих, казалось, веток
Жизнь, нежность, яркий цвет и красоту.

春望词

◆ 薛 涛

huā kāi bù tóng shǎng
花开不同赏^①,

huā luò bù tóng bēi
花落不同悲^②。

yù wèn xiāng sī chù
欲^③问相思处，

huā kāi huā luò shí
花开花落时。

Восхищение весной

Весна. Каждый раскрывшийся цветок
В нас пробуждает радость и восторг.
Любуемся и восхищаемся цветами,
Что полностью открыли перед нами
Всю красоту свою и красок буйство,
Родив в душе, прекрасные
возвышенные чувства.

Но наступает время лишиться
распустившихся цветов,
К земле стремится поток увядших лепестков,
И человек теперь, взор обративший вдаль,
испытывает сожаленье и печаль.

Стремителен поток событий,
велик и чувств разбег.
Мне важно каждую минуту знать,
Что чувствует в душе сейчас
Со мной живущий вместе
любимый человек.

竹枝词九首(其二) ◆ 刘禹锡

shān táo hóng huā mǎn shàng tóu
山桃红花满上头^①,

shǔ jiāng chūn shuǐ pāi shān liú
蜀江^②春水拍山流^③。

huā hóng yì shuāi sì láng yì
花红易衰似郎意,

shuǐ liú wú xiàn sì nóng chóu
水流无限似侬愁。

Двойственность

В горах деревья персика румяным
пышным цветом расцвели,
Начало обозначив пробуждения и любви.
Их ярко-красный молодой узор
Распространился от подножий до верхушек гор.
Бурлящая, как страсть, большой реки вода,
Стекая, бьет обрывистые берега.

Но разве не напоминают чувства юноши,
которому пришел влюбиться срок,
недолговечный свежесрезанный цветок?

Хотя мечты о девушке его
в чудесную уносят даль,
За ними следует необъяснимая печаль,
Которую вода извилистой реки рождает,
что непрерывно в бесконечность утекает...

Ольга Левская

*Поэт, художница, культорганизатор
красноярского Дома искусств. Автор и ведущая
передачи «Культурная среда» на красноярском
медиаканале «Радио VK». Автор книги – «тетрадь»
стихов «Ибонадо».*

Я их всегда узнаю по глазам.
Правый заметно больше, а левый заметно подбит.
Они верят в банкноты, не верят часам,
И их календарь показывает палеолит.
Ещё они любят считать, как правило, до семи,
Но быют примерно на два, и примерно в пах.
Они в общем не виноваты – субпродукты великой семьи,
Чье сердце давно поросло травой,
Чья печень рассыпалась в прах.
Я их всегда узнаю по делам –
Правой сеют, а левой крадут.
Правой тянут за шиворот в храм,
Левой шарят кастет или кнут.
Они в общем не виноваты – стая псов, охранявших забор,
За которым воздвигли прекрасный дом,
Но бездомны Казбек и Трезор.
Я их всегда узнаю по шагам.
Правой, левой, кругом, ать, два.
И мне хочется дать им прекрасных дам,
И картины, и свет, и слова,
Чтобы их мушкетёры из детских книг,
Одиссеи из детских снов
Постучали к ним в пепел, открыли все клетки
И выпустили любовь.

А помнишь, как мы жили тогда?
Яйца были – дорогая еда,
Мы варили суп на двух кубиках,
Но у нас был видик для Кубрика
И кассеты с Сашбашем и Янкой,
И с приезжими хиппи пьянки.
А видишь, как мы живём?
Не задумываясь, жуём
Сыр с прожилками цвета неба,
Только нет у нас в жизни - как не было,
Ничего, что казалось главным
Под закуску сырочком плавленным.

Сказочки на ночь

1.
Как бы путнику силы найти, чтобы выстроить дом.
Как бы домовладельцу уйти в одичалую волю.
Как бы жаждой ведомому – все же вспахать поле.
Как бы страхом гонимому – все же забыть о нем.
...Предлагает наш лекарь от хвори-тоски порошки.
Вот толченые волчьи глаза, чтобы зреть в ночь,
Вот сушёная печень орла – позабыть дочь,
Сына, мать и жену. Вот колючие колоски:
Насыпаешь в постель – и приснится такой сон,
что вовек не забудешь, и будешь во сне жить.
Вот настой, восемь капель – и ты навсегда сыт.
Вот пилюля, глотай – станешь лекарем. Ждёт он,
Что придёт ученик – и ему бы вручить, эх,
Всю бессонницу знаний и право ломать путь.
И тогда лекарь сможет уехать и отдохнуть.
И не слышать, как некто смеётся над планами всех.

2.
У него мания преследования, сестра.
Он входит в жильё, как в ловушку, и запоминает.
Он дышит шумно, как будто в футбол играл.
Он много потеет, как все из его стаи.
Он пьёт глотками с поллитра, вода течёт
По шее, за ворот. Ещё – он воняет мятой.

Он вечно жуёт. Я не знаю, что он жуёт –
Но челюсти ходят, как будто он в них запрятал
Перпетуум мобиле. Да, он читал их всех –
От ранних до поздних, и даже цитаты помнит.
В его голове – исторически строгий цех,
Там все на цепочках, в контейнерах – люди, кони.
Он выглядит плохо. Такой заводной качок.
Очки в роговой оправе и шорты. Он ходит в шортах.
Носки и сандалии. Счётчик его включен –
Считает свидания. Кажется, ждёт чего-то.
Зачем я все медлю, сестра, не пойму сама.
Пора завершать, только я все тяну, однако.
Ну может... А, ладно. Как там говорила мать?
Хороший мужик – бесполезнее, чем собака.
Мы завтра приедем вдвоем. Приготовь кальян
И яму поглубже на, скажем, ладонь, и шире.
Уж лучше пусть будет так, чем склероз, делирий
И прочие глупости долгого бытия.

Проснулась с мокрыми глазами.
Кого оплакала во сне –
Уже не помню. Вечер замер:
Я с ним опять наедине.
Я выбираю радость дней,
Как рыбный стол или колбасный.
Иду на запах. Книга, здравствуй,
Побудь вдоль вечера во мне.
Мы ляжем спать, и книжий бок
Упрется в ребра мне обложкой.
Мне с книгой сладко и тревожно.
Хочу! Давай ещё разок!
Перечитаю семь страниц
Из нежной книжной сердцевины.
...Она была чиста, невинна,
А я ее плашмя и ниц.
Проснусь, точа слезой опять
Подушку. Плакала в бескнижье.
Где та, что всех важней и ближе?
Придется сесть и написать.

Женщина шарит глазами по полю
Сгустки энергии девочка пёсик
Бабка идёт опираясь на осень
Мается юноша вольной неволей
Женщина ищет случайные всплески
В ветках синица в траве землеройка
Всполохи птиц в золотом перелеске
Всполохи белок в сосновой прослойке
Женщина видит продольно дорожке
Тянутся тонкие нити дыханий
Травы с грибами плетут осторожно
Мягкие сети грызущие камень
Мошки и бабочки пчелы и осы
Тянут в пространстве сияния струны
Женщина видит, и слышит
И носит
В сердце любовь
...А по виду безумна

В небесной канцелярии – уборка.
Столы придвинуты к побеленной стене.
На них огромной свалкой папки:
Лорка, Иванов, Гете, кто-то с Пиреней.
Уборщица освобождает полки.
Сметает пыль, из папок – прочь – листы.
Она их топчет, словно на прополке
Сорнячный силос. Гений чистоты
махровой белой тряпкой, словно тяпкой,
срубает паутину с потолка...
Все в топку мира – книжный силос, папки –
В круговорот рождений. А пока
Небесная коллегия закрыта,
Каникулы до следующих ид.
Поток небесного канцелярита
Лишён пристанищ, в головы летит.

Всем собаченькам мира посвящается

Ноосфера пузырится кипяченым молоком.
А Агашке Васька снится. Васька пахнет табаком,
Васька молод и безбеден – пальцы, зубы – все при нем.
Он Агашке частый гребень подарил – гулять пойдем?
Васька спит от взлая к взлаю – снов не видно в конуре.
Бродит по небу Аглая, дети бродят по земле.
Звезд насыпано в фуражку неба – будто муравьев.
Васька-пес прогнал Агашку.
Кошка ищет новый кров.

Подкрадываюсь к Яблочному Спасу.
Ладони на глаза. А запах зелен,
А запах боком розов, боком красен,
Уже с горчинкой, но ещё без прели.
Медовый Спас пришёл. Стоит у входа,
Со всем своим столетним скарбом, хламом –
Гадает по соцветьям на погоду
И собирает соты с тонких рамок.
Дымарь разводит – дует в серый уголь.
Сквозь сетку улыбается устало.
И пахнут воском, дымом, мёдом руки.
- Смотри-ка, деда, вот какая стала –
Три сына, и работа, все как надо.
Да, городская, нет, бываю редко...
А пасека жужжит в утробе сада.
Белоголовник – чаем. Мёд, ранетки.
И лавки под гудящими ветвями,
И стол накрыт клеенкой в дырах мытых.
Мои года – последняя защита
От памяти, укрытой облаками.
Медовый спас, ранетовый, орешный
И август, юный, долгий и безгрешный.

Во мне по утрам просыпается дьявол уюта.
Он требует кофе в молочно-прозрачном фарфоре,
серебряных ложек и пледа из шерсти оттенка камута,
И вида на лес или горы, а лучше – на море.
И с каждым горячим глотком проявляется чётче
И ярче любовь к бытию. И душа так беспечна, легка.
И дьявол уюта, расслабленный сонный налётчик,
сбегает от милого ангела кавардака.

Раньше было просто –
если косы,
хайратник, феньки –
сели на ступеньку,
пароль – прокл харум, все всем и даром,
Любовь как способ и книжек россыпь.
Косуха, кожа –
возможно тоже,
Ну ганзнрозиз
и что-то после,
Пусть пиво с водкой, булавки-четки.
Запястье с шрамом, везде на равных.
Нейтрал джинсовый –
Возможно, клёво,
Немного Янки,
секс-пистолз, транки,
Дали, Кортасар, ещё ни разу.
Ладонь по роже, никто не должен,
Взятяг до дрожи, «а ты хороший».
Третью века в дымке.
И все любимки
Ушли, пропали,
живут в деталях.
У этой косы, у этой феньки,
все знаки в россыпь, все смыслы тенью –
И нет Системы, и нет системы.
А что осталось?
Вот –
с(к)ука-старость.

Рука в руке, в зрачках – дорога,
Сума в обличье рюкзака.
Всего навалом в мире, строгом
К лентяям, нежном к дуракам.
Блудит дорога, тропкой вьется,
Седины пачкают виски,
А мир никак не разберётся –
лентяи или дураки.

За окном, тоскуя, плачет город крашенных фасадов.
Я вчера его любила, а сегодня уезжаю.
И гулять, круги считая то ли рая, то ли ада
Будет кто-тонибудь другая, может, лучше – но другая.
У другой на ветер мысли будут и по ветру косы,
И другой босые пятки отобьют нелепой дробью
По аллеям и площадкам, где растрёпанны и босы
обнимаются для танго, буги-вуги... И с чего бы
Мне считать свои потери? У меня в двенадцать поезд,
я уже сложила вещи, проверяю паспорт, полис.
Ждёт меня любимый город, весь умытый, бритый, свежий.
Приготовил кольца улиц, ждёт с надеждой.

Когда мне было столько, сколько пальцев на левой руке
(на правой я их не считала, знаю только про ле...)
Маленькое солнышко отражалось в большой реке,
Маленькие мурашки ползали по земле,
Все величины ссорились, каждой был противовес -
Все отражалось суетно – малое – да в большом:
Рядом с пореем кедрами щерился грозный лес,
Рядом с утиной лужицей паялился водоем.
Камешек роста малого – за валуна спиной.
Маленькие взрослые рядом с огромной мной.

Аты-баты, рожь примята там над пропастью полей.
Мы с тобой как два солдата, не вернувшихся в Бомбей.
Мы прошли почти полмира – автостоп и все дела.
Вписки, хостелы, квартиры, три ступеньки два угла.
Аты-баты, шиты, мяты, отвечаем за базар.
Что купили, что просили в синей сумке самовар.
Символ праздника – баранки, символ дома стог в снегу.
Аты-баты, в сердце ранка – зализать бы на бегу.

Проклюнулось утро шуршанием света
Сквозь тучи и окна, по клеткам паркета.
Разобраны звуки в названий корзины –
Вот хлеб нарезают, вот завтраки стынут,
Бумага хрустит, мерно хлопают двери,
Вороны считают прибыли-потери,
Тарелки и вилки взаимно влюбленно
Стучатся сердцами, зубцами. Вороны
Считают прохожих, считают проезжих.
Бумага хрустит. Одиночество нежит
Последние капли тепла в одеяле.
Подушка вбирает остатки, детали
Случайного сна с непонятной структурой,
И небо ползет голубым кракелюром,
И новорождённый птенец желтоносый
Себе пропитания вечного просит,
И тянет прозрачные лапы куда-то,
Где вне измерений, высоко, крылато
Парит, укрывая от бездны обитель,
Немного усталый, но гордый родитель.

Утрице, как утица, по воде крылом.
Непременно сбудется, если не облом.
Вечере как вечное – камни-голыши.
Что кому намечено, думать не спеши.
Отложи на полочку, засуши в альбом.
...Мы – такие сволочи, сушимся живьём.

«Только не Катей! У нас коз Катьками кличут!»
Анна Тихоновна

Меня Екатериной ждали
И звали так неделю, что ли,
А после – записали Олей.
Но имя первое впяли
Уже куда-то в подреберье.
И двухименная надменность
Во мне сквозит. Попеременны
Имен находки и потери.
Наследство всех чужих историй,
Прилипших к Катям или Олям,
И отголоски всех проклятий
Во имя Оль, во славу Катек –
Меня, конечно, занимали,
Меня, конечно, отнимали.
А если б дали мне одно –
Другое дело –
Жила б, как пела.
...Коза, как есть коза.

Это не годовые кольца, детка,
это дорожки для музыки будней,
Пусть я выгляжу старым, детка,
в сравнении с вами я просто подросток,
Я сделан по меркам старого ГОСТа,
меня ремонтировать архипросто.
Дай мне погулять в твоей роще,
поиграть на твоей лютне
Или хотя бы издалека
Посмотреть,
Как тебя укрывает асфальт,
Как тебя обнимает река,
Как ты вырастаешь в мой мир,
Сама не ведая, как.

Татьяна Островская

Училась в техникуме промышленного сервиса на социального работника, вторая профессия – офис-менеджер. Сейчас воспитывает сына.

«Мои стихи посвящены любимому человеку и сыну. Они – мое вдохновение».

Для тебя

Вдруг раздался твой звонок,
Сердце екнуло опять.
Я снова подвожу итог,
Всю жизнь готова тебя ждать.

Сердце стучит и пульс зашкалил,
Когда я слышу голос твой.
И снова вид мой опечален –
Ведь знаю я, что ты не мой.

Когда с тобой была счастливой,
Душа летала в облаках.
Любить тебя и быть красивой
Могу я только лишь в мечтах.

С ума схожу я без тебя,
Я без любви с другим живу,
А ты уже забыл меня –
Не знаешь, как тебя жду.

Я вспоминаю все моменты:
Как нежно прижимал к себе,
Ты мне дарил лишь комплименты –
Храню я память о тебе.

Душой я в небо уходила,
Когда ко мне ты подходил.
Так сильно я тебя любила,
Ты радость в сердце мне дарил.

Любить тебя всегда я буду,

Звезду с небес тебе я шлю.
Я прошлое не позабуду,
Тебя я с сыном всегда жду.

Сейчас лишь грубость и скандалы,
Я без любви в душе живу.
В семье у нас одни обманы –
Все потому, что не люблю.

Я лишь мечтой одной живу,
Чтоб быть опять с тобою рядом.
И каждый раз чего-то жду –
Обнять тебя хотя бы взглядом.

Моя звезда летит к тебе,
Ее всегда я посылаю,
Как ты относишься ко мне,
Когда-нибудь я все узнаю.

Я люблю тебя

Я люблю тебя как воду –
Без нее нельзя прожить.
И в любую непогоду
Тобой буду дорожить.

Даже если ты забудешь
И не вспомнишь обо мне,
Буду думать, что ты любишь,
Обниму тебя во сне.

Если будет тебе плохо,
За тебя я помолюсь.
До последнего я вдоха
Без тебя не обойдусь.

Я желаю тебе счастья,
Потому что я люблю.
От тебя твои ненастья
Я любовью отведу.

Я люблю тебя как солнце –

От него тепло идет.
Оно светит мне в оконце,
Жизнь оно с собой несет,

Согревает душу, тело,
Охладиться не дает.
И могу сказать я смело,
Что во мне любовь живет.

Я люблю как воздух чистый –
Им ведь хочется дышать...
Мой ты нежный и лучистый,
Я с тобой хочу летать.

Во дворе пусть непогода,
Ветер, дождь или пурга.
Без тебя не будет восхода,
Жизнь не будет так мила.

Владимир Полухин

Красноярский поэт, музыкант, лауреат конкурса имени Игнатия Рождественского 2018 года в номинации «Поэзия».

*«Антракт, негодяи!»
М. Булгаков*

Проснулся. И сразу – ногой – в мясорубку нового дня,
Выскользнув чудом из газовой камеры ночи.
И новый виток, где на каждом шагу западня.
Где фразы, оргазмы, шаги – с каждым мигом короче.

Уходят, как раньше ходили в кино по субботам –
Беспечно оставив любимых, долги, векселя.
Тимурки, Алешки и Ромки к незримым высотам
Сбегают, оставив на разных квартирах свои труселя.

А мы остаемся, штампуя мгновенья и годы.
Из них лепим жизнь, так похожую на контрафакт.
Герои глядят в зеркала. В зеркалах проживают уроды.
Герои пьют спирт, чтоб скорее приблизить антракт.

Скроили из разных обрезков, пошили костюм домино.
Надели. И словно в отместку – живём. По законам кино –
Того, где герои нелепо ведут в никуда диалоги,
Где все хулиганы – поэты, и девы все – недотроги.
Паяцы, мальвины, фракасы. Под маской и капюшоном
Живем по законам фарса –
Оперы трёхгрошовой.

Сидим. Молчим.
- Давай, помянем Стинга.
Он жив ещё. Я знаю. Только вот...
Когда-то у меня была пластинка.
Ну, та, где он про englishman поёт.

А я в то время был фанат винила...
Ну не сидеть же нам в давящей тишине?
Она страшнее запрещённого ИГИЛа.
И безнадёжней, чем у Горького на дне.

...А помнишь, мы с тобой коньки купили
И ездили ночами на каток?
Без остановки говорили, говорили.
Договорись... Докатались. Вот.

...И всё-таки, давай помянем Стинга.
Пускай его – не поминать же нас.
Вставай. Станцуем. Не нужна пластинка.
Я сам спою.
...Спасибо Стингу.
Спас.

За сим прощаюсь. Всё, довольно
Таскать цветы и шоколад.
Мы делали друг другу больно.
Прощаюсь. И чертовски рад,
Что облака Аустерлица
Чумные ветры унесут.
Сотрется файл, слетит страница.
Я уезжаю. Вас же ждут
Другие жертвы и игрушки:
Балы, гвардейцы, сплетни, флирт...

Шампанского! Палите пушки!
Game Over! Закрываю вирт.

А у нас как обычно – привычный порядок:
нет скандалов, майданов, нет драм бытовых.
В нашем местном пруду извели всех русалок.
И беззубым (так принято) пишется стих.
Этот город притих, погрузился в сиесту,
притворился курортным – и всё, нет проблем.
Только мальчик с гитарой здесь явно не к месту.
Его пафос наивен. Мы не ждём перемен.

Чуть-чуть не дотянулся, не допрыгнул.
Послал мяч в штангу, пулю – в молоко.
Где прогибались – спину недовыгнул.
Летал низЭнько и нырял неглубоко.
Нёс воду – расплескалась половина.
Хохмил – непонимание в глазах.
В момент рождения – душила пуповина.
Копил – но было пусто в закромах.
Перепивал – там, где хватало и глоточка.
Переживал – там, где другой махнет рукой.
Я многоточие закончу жирной точкой.
Прекрасен мир, но только он не мой.

Вот так нечаянно – залипнешь взглядом
На какой-нибудь мелочи,
И обожжет кипящей магмой.
Кричать нельзя. Молчи. Молчи!
Это фантомные боли памяти. Память нематериальна.
Там нечему болеть.
Не закричать, не сорваться – лишь это актуально.
Скрутило спазмом нейронную сеть.
Воздух дерёт горло похлеще скраба.
Глаза слезятся – не виден рай.
Где Аннушка? Где эта дурная баба?
Кому куда, а мне – под трамвай!

Закрылки подняты или опущены.
Я не пилот и точно не знаю –
Бегу по будущему, стремительно настоящему,
Бегу вприпрыжку. Взлетаю... Таю....
Я таю, как дешёвое фруктовое мороженое
С навязчивым вкусом яблока и дыни.
Не вляпайся в меня – ходи осторожно,
Не губи свои выходные.
Не губи... А много ли их ещё будет?
Сколько ты увидишь, пользуясь лишь ближним светом?
Звонок. Усатый ангел тебя разбудит,
Придя за ответом-приветом,
Прикажет назвать – букву, слово?
Угадаешь – позволят крикнуть с небес:
«Привет!...»
И не будет шанса второго.
Такое вот «Поле чудес».

Тик-и-так.
Год прошёл.
Вроде живы. Хо-ро-шо.
Пусть в карманах боль и мрак –
Мы зашьём их (как-то так).
Пусть скелеты в рюкзаках,
Пятна крови на руках,
Что-то сбросим,
Что-то смоем,
Срок положенный отвоем,
Сколько надо – столько выпьем
И когда-нибудь залипнем
На закате у костра,
Провожая бога Ра
С чашкой кофе на заре,
Чтоб писать от ноты Ре.

Мне приснилось, мне приснилось,
Мне приснилось – ла-ла-ла!
Что прижалась, прислонилась
Моей милой голова
Не к тому плетню, забору,
Волосам, плечу, щеке...
Я из этого кошмара
Убегаю налегке,
В труселях на босу ногу,
С неприбитой головой...
Продышался,
Огляделся –
Всё на месте. Спим.
Отбой.
Ууууу!
Далёкой электричкой
Усмехнулась моя грусть:
- Ночью, в пурпурном облиии,
Я к тебе опять вернусь...

Эта книга – её в девяносто втором
Я купил в переходе на Пушкинской. Месяц октябрь
Перманентно серел и сырел, набухая от влаги,
Ежедневно плевал переменным дождём.
Я же сравнивал пива сорта и ... дегустировал буквы на старой бумаге.
Мелким шрифтом – исходные: город, издательство, год.
Год начала конца и восторженных криков «Ура».
Помогал мне Budweiser ползти по страницам вперед.
Эти ижицы, еры и фиты – такая мура.
Этот Pilsner достоин оваций и высших похвал,
Ну, а Балтика-семь, извините, совсем mauvais ton.
«Очерк эзотеризма религий». И это тогда!
Я глотал его жадно, боясь, что возможно не будет «потом»
25 лет спустя (что мне сможет Дюма предъявить?).
Я нашёл электронную версию книги в сети.
Раритет – с первым браком остался. Забыть и простить.
...Мы – то строим, то рушим, то правим, то кривим пути.

Я не успевал за своими пальцами.
Они неслись ошалелыми зайцами
По бедрам, ключицам, груди,
Стучали морзянкой – Не уходи!

Сегодня не уходи, и завтра, и никогда.
Мотает солнце круги, вырастают в базальт города.
Слова разучусь рифмовать, забуду большой септ-аккорд.
Не уходи – этой фразой загнуло Word.

Это будет не предательство, а гораздо хуже.
Все мы когда-нибудь встретимся с адептами стужи.
Не будет посмертия, лишь холод вселенский внутри.
Не доводи до этого –
Не уходи.

Трава колет спину. Бутылка вина
И плед украшают прибрежный песок.
Четырнадцать мне. Она не юна.
Хотел бы забыть. Не смог.

Дымится Родопи, в стакане – Агдам,
Вспотевшие руки, заело замок
На юбке одной из отзывчивых дам.
Хотел бы забыть. Не смог.

На выдохе долгом затянет корсет.
Каблук совершенствует линию ног.
Картинка из прошлого. Ей много лет.
Хотел бы забыть. Не смог.

Комочек в руках, жалобный плач.
Всю ночь. Не хватает ни нервов, ни сил.
Вот дочь, дай ей в жизни побольше удач.
Казалось, запомню навечно...
Забыл.

Ты в группе из таких же пассажиров,
А впереди досмотр, рентген и турникет.
Ты и при жизни редко был транжирой:
Класс – эконом, со скидкой билет.

Класс – эконом. Ты в зале ожидания
Веков пять-шесть, без права на диван.
Перемножая время с расстоянием,
«Переведи меня через майдан».

Тебе уже не спеть, не до застолья.
Иных уж нет, другие здесь, в толпе.
А кто-то там остался – и ещё играет – в поле
В футбол, в любовь, на нервах, на трубе.

Сколько жизни осталось?
По статистике – около трети,
По здоровью – до Нового года,
По эмоциям – целая жизнь.
Только светлое счастье моё,
Не достигшее пятилетия,
Держит за руку, сладко под боком сопит,
Намекает –
Ты чо там?
Держись!

Этот август меня точно доконает.
Я бы сжёг его напалмом вместе с прошлым
Августом, который бьёт под дых, пинает,
Врёт в глаза, но милым и хорошим
Выглядеть старается – зараза.
Экстерьер важнее наполнения.
Доконает... Со второго раза.
Третьего не будет....
Август –
Точка жженья.

Мне сказали – поэзия должна быть бесполой,
Бесконфликтной и абсолютно беззубой.
- Напиши – говорят – про берёзу и клён, восхитись родиолой.
Нет в поэзии места гормонам и прочей материи грубой.
Напиши сорок строк про течение медленной речки,
А потом, шестьдесят, про январь, сединой убелённый.
Можно даже немного про лыжи у старенькой печки
И про то, как в просторы, поля и церквушки влюблённый,
Ты стоишь у плетня – строк примерно полтыщи.
Напиши. И, возможно, зимой, а скорей послеследующим летом,
Мы тебя пригласим, пожурим и... бумагу подпишем.
Ты придёшь к нам никем, а уйдёшь настоящим поэтом.

Закуклиться. Забыть цвет глаз и имя.
А две строфы, что написал тем летом,
Порвать и сжечь. Встречаемся с другими.
И редко мессенджи со смайлом и приветом.

Встречаемся с другими – так положено,
Как ни крути, мы – стадные животные.
Храним то лето в виде замороженном.
Мы пили латте – зелье приворотное.

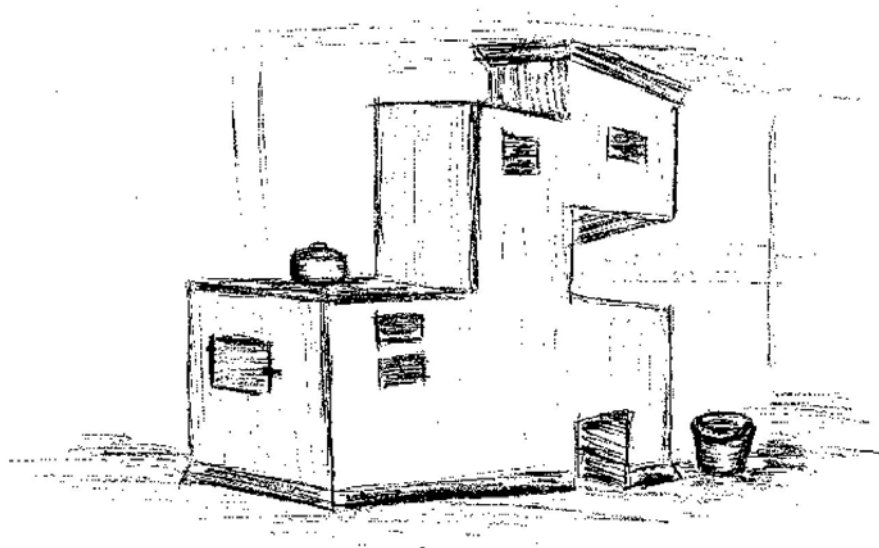
От приворотного лишь шаг до прикроватного,
Потом прительного, а следом прикарманного...
И что-то треснуло, но не было заплатного
Клея, материала и желания...

Вчера пил латте, но не зацепило,
На вид он тот же, только стал безвкусным.
Рубашка в клетку (ты дома в ней ходить любила)
Ждёт.
Возвращайся.
Очень, очень пусто...

Скоро лето – шорты, сандалии,
Можно майка-алкоголичка.
Можно... но это сугубо личное.
Помню – летом – мы умирали.
Нет, не этим, а тем, что кануло.
В Лету. И больше к нам не вернётся.
Помню, учился ходить заново.
Но эта сука выглядывает из колодца.
Слова выплевывает: «Куда ты денешься!
Мой поцелуй – клеймо. Он несмываем.
Ты что-то планируешь, на что-то надеешься,
Но рядом – твой персональный Каин.
Безбратный, думаешь? – Все люди братья!
Зато безбрачием ты не отмечен.
И мерку сняли. И сшили платье.
На этом поле никто не вечен».
А лето – рядится – не зарядится.
Сандалии, шорты – на антресоли.
Куда не плюнь – сплошная задница.
Все Изергили – когда-то Ассоли.

Объявление: «Стимуляция личностного роста».
Бонусом курс «Симуляция оргазма».
Набор в группу – без ограничений, цена в у.е. – всё просто.
Хочется помыть глаза и руки. Вдруг это заразно.
Вдруг это передаётся, как грипп, воздушно-капельно?
Или, как в Матрице, овладевает ментально?
Ищу в сети информацию вдумчиво, тщательно.
Вдруг это угроза нам – как виду? Вдруг это глобально?
Овладевает сумасшествие или мной, или человечеством,
Или это весна с авитоминозным обострением.
Хочу надеяться, что всё это лечится
Без ампутации, а мелиссой, теплом и терпением.

Наблюдаю за прошлым –
Двор, солнце, под забором горошина.
Вот кошка – чем-то неявным встревожена.
Вот маленький росток – проклюнулась горошина.
Жжется – коленки зеленкой измазаны.
Если отмыть – мы будем разными,
Но, пока не поймали, скачем чумазыми
В пыли под тополями, акацией, вязами.
В кастрюле на печке вода греется.
По телевизору – «Время» (лет десять ещё не изменится).
Всё чаще в мыслях тянусь к улетевшему прошлому,
А вокруг старый лес – то, что было горошиной.

КРАСНОЯРСКИЙ ИНСТИТУТ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА.

В гостях у «Высокого берега» курсанты

Тимур Гарифуллин

Курсант 4 курса Красноярского института водного транспорта. Лауреат многих краевых и региональных литературно-поэтических конкурсов чтецов. Участник городских и краевых литературных проектов. Обладатель премии главы Кировского района г. Красноярска «Одарённость – 2016».

Растворяясь сиротливо,
Уходя за горизонт,
Тихо дни проходят мимо,
Незаметно каждый год.

Время – всё, что есть вне срока –
Наш единственный судья,
Беспощадный и жестокий,
Словно в шахматах ладья.

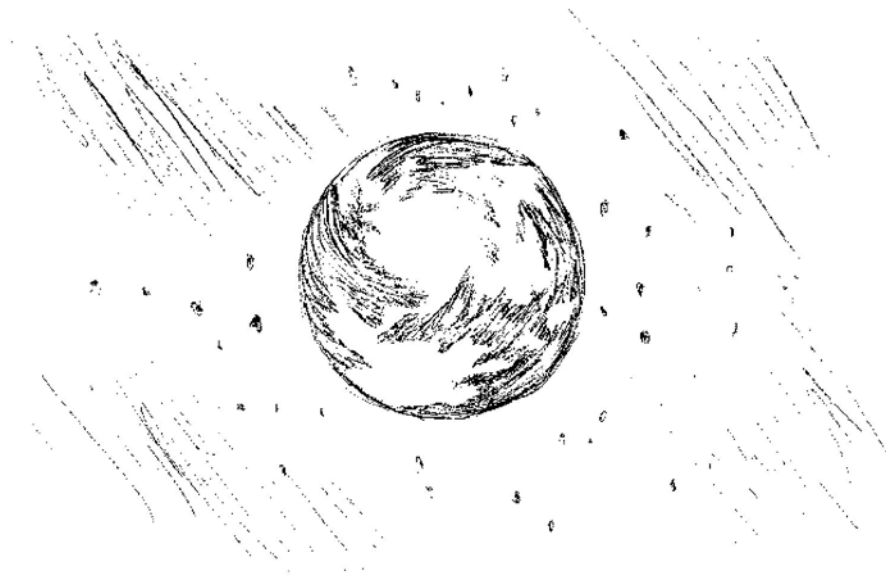
Ускользает, исчезая,
Лучших дней беспечный свод,
Лик привычный изменяя,
Ускоряя жизни ход.

Спотыкаясь, обретаем,
Будет новый взлёт опять.
Вновь с надеждою шагаем
День особенный встречать...

В чудо я хочу поверить,
В строки светлые в стихах,
Где любовь откроет двери
Наяву, а не во снах.

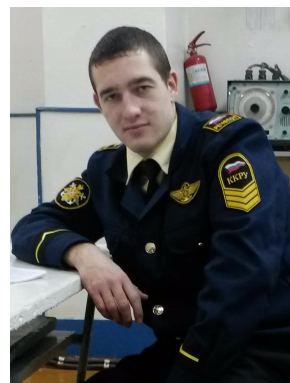
Откровений мир тот полон,
Сочных трав, бурлящих рек.
Он природою дарован –
Всем, чем дышит человек.

Доброта и вдохновение
Наполняют каждый миг.
Шёпот волн и птичье пение –
Жизни всей прекрасный лик.

Сергей Дубровин

Выпускник Красноярского института водного транспорта. Участник многих персональных художественных конкурсов и литературных проектов. Лауреат краевых, региональных и всероссийских конкурсов. Обладатель премии главы Кировского района г. Красноярска «Одарённость–2013». В настоящее время – курсант Новосибирской академии водного транспорта.

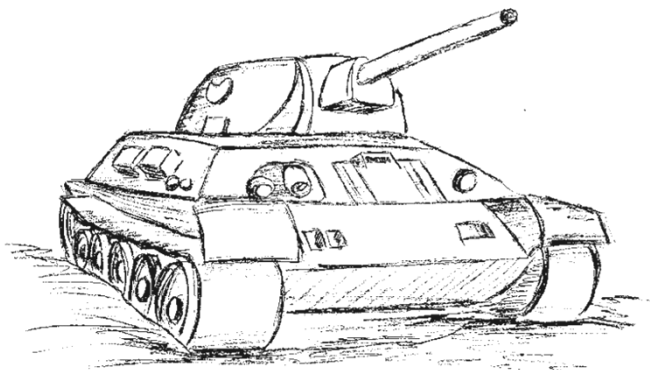
Т-34

*Всем танкистам и танку Т-34, установленному на площади
50-летия Победы посвящается*

Одна душа – танк и танкист,
Путь пройден Славы боевой.
А ставка за Победу: «Жизнь!» –
Ведь шли дорогою одной.

У обелиска он теперь,
Под мирным небом светлых дней,
Как часовой, «железный зверь»
На страже Родины своей.

Испытан тягостной войной
Железный исполин-гранит.
И в холод, и в палящий зной,
Как знак победы он стоит.

Вадим Кузичкин

Курсант 3 курса Красноярского института водного транспорта. Лауреат городских и краевых конкурсов чтецов, а также регионального конкурса в г. Новосибирске в номинации «Литературное творчество».

Как язвами – пятнами нефти
Покрыта поверхность реки.
Известия рыбам о смерти
Несёт Енисей. И мальки

Теперь из икры не родятся:
Ни омуль, ни ёрш, ни таймень.
И чистые воды лишь снятся
Всем рыбакам. Новый день

Встречают они с оптимизмом,
Но снова, как и вчера,
На медленных водах и быстрых
Отходов полно. И гора,

Что над рекой облысела,
Оставшись без кедра сосны,
Унылая, осиротела
И погрузилась во сны.

Бежит Енисей к океану,
Несёт он отраву и смерть.
Я на защиту встану –
Не дам ему умереть!

Алексей Морозов

Курсант 4 курса Красноярского института водного транспорта. Лауреат городских и краевых конкурсов чтецов. Участник многих литературно-поэтических проектов.

Вы усыпили истины простые,
Поставив крест на Правде.
Сердца закрытые, немые –
И пустота во взгляде.

Путь в никуда для миллионов
Граничит с Вечностью.
Людские ложные погоны –
Итог беспечности.

Остановитесь! Ну, зачем вы?
Там – подножия...
Все обрываются пути
По бездорожию...

Творческие объединения юга края

Приветствуем вас в нашей Литературной гостиной!

Мы рады, что имеем возможность показать в седьмом сборнике «На высоком берегу», в рубрике «Друзья и гости клуба», творчество участников фестиваля «Рождественские встречи»: поэтов и прозаиков, фотохудожников и мастеров чтения и рукоделия, представленное ими во время чтений и выставок в Центральной библиотеке п. Курагино в 2018 г.

5-го ноября 2018 г в Центральной межрайонной библиотеке п. Курагино мы уточнили с участниками творческого объединения «Вдохновение» Татьяной Снеговых, Павлом Огневым и руководителем объединения Раисой Пустобриковой из с. Лугавское Минусинского района возможные варианты нашего сотрудничества с целью сохранения культурного наследия региона. Шестой выпуск «На Высоком берегу» мы вручили авторам. Отмечаем, что в электронном варианте он был доступен авторам и ранее, а сигнальные экземпляры книги были на презентации в п. Курагино еще 05.01.2018 г. и оставлены в Курагинской Центральной библиотеке, но по организационным причинам встреча творческого объединения «Вдохновение» из с. Лугавского с Виктором Николаевичем Коновым состоялась только в ноябре текущего года. Мы благодарим ТО «Вдохновение» за участие в совместных проектах с нами и земляками из южных районов Красноярского края.

*Участники творческого
объединения «Вдохновение»*

*Юные участники фестиваля
«Рождественские встречи». 2018 год.*

Мы продолжаем знакомить наших читателей с произведениями Виталия Фалько, Галины Изюмской и Елены Фокиной, участников салона «Шестая струна» из с. Краснотуранск, Краснотуранского района. Фрагмент из рукописи Фокиной «От Красной до Турана» мы предлагаем вам для знакомства.

В нашем сборнике мы печатаем стихи и прозу курагинских авторов из клуба любителей поэзии «У Лукоморья»: Ольги Ехомовой, Надежды Мисюровой, Александра Полежаева и Ани Моор из п. Курагино – постоянных участников поэтических чтений «Рождественские встречи» Курагинского района. Их творчество отличает глубина и искренность, поэтому выступления авторов всегда интересны и привлекают внимание читателей и слушателей.

В июне 2018г. в Курагинском районе широко отметили 140 лет со дня основания села. На праздновании было многолюдно, красочно и по-кордовски красиво. Звучали песни, радовали глаз костюмы ансамблей, везде ощущалась атмосфера добра и радости. Люди сохранили это красивое село.

Фотоматериалы о празднике села подготовил Александр Рождественский. Несколько снимков мы предлагаем вашему вниманию.

Вид на село Кордово

*На праздновании 140-летия с. Кордово.
Ансамбль «Журавушки»*

Александр Дмитриевич, постоянный участник фотовыставок, во время фестиваля «Рождественские встречи» в п. Курагино. Мы благодарим его за фотографии с праздника с. Кордово, фото реки Кизир и горы Джаланджа, их символов Курагинского района, за материалы по краеведению, за память о геодезисте Терехове Борисе Ивановиче и за постоянные фотовыставки в Курагинской районной библиотеке и на фестивале «Курага» – «Поэзия Курагинской земли».

*У выставки «Творчество Александра Рождественского» в п. Курагино.
2018 год.*

*Слева направо Виктор Конов,
Светлана Конева, Ольга Макарова,
Александр Полежаев, Ирина
Завьялова.*

*Слева направо: Виктор Конов,
Александр Полежаев, Александр
Рождественский*

Предлагаем вашему вниманию подборку стихов участников клуба «Литературная капель»: Завьяловой Ирины, Рожковой Людмилы, Макаровой Ольги, Макаровой Татьяны.

В литературной палатке Центральной районной библиотеки (зав. отд. худ. лит. Ольга Карамышева) и поэтического клуба «У Лукоморья» п. Курагино (рук. Любовь Горланова) на АРТ-фестивале «Курага» все последние годы были представлены наши сборники «На высоком берегу».

*Виктор Конов, координатор совместных проектов Литературного
клуба СФУ «Высокий берег».*

Надежда Мисюрова, автор стихов и прозы п. Курагино

Ольга Тараканова

Председатель правления межрегиональной ассоциации литобъединений «Сибирская лира». Состоит в ЛитО «Зелёная лампа» и творческом клубе «Енисейский литератор. Почётный член клуба «Рифма» Минусинского колледжа культуры и искусств. Автор сборников: «Праздник вдохновения», «Плачет стих на звонких струнах», «Цветы в росе».

Ода спорту

Олимпиада! Замирает сердце.
Зажжён огонь. Звучит Российский гимн.
О, СПОРТ – ТЫ МИР! Ты – праздник совершенства,
Пришедший к нам когда-то из Афин.

Расцвет. Тысячелетнее забвенье.
Сорбонны зал, решение – возродить.
И вновь расцвет. О, СПОРТ – ТЫ НАСЛАЖДЕНИЕ!
Тебе – гармонии ума и силы быть!

О, СПОРТ – ТЫ ЗОДЧИЙ! СПОРТ – ТЫ СПРАВЕДЛИВОСТЬ.
Движение вечное и правил свод.
Сдаётся победителю на милость,
Вчера недостижимый, рекорд.

О, СПОРТ – ТЫ ВЫЗОВ! СПОРТ – ТЫ БЛАГОРОДСТВО.
Победа в спорте сладостна втройне.
Достигнута она всегда упорством
И в честной завоёвана борьбе.

О, СПОРТ – ТЫ РАДОСТЬ. СПОРТ – ТЫ ПЛОДОТВОРНОСТЬ.
Здоровый дух в здоровом теле ты.
СПОРТ! ТЫ – ПРОГРЕСС, планеты нашей гордость.
Сплав молодости, силы, красоты.

Студенческий Ленинград

На Мойке, Неве и Фонтанке
Плывут наших встреч острова.
В заснеженном Павловском парке
Застыли признаний слова.

Была я однажды счастливой,
Не думала, что же потом,
Но сессии ритм торопливый
Отсчитывал наш метроном.

Ты был самой лучшей порою,
Студенческий мой Ленинград!
Лишь только глаза я закрою,
Встаёт на пути Летний сад.

Царь Пётр навстречу нам мчится,
Пришпорив лихого коня...
Ладони – озябшие птицы,
Сомкнулись, друг друга храня.

Сам Зимний стоит в изумлении
От наших сияющих лиц!
Дни сессии, словно мгновения,
Над вольной Невой пронеслись...

Притихли дворцовые залы,
Чтоб вслушаться в наш разговор.
И золотом солнце обняло
Исакия гордый собор.

Мне б в этой зиме раствориться.
Остаться бы в ней навсегда!
Ладони – озябшие птицы,
Я чувствую вас, как тогда.

Солдату 1923 года рождения

Двое суток шёл тяжелый бой.
Копоть на лице, а вот щетина
не пробила. Хлопец молодой,
новобранец, но в бою – мужчина.

Час назад в окопе рядом мы
передышки время коротали.
С серых тучек, как десант зимы,
медленно снежинки к нам слетали.

Самой крупной парень вдруг ладонь
протянул приветливо. Но, «К бою!» –
крикнул командир. И вновь огонь,
снова мы поглощены войною.

Он бежал вперёд, «ура» кричал.
Падал снег. Неслись со свистом пули.
Что ж ты, хлопчик! Что же ты упал?!
Мы врага в атаке оттолкнули.

Стало тихо. Остывал металл.
Над воронками клубилась дымка.
Юноше, что храбро воевал,
опустилась на ладонь снежинка.

Памяти Чингиза Айтматова

То не в Киргизии гора упала,
Что зарубежьем числится теперь.
Писателя Айтматова не стало –
У россиян добавилось потерь.

Меняются названья и границы,
Но на него не бросит это тень.
Живут в сердцах бессмертные страницы.
«И дольше века...» длится этот день.

Любовь читателей границ не знает.
Скорбим с тобой, Киргизии народ.
Сегодня к пирсу «Вечность» уплывает
По Иссык-Кулю белый пароход.

Не отпущу

Em *Am*
Под уздцы строптивного коня
E7
Как бы увести мне за собою,
Am *Em*
Чтоб не ускакал он от меня,
Am *H7*
Словно ветер в бесконечном поле.

Припев:

Em *Am*
Нежно в гриву руки запущу,
D *G*
Будто гребнем причешу, приглажу,
Am *Em*
На ухо шепну: «Не отпущу».
Am *H7* *Em*
Он поймёт, но ничего не скажет.

Как его привадить, научить
Брать спокойно у меня с ладони
Сено из травы, что чуть горчит,
И вчерашний хлеб в крупинках соли.

Припев:

Нежно в гриву руки запущу,
Будто гребнем причешу, приглажу,
На ухо шепну: «Не отпущу».
Он поймёт, но ничего не скажет.

Как бы мне помочь ему забыть
Край чужой, далёкую лужайку:
Голос мой и запах полюбить
И признать во мне свою хозяйку.

Припев:

Нежно в гриву руки запущу,
Будто гребнем причешу, приглажу,
На ухо шепну: «Не отпущу».
Он поймёт, но ничего не скажет.

«ВДОХНОВЕНИЕ»

Творческое объединение, с. Луговское, Минусинский район.
Руководитель Раиса Никитична Пустобрикова

Павел Огнёв

*Участник творческого объединения «Вдохновение».
Родился Павел Михайлович в селе Кривинское
Минусинского района в 1954 году. По образованию
техник-электрик. Стихи начал писать с 80-х годов.
Часто выступает с ними на концертах
самодельности и творческих встречах.*

Черта

Она всегда лежит перед тобою –
Незримая, коварная черта.
Лишь только её тронь – и вмиг откроют
Хозяева в мир грешный ворота.

Она тревожит душу неизвестным,
Но стоит её только перейти,
Как черт тебя улыбкою прелестной
В поклоне низком пригласит войти.

Войти в его мир сладкий, но порочный,
Где кажется все твердо и светло,
Но ступишь, бытие, как топь, непрочно,
А возвращаться очень тяжело.

Я не прошу вас быть совсем безгрешными,
Так невозможно жить среди живых,
Но призываю быть хотя бы честными
Во всех делах и помыслах своих.

Мамам посвящается

Как потухшие звезды, светят нам наши мамы.
Их давно уже нет –
Свет от них все идет и идет,
Пробивается к нам он сквозь годы упрямо.
Я живу – жив и он. Я умру – он умрет.
До конца наша жизнь будет маминым светом согрета,
Только вряд ли мы это будем толком осознавать.
Все удачи свои враз припишем себе и при этом,
Мы ни разу не вспомним давно уж ушедшую мать.
С детства нас наши мамы пуповиной к земле привязали –
Она силу дает нам до скончания прожитых лет.
Любям делать добро нам с тобою они завещали,
Излучая для нас наши души врачующий свет.

Зарисовки

Новую жизнь начинают с понедельника,
Хоть думу с утра и мотает кручина.
Без повода пьют лишь тупые бездельники,
У умных людей всегда есть причина.

Те, кто не пользовался, меня не поймут.
Он хуже рыбалки и хуже охоты.
Сел за компьютер на пять минут –
И на два часа опоздал на работу.

Эту логику не скроешь под пудрою,
Для них она, как железная:
Молодые всегда себя считают мудрыми,
А пьяные – только трезвыми.

Не буду доказывать, что есть мочи,
Ведь со мною согласятся все:
Пасмурный день в Сочи – лучше,
Чем солнечный на Северном полюсе.

Когда ум ваш ясен и вы в ударе,
На все вопросы найдете ответы.
Вот что такое идеальная пара?
Это два носка, подходящих по цвету.

«Эти кондитеры, я прям не могу,
Сами совсем ничего не умеют.
Зачем шоколад заворачивать в фольгу?
Весь зал слышит, как я хUDEЮ».

Твердолобый всегда успешен в карьере,
Ему всё равно – ему рад ты – не рад,
Ум, как скакун, берет все барьеры.
Глупость вообще не знает преград.

Хорошая мысль, как заноза,
Руководит, как его величество:
«Алкоголь в малых дозах
Безвреден в любом количестве».

В браке супруги оба равны.
Особо отметить нужно:
Рубашка мужа – лицо жены,
Шуба жены – лицо мужа.

Скажу вам тихонечко, чтоб между нами,
И вы держите в секрете:
- Светлое будущее не за горами,
Оно вообще на другой планете.

Чтобы жить, в душе не копаясь, не роясь,
Надо твердо знать наперед:
Правильно натасканная совесть
Хозяина не загрызет.

Анатолий Мирошниченко

«Родился в 1968 году в семье культработника в Якутии на красивой сибирской реке, где даже снег не тает в руке. В 1982 году семья переехала в Минусинск. Здесь окончил 10 классов и пошёл работать на стройку. Первая интересная работа – реставрация церкви в Малой Минусе. От своей работы строителя получаю большое удовольствие.

Сочинять стихи начал в 2005 году».

Великая Русь

От имени Русь называют Россию,
И это, поверь мне, не зря:
За эту Россию прадеды бились,
Это ведь наша земля.

Здесь прадеды жили, отцы наши тоже,
Теперь вот и мы в ней живём.
Спасибо, Россия, что ты нас сплотила
Всех под двуглавым орлом.

Россия восстала из пепла
Тогда, в сорок пятом году,
Россия душою окрепла –
Я в этой России живу.

Россию нельзя никому победить,
С Россией надо, ребята, дружить!
Россия, поверьте, не хочет войны,
Войны народам совсем не нужны.

Нужно спокойно сесть за столы,
Бокалы поднять и сказать все тосты:
За мирное небо над головой,
За теплое солнце и дождь над землей.
А кто на Россию поднимет топор,
Поверьте, получит достойный отпор.

Быль о Енисее

А был когда-то батюшка,
Могучий Енисей,
И ходило по лесам
Множество зверей.

Баржи здесь ходили,
Ракеты, пароходы,
А весной всегда
Случались ледоходы.

Вода была хрустальная –
Все камушки видать,
А сейчас, что стало –
Не можем мы понять.

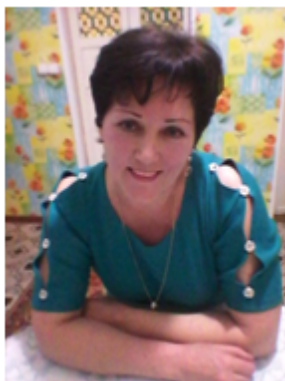
И был наш Енисеюшка
Могучею рекой.
И прошло немного лет,
Как он стал такой.

И зачем вы, люди,
Столько дамб установили?
Вены и артерии
Ему вы перекрыли.

Вода в нём стала ржавая,
Всё тиной поросло.
Осетров и стерляди
Нет уже давно.

Одумайтесь-ка, люди,
Что вы натворили:
Сибирского здоровья
Своих детей лишили.

А был наш Енисеюшка
Могучею рекой,
И прошло немного лет,
Как он стал такой.
И кого теперь винить,
Что он стал такой?..

Елена Пестова

«Моё босоное детство прошло в деревне Марачёвка, самом живописном месте Республики Хакасия, в обществе любимой бабушки. Часто вместе с ней я участвовала в художественной самодеятельности, читала стихи перед зрителями. Любовь к поэзии зародилась во мне с раннего детства».

Откровенный разговор

Откинь сомненья прочь, мой друг,
Ведь в мире этом всё взаимно.
Протри глаза, взгляни вокруг –
Жизнь, как дитя, порой наивна.

Порой закружит, пронесёт,
Поднимет, как пушинку, в небо,
И ты поймёшь, что никогда
Таким счастливым ещё не был.

Порой ударит, словно гром,
Волной огонь пронзит всё тело,
И хаос полный вдруг потом.
И мыслишь: «Боже, что же делать?».

И тяжкий груз на сердце ляжет.
«Но нет, не сдамся я! – ты скажешь. –
Я фору дам, возьму вершину,
Хоть сотню миль пройду с аршином!».

И вот опять уж на коне.
«Прорвись, про страхи все забудь,
Держись достойно ты в седле!» –
Диктует снова жизнь тебе.

Мы так устроены, мой друг...
В пучине страсти лютой тонем,
Когда нам больно, тихо стонем,
А жизнь всё бьёт ключом вокруг.

Так будь же, друг мой, благодарен

За свет зари, что ночь сменяет –
Ведь жизнь, мой друг, – капризный барин,
Судьбою нашей управляет.

То дарит нам любовь без меры,
То горем сводит нас с ума.
Нам не дано познать той меры,
Что будет выпита до дна.

И коль уж мчит нас круговерть шальная,
Сопротивляться не спеши,
Ведь жизнь прекрасная такая,
Ты ею дорожи, цени!

Чарующий закат

Свет солнечных лучей, словно играя,
Своим сияньем нежно тучи обнимая
И огненные искры рассыпая,
Просторы синевы небесной озаряет!

И мы, с восторгом восхищаясь
Сей неземною красотой,
И, как младенцы, умиляясь,
Несём в себе земной покой!

Чаруя взор, закат багряный,
Накинув тёмную вуаль,
Меняя образ свой румяный,
Уходит вдруг куда-то вдаль.

А там, вдали, за горизонтом,
На смену Солнцу уже спешит Луна...
И Землю, словно вдруг накрыло зонтом –
Ко сну готовить стала всё она.

Спешат укрыться птицы, звери,
Заполнила пространство тишина,
Лишь изредка мелькают тени,
Незрима уж деревьев вышина.

Вот серой дымкою окутались все горы,
Вечерней мглой покрылись уж поля просторы,

И в небе пышных облаков узоры
Даруют таинство Вселенной нашим взорам,

Печалью тишины, возвысив наши души
И погружая в пелену ночи,
Спокойствия природы не нарушив,
Рождают в нас и грёзы и мечты.

Тоска по сыну

О, ангел мой милый!
Ну, где ты, родной?
Тоскливо мне очень,
Забрал ты покой.
И небо так хмуро,
И тучи плывут,
И мысли покоя
Никак не дают.
Здоров ли кровинка...
И всё ли в порядке...
А, может, случилась
Какая беда?!
Быть может, грустишь
Ты сейчас одиноко,
И гложет какая-то
тайна тебя?..
Откликнись, сыночек,
И я без оглядки
На помощь к тебе
Поспешу, как всегда.
Душой своей нежно
Тебя я согрею,
Любовью своею
Всю хворь излечу.
А горести тайны,
Как вихрем, развею.
Ты знаешь, сыночек,
Я это сумею.
К тебе, как на крыльях,
Родной, прилечу.
Как быть мне, не знаю...
Я очень скучаю
И сильно люблю!!!

Валентина Подольнова

Родилась в Поволжье. Детство пришлось на годы войны. Закончила сельхозтехникум, работала по специальности «зоотехник». Заочно училась в пединституте. В Сибирь приехала в 1968 году. Более 40 лет проработала учителем русского языка и литературы. Сейчас на пенсии, активно участвует в общественной жизни

Случайные мысли

Перед окном моим на площади
Елку впервые поставили.
Любовались ею прохожие,
А к ночи одну оставили.
И стоит она одинокая,
От смолы лесной ароматная,
Неземная тоска глубокая
В каждой ветке её запрятана.

Где подружки ее хороводные?
Грустно, холодно ей стоять,
Над нею – небо чужое звездное,
Да метель завывает опять.
Снегом, как пухом, согретые,
В безмолвии царства лесного
Остались подружки где-то.
Им уж не встретиться снова.
Чем же жизнь измеряется?
Юности дни беспечные
Когда-нибудь все кончаются,
А думаешь – счастье вечное.
И запомнят надолго жители
Елку не в зале, на улице.
Раскудрявая, распечальная –
Для кого, для чего красуется?
Как меняемся мы с годами:
Грубеем, тупеем, мельчаем,
Досадно не замечая,
Как что-то в себе теряем.
Невежество нас не смущает,
Зависть черная нас обжигает.

А коварное равнодушие
Поразило плесенью души.
Никогда душе покоя нет.
Страхи преследуют и пугает
Страх за дом, за детей, за весь свет
Да и СМИ тревоги рождают.

За каждым порогом, за каждым окном
Души кошмарит тревога.
О, люди, тревога на шаре земном
И в царстве небесном у Бога.
И думаешь, стоит ли тратить
Без того наши краткие дни
На «стечение обстоятельств»,
Что стеною стоят на пути?

Осени приметы

Осень наступает,
И уходит лето.
Каждый это знает
По своим приметам.

И погода хмурится,
И темнее просинь,
То листок закружится,
Но еще не осень.

Отзвенели на заре
Сельские покосы.
Спас медовый на дворе,
Но еще не осень.

И рябина спелая
Налилася соком,
Ветками несмело
Постучится в окна.

И ребячьи голоса
Отдаются эхом,
Но светлее вода,
И уже не лето.

И свежее на заре,
Дожди и грозы где-то.
Еще не осень на дворе,
Но уже не лето.

Не гудят сердито шмели,
Пожелтели грядки,
И в лесу уже поспели
Рыжики, опятки.

Отошла клубника
До другого лета.
Это тоже осени
Грустная примета.

Загрустили птицы
О чем-то о своем,
Уже поет пшеница
Спелым колоском.

Осень наступает,
И уходит лето.
Это каждый знает
По своим приметам.

Подыши весной и облегчи грудь,
Про печаль-тоску ты на миг забудь.
Сходи на реченьку и бережок крутой,
И печаль твою унесёт волной.
Вода светлая и волны быстрые,
Ах, речка- реченька,
Как нам выстоять?
Речь вдаль и вдаль, как и дни, года...
Как-то ты сказал, что буду я одна.
«Но я ведь гордая и тебя сильнее,
Пусть буду я одна,
Но только не твоей».

Татьяна Снеговых

*Родилась на Волге в п. Жажлево в 1959 году.
«Моя жизнь разделилась на две половины. Часть её
я прошла на Волге, а вторую часть – в Сибири, в
Иркутской области и в Красноярском крае. <...>
До настоящего времени работаю в медицине,
стихи пишу с детства обо всем. Последние годы
больше пишу о войне и о жизни».*

Ночная смена

Гул моторов в тишине ночной,
На полях войны не светят фары,
И напарник сонный, молодой,
Как маяк, стоит в меже усталый.

Режет плуг печальные пласты,
На сиденье в ватнике – девчушка.
В руль вцепилась, ноги короткие,
До педали дотянуться нужно.

Покачнулся столбик – и пропал.
Резко тормозит девчонка трактор.
Спит в меже калачиком, упал
Юный мальчуган – устал проказник.

Два часа в стогу, в ночной тиши
Тракторист-девчонка отдыхает.
Силы набирает от земли,
На «коня» – и вновь её взрывает.

Трактора терпели перегруз,
Но пахали, сеяли, косили.
Для свободы не жалели сил,
Никогда пощады не просили.

Стар и млад в деревне не стонал,
Тыл стоял, ковал победу,
Вытирал слезу, родных терял.
Силу духа не сломили беды.

Из детства не погаснет уголек –
Живое горькое воспоминанье.
Принес отец мой для семьи паек:
Пшено в котомке в небольшом стакане.

Крупа, решила мать, на две семьи, –
Душа болит за себя и крестную.
Стакан, казалось, можно разделить –
На самом деле не совсем уж просто.

Сначала разложила пополам,
Потом по совести – своих в два раза больше.
Заплакала, добрейшая душа:
Нужда, война – в груди черней и горше.

Далекий день из сердца не сотрешь:
Стакан пшена, родная мать и слезы.
Святой и благородный человек,
Склоняем головы за подвиг ваш в те годы.

Вспоминает мать поездку в Горький –
Триста верст дорогой тишины.
В лагеря, с нагруженной кареткой,
Шли четыре женщины войны.

Сухари сложила в куль, продукты
Завернула в ткань и отошла.
- Доченька, дороженька до тятки
Далека, вот валенки нашла.

Подшивала валенки, чтоб ноги
Не зашлись от холода в тепле.
Снарядила старшую кровинку –
Не было отказов на войне.

Шли четыре дня, поспав в приютах,
Вновь с собой тащили за спиной
Сухарей нагруженных котомки,

Для мужей, ослабленных войной.

Тощую похлебку принимали
От зари до мрачной темноты,
Ценный груз для фронта отправляли
Мужики – работники войны.

Не забудет дочь до самой смерти,
Как не мог насытиться отец,
Прижимал сухариков котомку
И жевал, как сладкий леденец.

И уснул так крепко, словно небо
Не светилось взрывами войны.
Успокоили таблетки хлеба,
Помогла посылка от жены.

Утром в строй метнулся без портянок,
Босы ноги сунув в сапоги.
Два отгула получил, как пряник,
Санаторий посреди войны.

Через двое суток – вновь дорога,
Крошки хлеба не было с собой,
Подали другой кусочек хлеба
Земляки, сплоченные войной.

Мать открыла двери, зарыдала –
Не ждала, зажата войной.
Выжить тятке дочка помогала,
Не жалея жизни дорогой.

Оказалась встреча расставаньем,
Вскоре уходил отец на фронт.
И погиб, и не увидел праздник,
Не обнял родных своей рукой.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ КАПЕЛЬ»

Творческое объединение, с. Кордово, Курагинский район.
Руководитель Ольга Васильевна Макарова

Марина Базаркина

Участница творческого объединения
«Литературная капель»

Родина моя

Раньше здесь была одна малая заимка,
Сквозь тайгу сюда вела малая тропинка.
Разрослась тропа в дорогу, разрослось село –
Много в Кордово народу дом свой обрело.
Много в Кордово народу счастье обрело.

Припев:

Родина моя! Родина моя!
Здесь души моей приволье – речка и тайга.
Здесь души моей приволье – речка и тайга.
Родина моя! Родина моя!
Здесь живут простые люди,
Здесь моя семья.
Здесь живут простые люди,
Здесь моя судьба.

Годы огненные мимо не прошли,
На фронтах сражались лихо наши земляки.
И под мирным небом мы теперь живем,
О любви к своей Сибири песни мы поем.
О любви к своей деревне песни мы поем.

Припев:

Спасибо, школа.

Вот и кончилась прекрасная пора,
Отзвенел последний звонок.
Ухожу со школьного двора...
Ах, как быстро пролетел годок,
Полный заданий, учений, ответов,
Уроков и коротких перемен,
Разговоров о дальнейшей жизни и советов.
И теперь я ухожу из этих стен.
Я приду сюда еще на встречу,
Но ученицей не буду.
На уроке больше не отвечу,
Школьных лет, конечно, не забуду.
Спасибо Вам за то, что Вы нас научили
Думать, чувствовать, писать, решать.
За то, что радость и любовь дарили,
И я хотела б пожелать:
Всегда оставаться такими,
Дарить ученикам добро и свет.
Быть всегда справедливыми,
Здоровья, счастья и жизненных долгих лет!

Дочери

Первый раз – в первый класс –
Прозвенел звонок для нас!
Вместе с дочкой
Выводим крюочки.

По слогам читаем,
Задачки решаем.
Нужен ли растениям свет
И бумаги в чем секрет.

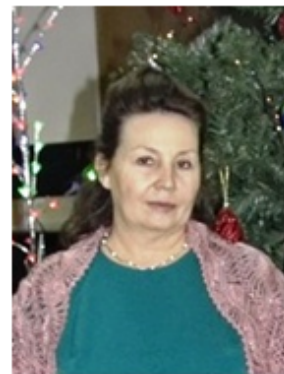
Опыты проводим –
Истину находим.
Учимся писать проект,
Ищем наших предков след.

Вместе – в праздник, вместе – в будни,
Мы поможем, если трудно.

Ирина Завьялова

Родилась в Кузбассе.

«Поэзией увлекаюсь со школьной скамьи. Однажды, приехав в гости в Кордово, полюбила эти места, природу. Много лет живу в этом замечательном месте. Свои стихи пишу душой и сердцем и впервые их выношу на суд читателей».

Выбор

Есть «да» и «нет», есть тьма и свет,
Огонь сжигающий и лютый холод,
Есть у медали две стороны,
Есть сытость барская и волчий голод.

Есть солнца луч и лунный блик,
Вселенной музыка, земли молчание,
Есть грубость наглая и доброта,
Гармония, а есть непониманье.

Убогость серая, надменный лоск,
Дороги есть и тупиков забвенье.
Есть в жизни слепая суета
И яркая мечта творенья!

Любовь и ненависть, добро и зло,
В одном саду – полынь и роза,
Есть правда горькая и сладость лжи,
Смерть костлявая, звезды рождение,
Есть выбор, а есть предназначение.

Хрупкий мир разорван на части,
Каждый ищет половинку свою,
Только тот, кто верит в Любовь и Счастье,
Непременно встретит её.

И сольются тела и души –
Половинки в единое целое,

Тот, кто верит в любовь и счастье,
Обретает бесценное!

Обретает неизмеримое –
Гармонию любви и счастья.
И тот, кто верит в неоспоримое,
Неделимою будет частью!

Пряных листьев под ногой дорога,
Облетевших и отживших срок,
Черный ворон прогорланил непогоду,
Ненастье предрекая наперед.

Осень поздняя одела рукавички,
Повязала теплые шарфы,
Чередятся дни, близнецы-сестрички,
Затянулись промозглые дожди.

В ненастье сером, в осенней тишине,
В безмолвии свое есть обаяние.
Пришла пора прощаться с Осенью,
Я говорю: «До скорого свидания!».

Кто-то в таежном поселке,
Сон прогоняя прочь,
Вяжет носки той девчонке,
Ради которой живет.

Душу вплетает и ласку,
Нежность свою и любовь,
Чтобы теплей той девчонке
В городе дальнем жилось.

Пусть вспоминает девчонка,
Носки одевая в мороз,
Что где-то в таежном поселке
Сердце родное живет.

Мегаполис

Поток машин, людей толпа –
Не разойтись, не разбежаться.
В бескрайнем городе совсем одна,
Как мне среди людей не затеряться.

Миллионы глаз, миллиард огней,
Навязчивой рекламы блоки,
Одна я, одинешенька, среди людей,
Таких же одиноких, слышу вздохи.

Поток машин, людей река –
Все крутится по замкнутому кругу.
И каждый одинок по-своему,
Не видя, мимо проходя друг друга.

В зеркальном блеске витринного стекла
Бетона этажи пронзают небо,
Безликой тенью среди толпы бреду,
Поймав себя на мысли: «Кто я, где я?».

Смотрит осень в мое окно,
Щедрая на ласки,
Я с тобою заодно –
Кисть взяла и краски –
Срисовав на полотно
Сосны и березы,
Разукрасив в ярко-рыжий
Поздние мимозы.
Красок пестрых листопад,
Грусть и тишина.
Осень золотом сошла,
Околдовав меня!
Небо – в ярко-синий цвет,
Капнув чуть ультрамарина,
«Бабым летом» назвала
Осени картину.

Ольга Макарова

*Руководитель творческого объединения
«Литературная капель».*

*Родилась 1957 в Сибири с. Большая Салба
Идринского р-на Красноярского края, в семье
учителя. Свою жизнь посвятила служению книге.
Более 40 лет отработала сельским библиотекарем.
Участница призер и победитель профессиональных
районных и краевых профессиональных конкурсов.*

Баллада о Кристине и Константине

Кугушевой Кристине Ефимовне посвящается

Слушай, читатель,
Историю эту.
Вдова молодая,
Собою Джульетта,
Внимательно смотрит
К нам в души,
Внимательно смотрит с портрета.
Кристиной зовется
Красавица эта...

Среди тайги бескрайней
Есть Кордово, село.
Здесь она родилась
И встала на крыло.

На соседней улице
Таёжного села
Сибирская красавица
Судьбу свою нашла.

Близко – недалёко
Повстречала сокола.
Во всём белом свете
Люб ей лишь один
Белоногов Костя,
Костя – Константин.

Зорьки краше вешней
Черёмухи в цвету.
Расцвело их чувство
У мира на виду.

От любви их светлой
Народились дети,
Жить бы им да здравствовать
Счастливей всех на свете.

Только солнце красное
Дым густой закрыл:
Собрались полчища
Самых чёрных сил.

Шла орда фашистская
Уничтожить нас
Утром сорок первого
В предрассветный час.

Стоном содрогнулася
Русская земля,
От границ далеких
До самого Кремля.

На страны защиту
И родной земли
Со своим народом
Сибиряки пошли.

Как давно все было —
Ей кажется — вчера
Проводили Костю
Со своего двора.

Он с детьми простился,
Любимую обнял,
С победой возвратиться
Он ей пообещал.

Проводила сокола —
Думала — ненадолго.
Только нет как не было

В её жизни радости.

Похоронка вороном
Прилетела в дом –
Грусть-печаль глубокая
Поселилась в нем.

На чужой сторонushке
Мил закрыл глаза,
Прийти на могилочку
К нему никак нельзя.

Сердце стало камнем,
Почернело вмиг,
И в очах тоскующих
Белый свет поник.

Поднимала детушек,
Хлеб ей горек был,
Выплакала глазоньки,
Жить не было сил.

За троих работала,
Чтоб детей поднять.
Им ты заменила
И отца, и мать.

Как же было трудно,
Знает лишь она –
Вмиг вдовою стала
Юная жена.

Сватались мужчины
К ней не раз, не два,
Но хранила верность
Солдатская вдова...

Клала две подушки
В холодную постель:
Вдруг муж ее вернется
И снимет с плеч шинель.

Пусть без ноги вернется,

С пустым ли рукавом,
Зато отцом и мужем
Войдет в родимый дом.

Годы вдаль умчались,
Как белесый дым,
Только сердце нежное
Осталось молодым.

Наступила старость –
Девяносто лет...
А войне минувшей
Всё забвенья нет.

Плохо спит ночами,
Не смыкая глаз,
Костю – Константина
Ждет и по сей час.

И, взывая к Богу,
Просит об одном,
Чтобы похоронки
Не приходили в дом.

Чтобы похоронки
Женщины Земли
Лишь в музейных залах
Посмотреть могли.

Нам жизнь свою
Есть с кем сравнить,
Судьбу свою
Есть чем измерить.
Любовь нам вашу
Не забыть.
Ах, как хочу
Я в это верить!

Пусть каждый выберет ответ –
Что это? Подвиг или нет?
Ты перед вечностью права –
Права, солдатская вдова!

Татьяна Макарова

С самого раннего детства любила читать. Любовь к чтению привила ей мама, Макарова Ольга Васильевна, библиотекарь и основатель «Литературной капели».

«Стихи – как люди. У каждого – своя судьба. За редким исключением, мне кажется, они пишутся по наитию, когда автор выплескивает на бумагу свои чувства и переживания, поначалу не слишком заботясь о том впечатлении, которое они произведут на другого человека».

Летние грезы

Я мечтаю летом капельку отведать
Млечного пути,
По росе медовой
Босиком пройти,
Самоцветы радуги
Повязать на грудь,
Яркою зарницею осветить твой путь.

Уходит детство

Нервы, как струны,
Натянуты тонко.
Плачет, рыдает
Смешная девчонка.

Колесница времени
Помчалась вскачь,
Не печалься, девочка,
Не грусти, не плачь,

Что судьбой отмерено –
Сбудется в свой срок.
Тоненькое деревце,
Березовый пей сок.

Людмила Рожкова

Окончила факультет иностранных языков Кировского пединститута, преподаёт немецкий и английский языки в Кордовской средней школе. Любит путешествовать. Посетила многие европейские страны, страны Африки и Юго-Восточной Азии. Публиковалась в альманахе прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор». В конце 2016 года вышла в свет книжка-раскраска «Стихи для детей и не только...»

В ожидании лета

Умылось небо чистотою,
Встряхнули ветви сосны, ели,
И серебристою росой
Закапал первый дождь в апреле.
Куда девались серость, скука?
На смену им пришло веселье.
Березки тянут к солнцу руки,
Скворцы справляют новоселье.
Опять повеяло весною,
И зажурчал ручей искристый,
И муравьи бегут гурьбою –
Пора, трудяги, торопитесь!
Паук свои узоры вяжет,
Вдруг прожужжит пчела шальная,
Цветов ковер на землю ляжет,
Придет гроза в начале мая.
Бодрит весенний свежий ветер,
Щебечут птицы, не смолкая,
А на опушке в тихий вечер
Твердит кукушка, дни считая.
Раскинут кроны леса чащи,
Черемуха вскружит сознание,
И ничего тогда нет слаще
Прихода лета ожидание!

До свидания, осень!

Что-то припозднилась нынче осень,
Затерялась в северной глуши.
Погоди, придет и нас не спросит,
И начнет трудиться от души.

Налетит внезапным буйным вихрем,
Серой тучей вдруг из-за горы,
Пошумит, устанет и затихнет,
Притаится где-то до поры.

Оборвет с деревьев позолоту,
Лист последний у скамьи в саду.
И, довольная проделанной работой,
Приморозит речку поутру.

Напугает серостью и стужей,
Тягостным занудливым дождем.
Сумрак. Слякоть. Пузыри на лужах.
Не впервой, ненастье переждем!

Журавлиный клин к теплу стремится,
Не по нраву осень журавлям.
И летят, курлыча в небе, птицы,
Кланяясь и рекам, и полям.

До свидания, осень золотая,
Долгой быть зиме, сомнений нет.
Прилетай обратно, птичья стая.
А пока еще – в руке букет!

На крыши опустился вечер.
Застыли в сумерках дома.
Ни огонька, один лишь ветер
Гуляет с ночи до утра.
На страже зоркий месяц ходит,
Заглядывая в каждый двор.
Его подружки в хороводе
Безмолвно свой несут дозор,

Мерцая дальним слабым светом.
Деревня спит, не скрипнет дверь,
А у печи, теплом согретой,
Нелепой кажется метель.
Поземкой выюга в поле мчится,
Метет сугробы вдоль дорог,
Но крепкий сон, подобно птице,
Крылом укроет от тревог.
Устанет, ослабеет выюга,
Лениво тявкнет где-то пес.
И то ль с востока, то ли с юга
Стучит по рельсам тепловоз.
Мороз крепчает, скоро утро,
Взовьется над трубой дымок.
И золотистым перламутром
Алеет над горой восток.

Прохладным безветренным утром
Пройдусь по траве босиком.
Рукой помахая кому-то,
Сидящему в лодке с веслом.

Умоюсь росой серебристой,
К журчащей речушке спущусь.
На берег сбегу быстро-быстро,
Как в зеркало, в воду всмотрюсь.

Подол подберу у юбчонки,
Шагну в леденящую глубь,
И вдруг засмеюсь, как девчонка,
Заливисто. В полную грудь.

«У ЛУКОМОРЬЯ»

Клуб любителей поэзии, п. Курагино.
Руководитель Любовь Алексеевна Горланова

Ольга Ехомова

Выпускница Московского университета искусств по специальности «Станковая живопись». Работала учителем, заведующей клубом, художником-оформителем. Заместитель председателя поэтического клуба «У Лукоморья». Печатается в газетах «Тубинские вести», «Аргументы Курагино», «Красноярский железнодорожник», в литературно-художественных альманахах «Истоки» и «На высоком берегу», в сборнике сибирских поэтов «Таежные зори». Автор песен о малой родине.

Память

Расскажи мне, милый, сказку,
Оплети мой ум словами...
Стану я опять веселой,
С сумасшедшими глазами.

Помани из дальней дали,
Вечны ведь любовь и муки...
Вместо горя и печали –
Обнимающие руки.

Не хочу с тобой прощаться,
Не прощаться – тоже сложно.
За туманом синим – счастье,
И добраться невозможно.

Вовсе же не летней дремой –
Май встречает холодами...
Мир далекий, незнакомый
Между нами, между нами.

Алые паруса

Признаюсь я повинно:
Всю жизнь люблю я Грина.
Пленило душу чудо
Гриновских миров...
Без этой бы я веры
Не выжила, наверно,
Но согревал мне душу
Свет алых парусов!
Когда в сердцах – остуда,
Поверить трудно в чудо,
Мешает равнодушие
И к людям, и к судьбе...
Наверно, мало радости –
Жить в злобе, творить гадости,
Отказывая в радости
И самому себе!
Бесстрашный Грей был в воле
Дать чудо в дар Ассولي
И сделать сказку былью,
Бессмертною в веках...
Мечта мечтой, но все же
Не так уж это сложно,
Ведь ключик к чуду этому –
У каждого в руках!
Сто раз был прав писатель:
Завистлив обыватель,
Он не приемлет чуда,
Не верит в чудеса...
А в общем-то, для счастья
Достаточно участия,
Ведь именно участие
Взметнуло паруса!

Покажись снежинкой на стекле,
Дождевою капелькой скатись...
И опять, как много лет назад,
Вдруг в меня отчаянно влюбись!

Солнечным лучом коснися губ,
Музыкою ветра обаяй...
Все мои веснушки на лице
С нежностью опять пересчитай.

Нашепчи мне в ушко много слов
О любви, о счастье, о весне...
Загляни мне ласково в глаза,
И я буду счастлива вполне!

Не огорчайте матерей!

Для матери по-прежнему мы – дети,
И даже с сединою на висках...
Для матерей (для всех на белом свете)
Одна забота – чудо на руках.
Ведь встарь ребенка называли чадом,
А потому и вдалеке не надо
Нам мам своих надолго забывать.
Беречь их надо! Всех усилий мало,
Чтоб долг отдать, сыновний долг отдать,
Чтоб мог сказать ты, не стыдясь и прямо:
« Я был тебе хорошим сыном, мать! ».
Зачем любви искать высокой где-то,
За тридевять земель идти за ней?
Любить дано лишь матерям на свете
Любовью бескорыстною детей.
Горят ночами у иконок свечи.
«Спаси, Господь, от всяких бед лихих...».
В поклоне опустились долу плечи,
Мать Бога молит за детей своих.
За тех, кто рядом, кто еще в дороге,
За тех, кто в море, кто живет вдали...
Не забывайте о родном пороге
И находясь на краешке земли.
Вас ждут, вас помнят,
Вы – всего лишь чадо!
Для матерей – ребенок навсегда...
Не огорчайте матерей, не надо,
И торопитесь им долги отдать!

Светятся звездами наши желания

Как радостны лица прохожих сегодня,
В предпраздничный этот канун новогодний.
На елках – гирлянд золотое сиянье,
Нарядные люди спешат на свиданья...
Свиданья со сказкой, надеясь на чудо,
И кто в Новый год их за это осудит?
Случается так, что Господь милосердно
Дарует нам то, что мы просим усердно:
Любовь – обделенным, здоровье – убогим...
Дарует и счастье, но очень немногим.
На краешке самом года былого
Мы ждем для себя благоденствия снова!
Плохое со временем, может, забудется,
Хорошее, может, со временем сбудется...
В небе бездонном, в звездном мерцании
Светятся звездами наши желания:
От низменных самых до самых высоких,
От легкомысленных до очень строгих...
Живем мы, надежды в сердце лелея,
О чем-то мечтая, о чем-то жалея.
Но тот, кто торопится, тот, кто идет,
Чем нас одарит, что нам принесет?
Пусть не обделит хорошим и нас,
Собравшихся в зале в торжественный час.
Он, вырастив бороду, тоже пройдет,
Но опыт его пригодится...
Вы слышите? С боем часов Новый год
В сердца наши с вами стучится!

Баллада о без вести пропавшем штурмовике

Шел сорок первый. Много было
В небе врагов в тот страшный год...
Немало ястребков крылатых
Ушли в последний свой полет.

Несли свечой к земле горячей,
И злобствовали мессера...
Я о таких вот, настоящих
Героях, слышала вчера.

И это было утром ранним,
Минут пятнадцать, а не миг...
Показывали на экране
В войну подбитый штурмовик.

Да, сорок первый – тяжкий год...
Земля от бомб врагов дрожала.
Десятки лет среди болот
Машина в топи пролежала.

Кусочек этой вот земли
Безвестной был могилой павшим...
Все годы, что запросы шли,
Искали без вести пропавших.

Им жизнью заплатить пришлось,
Ибо вела святая сила...
В сердцах людских – отозвалось,
В то утро вздрогнула Россия!

Украли подвиг их болота...
Им не поставлен был гранит.
Вот имена их, вот их фото,
С портретов – мужество глядит.

Две тысячи шестнадцатый. Салют,
И возле обелиска внуки, люди...
Герои обрели известность и приют,
Мы в день Победы чествовать их будем.

А время, время – все вперед, вперед,
А сколько тайн еще земля хранит...
Но, память, что людей зовет –
Никто не будет никогда забыт!

Надежда Мисюрова

Родилась в Красноярске. С детства занималась спортом – художественной гимнастикой. Мечтала стать балериной. Поступила в Красноярское хореографическое училище, но из-за болезни с мечтой о балете пришлось расстаться. Увлекается рисованием. Автор поэтического сборника «Мне имя Надежда», «Надежда и Мы», детской книги стихов «Изумляндия» и публикаций в различных газетах и альманахах. Участница литературного клуба «У Лукоморья» п.Курагино.

Осенний сплин

Сентябрь сменился октябрём,
И лето – долгою зимою...
Лишь небо, что над головою,
Всенепрменно в голубом.

Да, это радует, мой друг,
И кажется, есть постоянство...
Какое дивное убранство!
Ты посмотри скорей вокруг!

Дождь листопадный за окном,
И осень смотрит королевой,
Слывя красавицею первой
В своём наряде золотом.

А нас с тобой опять штормит...
В Сибирь уже грядут морозы,
И в сердце словно две занозы,
И голос мой совсем охрип.

Горячий кофе не согрел.
Весь мир как будто держат плечи...
А шоколадом душу лечат
Или же просто – кипой дел?

Здесь холод вовсе ни при чём,
«Всё – сплин и блажь!» – заверил Пушкин...
Как это всё-таки по-русски,

Быть неуверенным ни в чём?

Зарывшись в ворохе газет,
Прочтёшь, что ждут нас перемены,
Твои прогнозы были верны,
И стал безумным целый свет.

Постой, а скоро ведь Покров!
Он землю всю укроет снегом,
Все в этом мире будут в белом,
И только небо – в голубом!

Письма с моря

Забери все ключи, я не пленница в замках воздушных,
Отпусти же скорей в край, где дышится странно легко.
Где соленое море и маленький город есть южный,
Где пурпурною ночью озёра блестят, как стекло!

Заросли все дворы там акацией, терпким жасмином,
Ну, а древние статуи вовсе не спят сотни лет.
И с твоей стороны это было бы правильно, милый,
Отпустить поскорее, купив на корабль мне билет.

Там на палубе реет трехмачтовый парус надежды,
А в порту моряки – своевольный, беспечный народ.
Я хочу быть такой беззаботной, весёлой, как прежде,
Но бессонная память забыться никак не даёт.

Я пришлю тебе море в конверте из Генуи старой,
Крик восторженных чаек, ракушки и тёплый прибой.
В тихой улочке где-то надрывно играет гитара,
И вечернее небо плывёт над моей головой.

Я отправлю открыткой вид на собор Сан-Лоренцо,
Итальянские страсти как будто утихли давно.
Всё же я не пойму, кто тебя прописал в моём сердце?
И до боли знакомый сюжет, словно в старом кино.

Наши судьбы заснял режиссёр, что покруче Феллини,
Наступает развязка и близится острый момент...
Только сердце живое во все времена и поныне
Отчего-то так сильно надеется на happy end.

Карусель

Мелькают дни, как в детстве карусель,
Не знаете, когда в неё садитесь,
Что мигом до конечной уж домчитесь,
Где осень во дворе, а не капель.

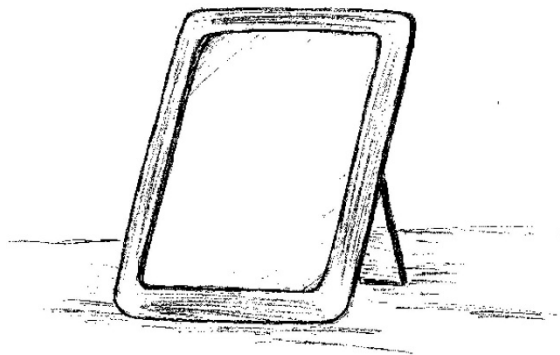
И Дед Мороз – такой чудной старик!
Был просто с улицы соседней дворник –
Напитков горячительных поборник,
За стопку продающий связку книг.

И этим дням, что буднично скучны,
Как будто не хватает ярких красок,
Как в стёклышках цветных волшебных плясок
Причудливой, смеющейся весны.

А зеркала безбожно стали лгать,
Потрескавшись от долгого молчания.
Душа всё та же – в вечном предстоянии,
Не в состоянии это осознать.

Но вот кладу я в тайный сундучок
Несметные, незримые богатства,
Чтоб было, что сказать и оправдаться,
Как по счетам платить настанет срок.

Душа же – неизбывное дитя,
Прошу – её не осудите строго.
Ведь все мы дети малые у Бога,
Хоть сотню лет, хоть тысячу спустя.

Краски бессмертной души

Светлой памяти Валерия Ануфриенко (1940-2015)

Валерий Георгиевич Ануфриенко – художник, воспевавший в своих живописных полотнах красоту Курагинского района, неповторимую природу: реки, горы, поля, окрестности, улицы родного поселка. Увековечил он своим творчеством и простых людей: сельских тружеников, учителей, врачей и всех тех, кто отдавал свои силы на благо Курагинской земли. Он сам говорил: «Я искренне люблю простых людей, тех, кто на земле работает. Рисовать портрет такого человека – это же такая радость, просто наслаждение. И неважно, заплатят ли за работу деньги, продам ли я ее, все это вторично. Главное – получить удовольствие от своего труда, передать внутреннее состояние человека».

Валерий Георгиевич был предан Курагинскому району, любил его и более сорока лет прославлял своим талантом.

Курагинцы знают, что Валерий Георгиевич долгие годы занимался педагогической деятельностью. Работал учителем рисования и черчения. Многие наши земляки, которые уже выросли и, как говорится, вышли в люди, занимают солидные должности, были учениками Валерия Георгиевича Ануфриенко. Постоянно слышу от разных знакомых: «Я был учеником Валерия Георгиевича, я была его ученицей...». И думаешь, скольким людям он подарил частичку своего сердца, отдал своим ученикам внимание, тепло, доброту, знание, сердечность, иначе невозможно получить результат и заронить в сердце ребенка всхожее зерно. Поэтому и остался Валерий Георгиевич в памяти стольких людей. Многие вспоминают его добрым словом, у каждого сохранились свои личные воспоминания о нём.

Валерий Георгиевич был учителем в подлинном смысле этого слова. «А, как же? – говорил он. – Дети смотрят на меня, берут пример, я не могу не соответствовать. Не могу опоздать, подвести...». Он был человеком той эпохи, той закалки, тех нравственных принципов, которые забываются в наши дни. Такие люди встречаются всё реже и реже. И вместе с тем он не был несовременным человеком. Живо всем интересовался, старался быть в курсе разных событий, как страны, так и жизни района – культурной, политической, информационной.

Я знала Валерия Георгиевича на протяжении многих лет. Общаться с ним было очень интересно. У него, как у творческой личности, были особое видение, нестандартный взгляд на мир, он подмечал разнообразные краски и оттенки жизни, которые незаметны простому обывателю. Такие люди не живут лишь хлебом насущным, им открыт более захватывающий мир – бесконечный, разнообразный

мир искусства. Мне нравились его нестандартные идеи и полёт воображения. Чувствовалось, что он молод душой и открыт для познания нового.

Тогда мне было пятнадцать лет и единственным средством самовыражения, доступным мне из-за болезни, стало рисование. Судьба свела меня с Валерием Георгиевичем Ануфриенко. Он не учил меня рисовать, а старался развить индивидуальный стиль, непохожий на другие, в соответствии с моими возможностями и способностями. Расширил мои познания, горизонты, учил воспринимать не только академическую живопись, классический рисунок, но и художников-новаторов, делающих акцент в своих работах на цвет и форму.

Тогда же Валерий Георгиевич познакомил меня с творчеством красноярского художника Андрея Поздеева, которого называют сибирским Матиссом. В Красноярске, на проспекте Мира, в толпе можно заметить необычного прохожего: чудаковатого старичка с мольбертом через плечо и большим зонтом. Горожане воспринимают бронзовую двухметровую скульптуру Андрея Поздеева не как памятник, а как живого человека, с которым можно поздороваться, сфотографироваться, взять его за руку.

А.Г.Поздеев говорил: «Художник как личность более индивидуален. Он позволяет себе то, что другие люди, может быть, и не позволяют. Но на нем лежит большая обязанность: отдавать себя, каков он есть. Он обнажается... И он обязан еще иметь голову, думать, как философ. Философы мысли – невероятная вещь. Они говорят об одном и том же, но каждый со стороны своей индивидуальности. А я еще обязан цветом передавать. И я обязан, если я влез в это дело на всю жизнь – а здесь жизни мало, – все время совершенствоваться и развиваться до самого последнего дня, сколько мне отпущено судьбою». Андрей Геннадьевич Поздеев был одним из любимых художников Валерия Георгиевича, со словами которого можно было согласиться. Внутренний мир творческого человека должен быть разнообразен и богат, он постоянно стремится к совершенствованию себя, открывает новое, самообразовывается, черпает вдохновение, не останавливается на достигнутом.

Валерий Георгиевич был постоянно в работе, всегда чем-то занимался. Помимо живописи, писал очерки, рассказы, повести, стихи, которые печатались в разных изданиях. Он читал много разной литературы, выделяя на это время. Проводил творческие встречи со школьниками – радость от этих встреч была взаимной. Детям было интересно общаться с таким человеком, выполнять его задания, отвечать на вопросы, они не отпускали его, просили приходить еще. Самого Валерия Георгиевича общение с детьми окрыляло, вдохновляло, придавало молодости и сил. Он предчувствовал, что,

возможно, время его ограничено, спешил жить, доделывал важные дела. Но сколько бы человеку ни было лет, душа его остается прежней.

Помню, как Валерий Георгиевич читал свои новые стихи, они у него всегда были заготовлены. Я удивлялась его вдохновенной работе – ни дня без строчки. Всё его трогало... Как творческая натура, он был раним и уязвим, очень тонко и чутко воспринимал мир. Берег свое равновесие и состояние вдохновения. Не каждый способен пронести его через всю долгую жизнь. А Валерий Георгиевич мог выйти на прогулку, и какая-нибудь подмеченная им деталь – человек ли, состояние природы, небо, река могли вдохновить его на написание нового стихотворения или очерка, которые он с мальчишеским огоньком в глазах с радостью читал. Обычно с возрастом такое по-детски яркое восприятие мира утрачивается, но у него всё было иначе.

Так как я увлеклась в основном графическим рисунком, Валерий Георгиевич приобщил меня к творчеству Нади Рушевой, принёс альбом с её работами. Эта юная художница оставила после себя 12000 графических рисунков, несмотря на свою недолгую жизнь. Казалось, она рисовала одним взмахом, одной точной линией, на одном дыхании.

Конечно, общение с таким человеком, как Валерий Георгиевич, повлияло на мою жизнь, обогатило и наполнило её. Когда я была ещё подростком, Валерий Георгиевич принёс мне книгу «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, я ее тогда в первый раз прочитала. Маленький принц – философ, трогательный, открытый, в то же время живущий на своей маленькой планете, старающийся сохранить на ней порядок, человек с чертами взрослого и ребёнка, преданный своей Розе, любивший встречать закаты. Сейчас мне подумалось, что Валерий Георгиевич был чем-то похож на Маленького принца. Пусть кто-то улыбнется моим измышлениям, это и хорошо, это по-доброму.

Как это часто бывает, когда человек уходит, остаётся ощущение недосказанности... Нам кажется, что мы не всё сказали и сделали по отношению к нему. На ум приходят новые слова, решения, переоценка всего. Но вот уже не скажешь... Как христианка, я верю, что человек не исчезает, не уходит в небытие. Душа его бессмертна и продолжает жить и, возможно, даже слышит нас. О Валерии Георгиевиче остались самые теплые воспоминания, и мне будет не хватать такого друга, как он. Нам в наследие остались его творческие работы – его картины, выполненные рукой мастера.

Анна Моор

«Мне 18 лет. Свои первые стихотворения начала писать в 13 лет. Первое время рифма моих стихотворений была очень сложной для восприятия. Мои стихотворения всегда пишутся под влиянием чувств – боли и обиды, и всегда зависят от состояния души. Я очень люблю поэзию, читаю романы. Моим любимым поэтом является С. Есенин. На самом деле я очень активный человек, мне интересно все».

Малая родина

К ней тянется душа во мраке
И в холоде горюет лишь по ней,
Здесь, где растут пшеницы злаки,
Здесь дом, уют и счастье людей.

Здесь я жила, живу и расцветаю,
Как на поляне белые цветы,
И я в широком поле забываю
Накопленную ненависть души.

Зимой здесь белые берёзы
Укрыты покрывалом белизны,
И, словно бы мерцающие грёзы,
Они дарят улыбку доброты!

Здесь осенью красивые поляны,
Покрытые, как золотом шелка!
Здесь есть непроходимые бурьяны,
Но я их с радостью пройду слегка.

Здесь жёлтым ковриком тропинки крыты,
Которые ведут в невиданную даль.
Здесь люди все добры и все открыты!
Здесь Родина моя! Здесь просто рай!

Здесь летом пахнет жёлтыми цветами,
А осенью – душистою травой,
Которую убрали мы руками,
Чтоб сено было на зиму домой!

Мой дом, пусть эта ветхая избушка,
Но в ней свое я детство провела.
Мне здесь знакома каждая кукушка,
Сидевшая на дереве одна!

Здесь душа моя свободна и открыта,
Здесь радость только и желанный смех,
Здесь вся моя печаль забыта.
Здесь ждет меня удача и успех!

Люблю

Во мне горят любовь и радость
Оттого, что вместе будем мы,
Ты для меня – любовь и сладость.
Ты – юноша моей мечты!

Я нежно-нежно поцелую
Твою колючую щеку,
В тебе все чувства я взволную,
Потом скажу тихо: «ЛЮБЛЮ!».

Твой взгляд меня так сильно манит
Своим теплом и блеском глаз.
Надеюсь, что он не обманет,
Мы будем вместе, как сейчас!

Бывает, иногда порою
Ты смотришь молча на меня
И трогаешь своей рукою.
Ты знаешь? Я люблю тебя!

Ты возбуждаешь все живое,
Что бьётся в сердце у меня.
И ты – то самое родное,
Что нужно день мне ото дня!

Чувства!

Судьба свела меня с тобою
И счастье подарила мне,
Тебе я стала дорогою,
А ты стал сильно нужен мне!

И пусть меня все осуждают,
Но чувство-диво будет жить,
И пусть меня предупреждают,
Но я тебя буду любить!

Не слёзы стали, а слезинки,
Они чуть капают из глаз.
Простой мой парень из глубинки,
Ты – драгоценнейший алмаз!

Ты светишься, когда с тобою
Я нахожусь при свете дня,
Тебе я стала дорогою,
А ты – любимый для меня!

Пусть теплый дождик лишь подарят
Нам голубые небеса,
И пусть природа нас поздравит,
Ведь стала я теперь твоя!

Моя душа ликует тихо
Лишь оттого, что вместе мы!
И пусть всем людям будет дико,
Но ведь для нас идут дожди!!!

Александр Полежаев

Родился 8 мая 1956 года в селе Моторское Каратузского района. 12 лет отслужил в армии. С 1986 года живёт в посёлке Б.Ирба, работает на Ирбинском руднике.

Актер Ирбинского драматического театра. Любит заниматься спортом, выступал за команду по волейболу Ирбинского рудника.

Стихами увлекался с юности. Его стихи печатались в местных районных газетах «Твои аргументы» и «Тубинские вести».

Сугроб лежит на хвойных лапах,
Мороз-злодей над нами издевается,
А я балдею, твой вдыхая запах,
И мои губы твоих губ касаются.

Блуждают руки по красе невиданной,
Выпрыгивает сердце, места мало!
И ты простишь, что я такой непутный,
И даже то, что от меня устала.

Забудем все, что было непонятное,
Ведь так бывает часто меж влюбленными,
И вспомним то, как было, когда мы
Горели в страсти, счастьем оглушенные.

Когда вокруг все сразу исчезало,
Не видим и не слышим мир потерянный,
И мы с тобой, забыв про все за ласками,
Совсем, совсем не замечаем времени.

Лишь только ты, миг счастья, забытье,
И мы в любви горим, как на заклании,
Как я просил не говорить прощай,
А прошептать: «Любимый, до свидания...».

Открываю стихи – там ты,
Открываю альбом – там ты,
Там прошедшее так прекрасно,
И несбывшиеся мечты.

Открываю глаза, проснувшись,
Сразу мысль о той, что любила,
И, конечно, радость, что помнишь,
И надежда – нет, не забыла.

Посмотрю телефон – не писала,
Почему-то в груди забилося,
Где ты, как ты, любовь моя,
Почему опять не приснилась?

Открываю стихи – все в прошлом,
А в альбоме – там ты, родная,
Ну, а прошлое – так прекрасно,
А в этом прошлом, там ты, такая...

Ты – мой костер, я – твой остывший пепел,
Твоё тепло уже не для меня,
Но твой огонь так ярок был и светел,
И как тепло мне было у огня.

Ты так меня собою согревала,
Как нежила меня своим теплом,
А я, дурак, всё делал, чтоб потухла,
Ну что ж, дождался, значит, поделом.

Теперь всё серо, как потухший пепел,
Всё пусто, долгожданная пора,
Лишь только искры в небо улетают
Любимого и жаркого костра.

Женщина моя – ты глоток воды,
Женщина моя – тропка от беды,
Женщина моя – «да и нет» в ответ,
Женщина моя – в дальний путь билет.

Женщина моя – лучик в темноте,
Женщина моя – соло в варьете,
Женщина моя – роза на груди,
Женщина моя – счастье впереди.

Для тебя, любовь, верю и живу,
Для тебя, любовь, разведу молву,
Для тебя живу, страсти не тая,
Только ты со мной, женщина моя.

Без тебя темно и не виден свет,
На моё «моя», «да» скажи в ответ,
Только твоё «нет» – будто камень в грудь,
Будто приговор – «всё прошло, забудь».

Только всё равно «я люблю» шепчу,
О любви своей молча я кричу,
Женщина моя – капелька росы,
Женщина моя – искренность слезы...

«ШЕСТАЯ СТРУНА»

Салон авторского творчества, с. Краснотуранск.
Руководитель Виталий Юрьевич Фалько

Галина Изюмская

Поэт. Офицер МВД в отставке. Пишет стихи на протяжении многих лет. Ее творчество многолико. Это и лирика, и патриотические произведения и многое-многое другое.

Баллада о детстве

Я недавно посетила место,
Где когда-то пролетело детство.
Мой Кара-Беллык¹ угрюмый
Спит в горах с своею тяжелой думой.
Раньше не был он таким печальным,
Много улиц было изначально,
В одной деревне было три колхоза!
«Горный пахарь», «Новый путь», «Советский колос».
Люди безработицы не знали,
Были фермы, трактора пахали,
Сеяли, косили, убирали.
Жили крепко люди, не тужили
И село свое родное сохранили.

Детворой мы бегали, играли,
Грибы, ягоды, коренья собирали.
В школу дружную гурьбой ходили,
На переменках игры, хоровод водили.
Нас учили петь, играть, трудиться.
Родителями, школой мы могли гордиться,
Знали, что такое честь и совесть,
Что такое подвиг и что доблесть.
Я любила по лесу скитаться,
Научилась в травах разбираться.

¹ Кара-Беллык – деревня в Краснотуранском районе Красноярского края.

Полюбила с детства я природу,
Полюбила всякую погоду.
Босые ноги помнят пыльную дорогу.
Помнят тепло луж возле порога,
Помнят первые проталины.
И мы катали яйца крашеные в Пасху,
И ходили за цветами мы зимою
В снежный лес, в мороз, вечернею порою.
И спасала нас соседка из сугроба,
Бросив свои ведра у порога.
Наша бабушка нам руки согревала,
Обмороженные ноги снегом растирала,
К замерзшим окнам руки прикладывала,
А на окнах пышным цветом герань полыхала.
С детства я цветок тот полюбила,
Дома у себя потом растила,
И сейчас геранью я люблюсь,
Утром говорю с ней и целуюсь.
Помню, в детстве я еще горела:
Лето. В котле на таганке вода кипела.
Я с подружкой, в легких летних платьях,
У костра стояла с куклою в объятьях.
Ветер дунул, вдруг искра взлетела мне на платье!
Как оно горело!
Я же бегала, кричала, подняв руки. Факелом пылала!
Не умрешь от скуки!
Бабушка, услышав крик, вернулась,
Бросив в речке ведра, мигом обернулась.
Забежав во двор, меня поймала
И ладонями огонь тот мяла, мяла.
С нею вместе мы потом страдали,
На кровати плакали, лежали,
Нам ожоги мазали, зажили,
И смеялись все от радости, что живы.
Брови мои черные сгорели,
И под мышками болело три недели,
Но домашние, и в школе – все любили.
Часто, как артистку, все хвалили:
Я и пела, и плясала,
Акробаткой юной стала!
Очень лыжи я любила,
С больших гор каталась. Падала – не ныла.
Зато я дома слёзы проливала,

Когда снова в угол попадала.
Надо ж было в кожаные мамины перчатки нарядиться
И на лыжах с горы кубарем скатиться...
Валенки, перчатки мокрые от снега,
Но до вершины добралась – и в том моя победа!
На печке русской отогревалась и уроки я учила,
Перчатки мамины отлично просушила...
А на работу утром мама собиралась
И снова громко на меня ругалась.
Я, глаз открыв, спросонья тихо встала,
На маму посмотрев, чуть с печки не упала...
У мамы вместо пальцев скрюченные когти,
Как в фильме ужасов, длиннющие все ногти!
Запомнила с тех пор я на века –
Нельзя сушить на печке кожу и меха!
Вот лето знойное. На пруд иду купаться.
Там дети, утки, гуси – все любили развлекаться.
Побольше воздуха набрав, нырнув, на дне сидишь,
Чем больше насчитают – победишь.
И я любила в детстве наряжаться,
Но только в мамины наряды одеваться,
А что большое – не беда: где подвернуть, где подвязаться,
Но лишь бы модной мне всегда казаться...
На этот раз пришла я в её юбке лучшей,
Решила твёрдо победить, не упустить свой случай.
Юбку сняла, на берег аккуратно разложила,
Нырнула и на счёте шестьдесят я победила!
Выйдя из грязи, водой пошла я обливаться,
А потом на берег – одеваться.
Но юбки моей не было нигде,
А это означало – быть беде!
И рядом тут стоял телёнок, к нему случайно подойдя,
Увидела, жуёт, чертёнок, тряпку, головой крутя.
Когда её я рассмотрела, вы не поверите, друзья,
Мне стало дурно, эта тряпка
Когда-то лучшей юбкой маминой была!
Что было дальше, догадаться вам не трудно –
...Как всегда...
Папа с мамой на работу – я без дела не сижу:
Придумаю концерт, спектакли – и афишу напишу,
Дома на забор приклею – всех подруг я позову,
Загрядимся свеклой и сажеей,
Брови и усы намажем, а гардероб родителей опять в ходу.

В папино галифе подушку затолкаем – и это принц,
В мамино шифоновое платье мы принцессу одеваем,
На голову и шторы тюлевые – это кисея,
Тут есть и барин, барыни – спектакль готов,
А зрители, поклонники – все с улиц дети.
И снова я за всё была одна в ответе.
На велосипеде, помню, так каталась,
Что только гайки разлетались.
И на лошади скакала,
И на мотоцикле в люльке всех детей катала.
Папа с крыши наблюдал.
В общем, снова был скандал...
То топором колено порубила, то палец ранила –
 пилой пилила.
Не была я в детстве тихой, вот и натерпелась лиха...
А как любила книги я читать!
И через них пыталась непонятное понять!
Читая про подводный мир и космос,
Мне хотелось астронавтом, лётчицей иль водолазом стать.
И как любила делать я зарядку
Под радио и утром, перед сном.
Никто не заставлял, и потому любила
Заниматься акробатикой потом.
И сколько помню я себя – всегда на сцене:
Стихи читала, пела песни, танцевала.
К хорошей я учительнице, думаю, попала –
Ксенья Владимировна все мои таланты развивала.
Спасибо ей огромное за это,
Спасибо и за то, что стала я поэтом.
Какое было детство дорогое!
Такое интересное и озорное,
Такое шумное, весёлое, живое!
Счастливое, неповторимое, родное!
Прожурчало, словно песнь ручья,
Прозвенело, словно колокольчик,
И ушло...
А юность, тайнами маня, меня умчала следом за собою.

Виталий Фалько

Руководитель клуба авторского творчества «Шестая струна» села Краснотуранск. Автор-исполнитель песен на свои слова и музыку. «Что мы оставим внукам и детям?» – этот философский вопрос красной нитью проходит через все его творчество.

Добрый вечер

Добрый вечер, друзья, добрый вечер,
Мы так рады, что вы к нам пришли,
Я хочу, чтоб зажглись эти свечи,
И друзей здесь вы новых нашли.

Добрый вечер, друзья, добрый вечер,
Пусть уютно вам будет у нас,
Распахните вы души навстречу,
Наши песни звучат лишь для вас.

Добрый вечер, друзья, добрый вечер,
Пусть улыбки сияют у вас,
И пусть эта осенняя встреча Много
раз повторится у нас.

В этот вечер, друзья, в этот вечер
Мы желаем вам только добра,
Пусть звучат лишь приятные речи
И беды вам не знать никогда.

Елена Фокина

Поэт, директор Краснотуранского историко-этнографического музея села Краснотуранск. «...Я родилась и выросла в Сибири. Верю в то, что у системы Мира есть Творец – Всевышний. А на Маленькой Голубой планете Земля самое интересное из того, что Он создал – люди. И, еще, жизнь такая короткая штука, и потому... Цените жизни каждый миг!».

Синильга

Тунгусы верят в чудеса.
Хранят их древние леса
Давно затерянный в веках
Красавицы Синильги прах.
Там, из колоды на столбах
Струится до земли коса.

Добро творила или зло...
С чего ей так не повезло:
Родиться с дивной красотой
И в мир отправиться иной
С клеймом шаманки молодой?
Быльем предание поросло.

В тайге клубит морозный дым,
Лес стал тревожным и чужим.
Устал охотник, изнемог,
Он заблудился и продрог.
Его привел в чащобу рок.
О, сжальтесь, Небеса, над ним!

Он слышит скрип в тиши ночной.
Пред ним, качаясь над землей,
Колода, как предсмертный вздор,
Таежный разбудив простор,
Раскрыла тленный свой затвор
Тунгусской тайны вековой.

И голос, над тайгой звеня:

- Эвенки прокляли меня,
Но срок проклятия истек,
Лишь солнце озарит восток,
Поправ законы бытия,
Восстану к новой жизни я.

Во дреме леса вековой
Мне надоело быть одной.
Качнулась маятника нить...
Мне не хватает, чтоб ожить,
Любви горячей и земной.
Иди, мой друг, иди со мной!

Уже пленяет рук магнит,
А сердце: «Не ходи!» – твердит:
«Ее коварна красота,
За ней, как белый снег, чиста,
Зияет пропасть – пустота
И тайны вечности хранит».

В усталой памяти плывет:
- Не о тебе ль шаман поет
В яранге людям у костра,
Синильга, холода сестра?
Не о тебе ль шумят ветра
Зимою ночи напролет?

С трудом, сквозь изморозь ресниц,
Он видит ту, что всех девиц
Затмила чудной красотой,
И даже месяц золотой
Прелестнее не видел лиц.
И пал эвенк пред нею ниц.

Горящий взор ее пленит,
И нежность девичьих ланит
Омыты чистою росой.
Вот только локон завитой
Коварной тонкою змеей
Чело прекрасное чернит.

Точеный профиль, томный взгляд,
Богатый царственный наряд.

Он шепчет, словно в полусне:
- Синильга, ты ль явилась мне,
Иль духи в стылой тишине
Над бедным путником шалют?

-Иди, мой друг, ко мне, сюда,
На ложе холода и льда!
Завязнув в полуночном круге,
Эвенк шагнул, раскинув руки,
В объятья призрака – подруги.
Теперь он с нею навсегда.

На елях встрепенулся иней
В полярной ночи сизо-синей.
Во тьме печально бубен плачет,
И каждый знает, это значит,
Шайтану выпала удача
Сгубить эвенка в стуже зимней.

Из книги «От Красной до Турана»

Слава прадедов

Триста десять – секунды и века.
Зеркалом блистающих мгновений
Бурная сибирская река
Отразила много поколений.

Может время повернется вспять,
В глубину речную загляни.
На закате Енисея гладь
Выплеснет далекие огни.

Песни воли, фыркание коней,
Треск поленьев, казаков усталых.
Повидал бродяга Енисей
На своем веку чудес немало.

Через дебри, топи вдоль реки,
Через горные крутые перевалы
Пролагали путь свой казаки,
А кыргызы племя отступало.

Кто-то пал, и чей еще черед?
Шли геройски, понимая, чтобы
Хоть живым, хоть мертвым, но вперед.
По указу царственной особы.

И возник среди тайги острог:
Двадцать изб, часовня, три амбара.
Ни дворцов, ни храмов, ни дорог,
А душе отрада – песнь да чара.

Мы теперь не знаем правды всей
Про казачью стойкость и отвагу.
Может быть, расскажет Енисей,
Как кыргызы приняли присягу.

Как колодник лютый сквозь тайгу
Пробирался и, боясь острога,
Летней ночью или в зимнюю пургу
Уходил звериною дорогой.

Могилев, Чернигов, Киев – Русь!
Ехали в Сибирь за новым счастьем.
Неизвестность, трудность. Ну и пусть!
Прочь сомнения, страхи и напасти.

Ведь Сибирь – свобода и простор.
Лишь работай, будет не до скуки.
А крестьянин знает с давних пор,
Что земле нужны лишь только руки.

Обживались с новой судьбой,
Что в Сибирь свободой зазвала.
Славны наши прадеды с тобой.
Я горжусь историей села.

Краснотуранский район неповторим не только природными красотами, но и имеет свою уникальную историю. С древнейших пор полноводный Енисей привлекал разнообразную флору и фауну, и, соответственно, человека. На его берегах в разные исторические периоды поселялось множество разнообразных народов и рас. Следы

их жизнедеятельности неплохо сохранились до наших дней, и сегодня стоянки, городища, захоронения древних жителей разных эпох, расположенные в нашей местности, привлекают внимание ученого мира нашей страны. Можно сказать, что наша земля является «Вратами в глубину истории».

В 2017 году Краснотуранск отметил свое 310-летие. Прародитель поселка возник, как сторожевой острог. Достаточно полно описал время и причины его возникновения Скобелев Сергей Григорьевич, заведующий лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук, много раз бывавший в Краснотуранском районе с целью изучения определенного периода истории юга Сибири, несколько лет проводивший раскопки в районе горы Унюк:

Абаканский острог. Макет

«...В 2017 г. исполнилось 310 лет со времени создания второго Абаканского острога, строительство которого привело к окончательному закреплению за Россией территории Хакасско-Минусинской котловины. Поставленный в 1718 г. еще южнее – непосредственно у подножия Западного Саяна, Саянский острог создавался на уже присоединенной земле, в основном, как опорный пункт для дальнейшего продвижения в Засаянье, которое по ряду причин не состоялось. <...> Непосредственными «потомками» острога, наследниками его исторической памяти стали исчезнувшее под водами Красноярского водохранилища с. Абаканск и ныне существующий и растущий пос. Краснотуранск – центр одноименного района. В связи с этим промежуточным – 310-летним юбилеем, стоит остановиться на наиболее ярких страницах истории тех мест, где стоял острог, начиная с самых древних времен...».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	3
Высокому берегу – 20 лет!	4
Они были первыми. 20 лет спустя	9
Абрамова Людмила	10
Баженова Елена	18
Васильев Георгий	25
Дементьев Михаил	27
Иванов Григорий	33
Казанцева Вера	35
Мальцева Евгения	37
Носков Игорь	46
Патрушева Тамара	53
Радкевич Магарита	55
Савенков Денис	57
Скокнина Анна	60
Царинных Светлана	62
Творческая лаборатория «Высокого берега»	66
Баранов Владимир	67
Беккер Андрей	74
Булавко Дмитрий	76
Гернего Роман	79
Головин Руслан	81
Данилова Елена	89
Епишина Елена	97
Зайцев Владимир	100
Ивакин Дмитрий	101
Карагулян Кристина	103
Качалина Полина	105
Козлова Мария	112
Коломыцев Дмитрий	119
Комиссаров Илья	127
Конов Виктор	129
Корбан Дарья	135
Манзанов Евгений	141
Маркова Галия	143
Мосейчук Роман	146
Нифантьева Ольга	148
Полянский Константин	162
Регнер Нина	164
Русанова Елизавета	170
Руцкая Марфа	178

Рычков Евгений	182
Сильвестрова Анастасия	186
Спирина Анастасия	189
Тихомирова Анна	195
Топорков Евгений	197
Федотов Максим	205
Федяева Лилия	207
Филатов Александр	217
Хит Юлия	222
Чехова Анастасия	224
Чучков Никита	229
Шульгин Иван	231
Щербакова Татьяна	234
Друзья и гости клуба	243
Еремин Николай	244
Иващенко Татьяна	250
Левская Ольга	255
Островская Татьяна	264
Полухин Владимир	267
Красноярский институт водного транспорта	277
Гарифуллин Тимур	277
Дубровин Сергей	279
Кузичкин Вадим	280
Морозов Алексей	281
Творческие объединения юга края	282
Тараканова Ольга	285
«Вдохновение»	289
«Литературная капель»	303
«У Лукоморья»	316
«Шестая струна»	333
ОГЛАВЛЕНИЕ	343

Составители:

Тамара Ивановна Блинникова,
главный библиотекарь НБ БИК СФУ (тел. 291-27-44)

Людмила Васильевна Конева,
главный библиотекарь НБ БИК СФУ (тел. 206-39-23, e-mail: lkoneva@sfu-kras.ru)

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

Выпуск 7

Ответственный за выпуск: Е. Н. Касянчук

Корректор Т. И. Блинникова

Дизайн и компьютерная верстка Л. В. Конева

Рисунки: Л. В. Конева

Обложка (фото): О. Э. Исмагилова

